ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2004

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2004, №2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н.САНУКОВ (главный редактор)
Ю.В.Андуганов (зам. главного редактора)
В.Е.Владыкин
Ю.А.Зеленеев
А.Г.Иванов
И.Г.Иванов
М.Г.Иванова
А.Д.Каксин
В.К.Кельмаков
Г.М.Керт
Н.Д.Конаков
В.Г.Кудрявцев
Т.Л.Молотова (отв. секретарь)
В.В.Напольских
Т.Б.Никитина
А.Н.Ракин
В.В.Седов
В.С.Соловьев

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г.Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Казимов А. Журналу «Финно-угроведение» – 10 лет (1994–2004 гг.).... 3
Сануков К. Марийские филологи в условиях репрессий 1930-х годов 7
Шабаев Ю., Конаков Н. История этнографического изучения народов коми 24

СООБЩЕНИЯ

Христолюбова Л. Женщина и война (Об участии удмуртских женщин в Великой Отечественной войне). 66
Сшкала А.-Л. Исследование финно-угорских мифологий: методические вопросы 80
Кульбаева Н. Марийский театр и драматургия в контексте театрального движения «Майатул» 86
Берестова Е. Роль конфессионального фактора в регулировании семейно-брачных отношений во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Удмуртии) 94
Лебедева Э. Синтаксические особенности марийских пословиц и поговорок 110

ПЕРСОНАЛИИ

Молотова Т. Сеппо Лаллукка (к 60-летию со дня рождения) 119
Никитин В. Сергей Владимирович Большов (к 50-летию со дня рождения) 129

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Востриков В. Рец.: Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Сборник документов и материалов. 2-ое издание, дополненное и переработанное. Сыктывкар, 2004. 288 с. 132
Исанбаев С., Сухих В. Рец.: Бондаренко О.Е., Князева Г.А., Турубанов А.Н. Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2004. 183 с. 136
Шайдуллин Д. Рец.: Кудрявцев В.Г. Деревянное зодчество марийцев. Йошкар-Ола, 2004. 120 с., ил. 140

ХРОНИКА

Иванова М. Всероссийская научная конференция, посвященная 50-летию удмуртской археологической экспедиции и 80-летию В.Ф. Генинга.. 143
Садовин И. Финно-угорский календарь культурной и научной жизни 2004 года 155
Кузьминых С. Вспоминая Карла Фредрика Мейнандера (1916–2004 гг.).. 162
Содержание журнала «Финно-угроведение» за 2002 год 168
Содержание журнала «Финно-угроведение» за 2003 год 169
Сведения об авторах 172

«Финно-угроведение», 2004, № 2.

СТАТЬИ

Александр Казимов
Йошкар-Ола

ЖУРНАЛУ «ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ» – 10 ЛЕТ
(1994 – 2004 гг.)

Последние годы прошлого и первые годы нынешнего веков характеризуются значительными общественными переменами. Социально-экономические перемены отразились и на развитии науки. Социально-политическое укрепление сообщества финно-угорских народов получило наиболее яркое выражение в расширении и бурном росте культурных и научных связей родственных народов.

Лишь немногим более двух веков назад наука определила, что среди мирового многообразия этносов существует финно-угорская общность, использующая родственные языки. Проведенные финскими и венгерскими учеными научные изыскания в конце XIX – начале XX веков заложили основы научного финно-угроведения. В 20–30-е годы эти исследования продолжили ученые из финно-угорских регионов России. Появились научные труды, начали образовываться научные общества, центры, где исследовались проблемы истории и филологии финно-угорских народов. Затем в нашей стране на несколько десятилетий был установлен запрет на эту тематику. Возрождение отечественного финно-угроведения началось в конце 50-х гг. На начальном этапе финно-угроведение преимущественно имело лингвистическую направленность. Это отразилось на тематике первого Международного конгресса финно-угроведов, состоявшегося в 1960 г. в г. Будапеште.

В 1965 г. вышел в свет первый номер журнала «Советское финно-угроведение», который начал издаваться в г. Таллинне, в Эстонии. Изна-

чально в основу издания было положено лингвистическое финно-угроведение. В первом номере журнала в обращении редакции говорилось, что журнал посвящен «исследованию финно-угорских и самодийских языков».

В 1990 г. журнал начал выходить под новым названием: «Linguistica Uralica». После обретения Эстонией независимости этот журнал стал заграничным изданием и стал малодоступен для российских ученых и читателей.

В 70–80-е годы XX века существенно расширился исторический компонент отечественного финно-угроведения. В тематике научных работ больше стало исследований фольклора, этнографии, появились обобщающие труды археологов по проблемам древнейшей истории финно-угорских народов.

Несмотря на различные географические, демографические, исторические и политические условия, влиявшие на развитие финно-угорских этносов, изучение общности исторических судеб, этнокультурного сходства все чаще привлекает исследователей, становится все более значимым компонентом в тематике научных конференций, симпозиумов, семинаров.

В 1992 г. в г. Сыктывкаре состоялся Всемирный конгресс финно-угорских народов, в ходе которого была признана необходимость учреждения научного журнала для освещения проблем языка, этнической истории и культуры финно-угорских народов.

В 1993 г. в г. Йошкар-Оле был образован Научный центр финно-угроведения (НЦФУ). А в 1994 г. был основан российский научный журнал «Финно-угроведение», вышел в свет первый его номер. Главным редактором журнала был утвержден К.Н. Сануков. Периодичность издания была определена ежеквартальная. И в течение шести лет журнал выходил четыре раза в год. С 2000 г. журнал выходит два раза в год. За 10 лет вышло в свет 26 выпусков. Некоторые выпуски содержали сдвоенные номера. В журнале сложилась определенная структура рубрик. Основное место отводится статьям теоретического и научно-исследовательского характера и сообщениям по циклу гуманитарных наук, изучающих финно-угорские этносы. Специальный раздел включает критические статьи и рецензии на новые книги. Особая рубрика содержит персоналии и хронику. Важное место в деятельности редколлегии журнала занимает публикация материалов научных конференций финно-угроведов. Так, в первом номере 1995 г. опубликовано 16 докладов, представленных на I Всероссийской научной конференции финно-угроведов, которая проходила в ноябре 1994 года в г. Йошкар-Оле.

В 1, 2, 3 номерах журнала за 1999 год опубликованы материалы Международного научного симпозиума «Финно-угорский мир и XXI век», который проходил в ноябре 1998 г. в г. Йошкар-Оле. В симпозиуме приняли участие 160 ученых из 13 регионов Российской Федерации.

В 2001 г. журнал опубликовал относящиеся к финно-угорской тематике материалы VI Мирового конгресса по изучению Центральной и Восточной Европы, который проходил в июле-августе в г. Тампере (Финляндия). Опубликован 21 доклад ученых Финляндии, Венгрии, Эстонии и ряда финно-угорских регионов России.

Всего в 26 выпусках журнала «Финно-угроведение» за 10 лет опубликовано 102 статьи и 138 сообщений, 82 рецензии и 51 персоналия, всего более 400 публикаций, не считая материалов конференций, в т.ч.: лингвистика – 37, этнология – 14, финно-угристика – 14, археология – 7, история – 8, др. – 22.

В числе авторов журнала – ученые-финно-угроведы не только из финно-угорских стран и финно-угорских российских регионов, но и из многих других научных центров. Наиболее часто публиковались в журнале известные ученые: И.Лехтинен (Финляндия), К.И. Куликов, Л.С. Христолюбова (г. Ижевск), Ю.П. Шабаев, Е.А. Цыпанов (г. Сыктывкар), Г.А. Корнишина, В.А. Юрченков (г. Саранск), Л.Ш. Арсланов (г. Елабуга), К.Н. Сануков, И.С. Галкин, А.Н. Куклин, В.В. Никитин, А.Г. Иванов, Т.Л. Молотова (г. Йошкар-Ола) и многие-многие другие.

Хронологически публикации в журнале охватывают время с глубокой древности по настоящее время. Тематически – практически весь спектр проблематики гуманитарных наук, относящейся к финно-угорским этносам.

В финансировании выпусков журнала принимали участие региональные научные центры, научные фонды и учреждения финно-угорских стран, особо следует отметить в этом Финляндию. В последние годы журнал получает финансовую поддержку республиканского бюджета Марий Эл.

В перспективе необходимо решить задачу выхода журнала на подписную форму распространения и стабильную регулярность выхода номеров. Для этого, чтобы получить возможность включения журнала в подписные каталоги, необходимо строго выдерживать сроки издания. Это зависит и от стабильности финансирования. Но главное, от чего зависит развитие журнала, – это поддержка российских финно-угроведов – авторов статей, сообщений, рецензий и других материалов.

Научный центр финно-угроведения при Марийском НИИЯЛИ выражает глубокую признательность коллегам из г. Сыктывкара, г. Ижевска и г. Саранска за поддержку и помощь в подготовке журнала. Мы обращаемся ко всем финно-угроведам с предложением присылать для публикации в журнале «Финно-угроведение» свои материалы. Вместе мы сможем поднять журнал на новый творческий уровень, более успешно решать задачи по координации научных исследований в одной из важнейших отраслей гуманитарных наук – финно-угроведении.

Развитие финно-угроведения содействует расширению культурных и научных связей между родственными народами и общественно-политической консолидации финно-угорских регионов России. А в целом это направлено на укрепление внутрироссийской консолидации народов и упрочение российской государственности.

Alexander Kazimov

THE JOURNAL «FINNO-UGROVEDENIYE» IS TEN YEARS OLD (1994–2004)

The Russian scientific journal «Finno-ugrovedeniye» was founded in 1994. Twenty-six issues of the journal were published for ten years. The journal has been developed the definite structure. Theoretical and scientific-research articles and reports on humanities, which study Finno-Ugric people, take the main place in the journal. It consists of special parts including critical essays and reviews to the new books, personalities and chronicles.

Publications of scientific conference materials are important in the journal as well. The authors of the journal are scientists and finno-ugrists from the foreign countries and the different regions of Russia. The article touches upon the questions about the perspectives of the journal development.

«Финно-угроведение», 2004, №2.

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЕ ФИЛОЛОГИ В УСЛОВИЯХ РЕПРЕССИЙ 1930-Х ГОДОВ

На волне революции 1917 года пробудилась общественная активность интеллигенции нерусских народов России, в том числе и марийской. Она тогда у марийцев была малочисленной и почти исключительно гуманитарной. Главным в ее деятельности, отразившейся в деятельности национальной организации «Мари Ушем» и газеты «Ӱжара», стало стремление к сохранению, развитию, изучению и совершенствованию родного языка, внедрению его в школьное преподавание и расширению его общественных функций.

После прихода к власти большевиков между ними и национальной интеллигенцией, остававшейся на общедемократических позициях, установилось некое негласное соглашение о сотрудничестве в деле национально-культурного строительства. Большевистские лозунги о национальной культуре, о расширении использования родных языков нерусских народов во всех сферах жизни казались демократам-интеллигентам противовесом прежней русификаторской политике, проводившейся российскими властями. Особенно такие надежды у них укрепились после образования Марийской Автономной Области. Поэтому они активно включились в культурно-просветительскую работу, в том числе и в первую очередь в национально-языковое строительство, что в политике 1920-х годов обозначалось словами «коренизация», «реализация марийского языка».

Но у большевиков была изначальная неприязнь к непролетарскому населению, особенно к «буржуазной» интеллигенции, и они терпели ее лишь до определенного времени. В 1930-е годы вынужденное в первое время «соглашение» неизбежно было нарушено, стала более последовательно проводиться партийно-классовая политическая и идеологическая линия, исходящая из марксистско-ленинского учения.

К началу 1930-х годов марийская интеллигенция, казавшаяся до этого более или менее единой, как бы разделилась на две группы. Первая полностью служила Советской власти и Коммунистической партии. При-

чем, многие интеллигенты из этой категории руководствовались не только стремлением обеспечить себе и родным безопасную, относительно спокойную жизнь, но и желанием использовать возможности сотрудничества с властями для культурного подъема родного народа. Другая группа представляла собой беспартийную духовную оппозицию, «внутреннюю эмиграцию», но старалась быть лояльной к власти, тоже пыталась по возможности использовать «мир» с властями для развития культуры, образования, языка своего народа.

Таким образом, жизненные позиции, общественные устремления обеих групп во многом совпадали и их деятельность в целом выглядела внешне консолидированной, хотя по ряду архивных документов второй половины 1920-х годов можно заметить некоторую напряженность во взаимоотношениях В.А. Мухина, А.К. Эшкинина и других деятелей, занимавших руководящие посты в советских и партийных органах, с рядовыми беспартийными интеллигентами – В.М. Васильевым, Л.Я. Мендияровым, Г.Г. Кармазиным и другими.

В условиях многонационального Советского Союза последовавшие политические репрессии 1930-х годов имели непосредственное отношение к национальной политике. В автономных областях и республиках они были направлены на ликвидацию «местного буржуазного национализма». А его носителями, естественно, были представлены силы национальной интеллигенции, в первую очередь, исследователи и преподаватели родного языка, деятели литературы и печати. В первые годы Советской власти допускалось использование старых «буржуазных» специалистов, хотя уже в начале 1920-х годов И.В. Сталин показал свое враждебное отношение к местным кадрам, обвиняя их в «национал-уклонизме» и призывая «выдрать с корнем буржуазный национализм».

С конца 1920-х годов в деятельности центральных и местных партийно-советских органов стали проявляться ущемления деятельности интеллигенции. Обвинения в «буржуазном национализме» были увязаны с обвинениями в «смыкании с интервенционистскими силами зарубежных стран, стремящимися расчленить Советский Союз» (1, с. 76–84). В финно-угорских регионах это было связано с «финляндским фактором». Как известно, в условиях революции 1917–1918 гг. советское правительство вынуждено было признать независимость Финляндии. Но взаимоотношения между соседними странами оставались напряженными. Финские ученые, особенно объединенные вокруг Финно-угорского общества, по инерции пытались продолжать изучение восточных родственных народов, поддерживать связи с научными кругами финно-угорских регионов

СССР, хотя делать это становилось год от года труднее, ибо Советский Союз все более отгораживался от других стран, становился все более закрытым обществом. Марийские и другие ученые, помня о плодотворном сотрудничестве с финскими исследователями в конце XIX – начале XX вв., стремились со своей стороны продолжить или восстановить контакты. На местах были созданы краеведческие общества, которые тоже стремились сотрудничать с финскими и эстонскими коллегами.

Все это вызывало недовольство и подозрительность у руководящих партийно-советских органов, у ОГПУ. В их недрах в соответствии со сталинскими установками об усилении классовой борьбы и смыкании местных «буржуазных националистов» с зарубежными интервенционистскими силами на рубеже 1920–1930-х годов стала разрабатываться версия о том, что «фашистская» Финляндия готовит нападение на Советский Союз с целью захвата территорий до Урала с помощью своей агентуры среди карел, коми, марийцев, удмуртов, мордвы.

В финно-угорских регионах России уже на рубеже 1920–30-х годов развернулись репрессии против национальной гуманитарной интеллигенции, ратовавшей за культурно-языковое возрождение своих народов и за установление тесных общественно-культурных связей с родственными народами Финляндии, Эстонии, Венгрии. В финно-угроведении началась борьба с «буржуазным национализмом» и «панфинизмом» и сопутствовавшая этому шпиономания. На местах подверглись партийно-коммунистической критике ученые-краеведы. В Марийской Автономной Области это были: уже хорошо известный среди финно-угроведов филолог и этнограф В.М. Васильев, составленный им фундаментальный словарь марийского языка «Марий мутэр» был изъят, идеологически невыдержанным признан его сборник «Марла ойлымаш»; историк Ф.Е. Егоров, книга которого «Материалы по истории народа мари» тоже была запрещена; а также краевед М.Н. Янтемир, этнограф Т.Е. Евсеев и др.

В 1930 году председатель Марийского облисполкома А.Ф. Эшкинин на пленуме обкома партии назвал фамилии языковедов В.М. Васильева, С.Г. Эпина, Г.Г. Кармазина и других в таком контексте: «Это – буржуазная интеллигенция. Линия обкома приблизительно полтора года назад была взята в такой плоскости, что нельзя ли использовать эту буржуазную национальную интеллигенцию? Их привлекали разными путями: то на основе создания единого литературного языка, то создания академического словаря, издания специальных книг и т.д. Вопрос ставился так: возможно или невозможно их использовать? Мы пробовали эту интелли-

генцию использовать, но независимо от этого она с нами не пойдет, не хочет работать с нами...» (2, с. 69).

Для начала преследований названной категории интеллигенции в искаженном виде стала преподноситься история изучения и пропаганды финно-угорского языкового родства, провокационно использовались факты научных связей и сотрудничества с финскими и эстонскими учеными по изучению языка, этнографии, культуры родственных народов.

В конце января – начале февраля 1931 года были арестованы исследователи языка и культуры марийского народа В.М. Васильев, Л.Я. Мендияров, Т.Е. Евсеев, Ф.Е. Егоров и другие беспартийные интеллигенты, пользовавшиеся большой популярностью в народе. Они были обвинены в «национализме», в «организации контрреволюционной группировки» и сотрудничестве с финской и эстонской разведкой с целью отторжения Марийской Автономной Области и других финно-угорских территорий от СССР и присоединения их к Финляндии или создания Финно-Угорской Федерации под протекторатом Финляндии (3). Это «дело федералистов» стало началом целой череды событий, завершившихся в 1936–37 годах фабрикацией «буржуазно-националистической организации» и уничтожением первого поколения национальной интеллигенции.

Тяжелые времена наступили для марийских филологов. Им в разном контексте предъявляли старые «грехи». В 1920-е годы они активно привлекались к языковому строительству. В частности, тогда предпринимались шаги по созданию единого литературного языка. Такую задачу поставила в 1927 году X областная партийная конференция. Это привело к обострению взаимоотношений между горными и луговыми марийцами, вплоть до постановки группой горномарийских интеллигентов вопроса об отделении от Марийской Автономной Области. Теперь, когда разворачивались массовые репрессии, недавние события стали использоваться своеобразно: те горные марийцы, которые выступали против попыток создания единого языка, обвинялись в горномарийском национализме и сепаратизме, а те луговые марийцы, которые участвовали в попытке решения поставленной задачи, обвинялись в искусственном разжигании неприязни между горными и луговыми марийцами.

В 1933 г. был подвергнут партийному наказанию директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории В.А. Мухин. В числе его «грехов» отмечалось, что он «выступал против введения в марийский язык интернациональных слов», что его вредительская работа привела к «невыполнению плана по языку в руководимом им институте» (4, с. 5–6).

В декабре 1934 года было приостановлено издание горномарийского словаря по обвинению авторов и редакторов во главе с известным филологом С.Г. Эпиным в «протаскивании узко-национализма». На попытки авторов и редакторов отстаивать свои позиции последовали дополнительные обвинения уже во вредительстве и в «панфинноугризме». Заведующий сектором языка и литературы МарНИИ И.С. Капитонов писал своим коллегам в Козьмодемьянск: «Вы со своим фонетизмом дошли до невозможного... Это есть проявление левацкого загиба, уклон к местному узкому национализму, а если перевести на политический язык, то это не что иное, как вредительство в бессознательной форме на фронте языкового строительства. Социальные и исторические корни вашего алфавита направлены к обособлению от русского языка и письменности, на обособление от языка Ленина-Сталина, на сближение и смыкание с принципами орфографии финского и венгерского языков. Мы живем не в буржуазной Финляндии или Венгрии, а в Советском Союзе, а поэтому делать ставку на принципы финской орфографии незачем» (5, с. 20).

Всё же в 1935 году вышел в свет в переработанном и урезанном виде «Горно-марийско-русский словарь» С.Г. Эпина под редакцией В.А. Мухина, который в предисловии давал соответствующее тому времени марксистско-ленинское разъяснение: «Язык представляет собой могучее орудие агитации и пропаганды коммунизма, строительства социализма, укрепления диктатуры пролетариата, воспитания подрастающего поколения и масс в духе учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Языковой фронт, как и другие фронты нашей жизни, является одним из серьезных участков классовых битв» (6).

Важно также подчеркнуть, что с этого времени практически оказались под запретом исследования по финно-угроведению. Более того, было запрещено даже само упоминание о родстве марийского и других восточно-финских языков с финским, эстонским, венгерским как проявление «панфинизма» или «панфинноугризма».

В 1934 году в докладе на областной партийной конференции был сделан вывод об оживлении, «некоторой активизации» в Марийской Автономной Области местного национализма, о том, что националистические идеи «группы Мендиярова-Васильева» живы в среде марийской интеллигенции. «И тут удивляться нечего, – говорил первый секретарь обкома партии азербайджанец Али-Гейдар Ширвани, – исходя из той засоренности наших учреждений и засоренности наших школ и наших научно-исследовательских учреждений». У партийного руководства вызывала возмущение «пропаганда финно-угорской общности» как прояв-

ление «буржуазного национализма», «федерализма» и «панфинизма». Ширвани, напомнив о «деле федералистов», отметил, что показателем национализма является «пристальное внимание к истории народа», но этого мало – «уже обнаружился и выход из узко-националистических идей» к пропаганде угро-финской общности. И разоблачил подобные проявления у преподавателей пединститута: «При преподавании марийского языка изучается история народности мари, происхождение марийского языка. Где логика? Прежде чем учить языку, преподносят историю народности. Я не говорю, что историю марийцев изучать не надо. Нужно изучать, но в определенном размере. Когда преподаватель преподносит в своей программе сначала историю, а потом переходит к языку, о чем это говорит? Это говорит о попытке внедрить буржуазную точку зрения в самосознание учащихся. А как преподавалась история мари, марийского языка? Увязывается вопрос марийского языка с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венграми и т.д. и т.п. Под каким соусом преподносится рассуждение о таких вещах? Мы не можем допускать, чтобы кафедры высшей школы превратить в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов» (7, с. 260–261).

С целью ликвидировать это «вредительство» первоочередное внимание было обращено на Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и Марийский педагогический институт. Одним из первых в августе 1936 года был арестован директор МарНИИ Владимир Алексеевич Мухин, который был разносторонним ученым, в том числе занимался исследованиями и в области марийского языка (8).

Тогда шла подготовка к крупной языковедческой конференции. И с основным докладом было поручено выступить В.А. Мухину. Подготовка к конференции проходила с большими трудностями. Многие теоретико-методологические вопросы не совсем были ясны самому докладчику. Среди марийских языковедов тогда развернулась острая дискуссия по вопросам орфографии. Ученые разделились на две группировки: «принципиалистов» и «унификаторов». К первым относились В.М. Васильев и Г.Г. Кармазин. Они принципиально, последовательно отстаивали необходимость учета особенностей родного языка, невозможность его полного подчинения правилам орфографии другого языка. Они были за старую орфографию, согласно которой в марийском письме не употреблялись буквы Е, Ё, Ю, Я, Щ, было ограничено применение букв Ф, Х (например, писали – *Льэнин, пропсойуз, йумо, пойан, Йэпсэй, колкоз* и т.д.). В.А. Мухин, И.С. Капитонов с позиций «интернационализма» стояли

за «унификацию», т.е. за максимальное сближение с русской орфографией, за написание заимствованных из русского языка слов в том виде, в каком они пишутся на русском языке. Это течение исключало учет языковых особенностей. «Принципиалисты» активно защищали свои позиции. В.М. Васильев, например, на собрании учителей заявил: «Эту реформу Мухин и Капитонов могут провести, лишь перешагнув через мой труп». Но и у самого Мухина тоже имелись, видимо, немалые сомнения в своей правоте. По его инициативе 3 июня 1936 года в областном комитете партии состоялось совещание по подготовке конференции. На нем В.А. Мухин предложил перенести конференцию, потому что для подготовки доклада времени потребовалось гораздо больше, чем он предполагал. Многое, по его словам, оказалось не ясно. «Главное – не ясно, каким путем нужно направлять развитие марийского литературного языка: или по пути унификации с русским языком, или за счет обогащения собственных ресурсов. Вопрос унификации с русским языком для нас темный, не изучен и не разработан». Поэтому по его предложению срок проведения конференции был отодвинут на начало 1937 года.

11 июня на заседании бюро обкома партии при обсуждении вопроса о повышении бдительности было решено кампанию по выявлению «буржуазно-националистической организации» начать с «разоблачения» В.А. Мухина. При этом в числе обвинений наряду со «скатыванием к троцкизму в теоретических вопросах» в его адрес было выдвинуто: «Мухин не случайно срывает подготовку языковой конференции», а также: «Во время обсуждения вопроса о тексте «Интернационала» на марийском языке он демонстративно ушел с заседания».

Объективные трудности, связанные со слабой разработанностью норм литературного языка, терминологии и орфографии, стали объясняться «вредительством на языковом фронте». Интересна в этом отношении составленная в обкоме партии для ЦК ВКП (б) справка «О ходе подготовки к изданию однотомника Ленина-Сталина на лугово-восточном наречии марийского языка». В ней говорилось: «Наибольшие затруднения при переводе встречаются из-за отсутствия строго установленного марийского литературного языка, терминологии и даже орфографии. В переводческой практике встречается разнобой: одни переводят с сохранением строя русской речи, другие – вольно... На фронте языкознания у нас долгое время орудовали национал-шовинисты типа Васильева и К*... Группа национал-шовинистов ставила перед собой задачей отгородить марийский язык китайской стеной от влияния других языков и в первую очередь от русского языка. Этой установкой они преследовали

далеко идущие цели, т.е. хотели марийский народ совершенно изолировать от других народов Союза. Как теперь выяснено, Васильевы и К* даже имели связь с финскими фашистами, ставившими задачу создать Великую Финляндию со включением и марийцев. Они делали попытку ввести в марийский язык латинский алфавит, выступали против включения Ф, Щ, Я и др. Ставили задачей изгнать из марийского языка русские и интернациональные слова. В этом им помогал Мухин». В подтверждение «вредительства на языковом фронте» приведены многочисленные примеры – «перлы языкотворчества» из словаря 1928 года *(чарнык* – бойкот, *туленер* – электричество и др.), которые было приказано убрать и из этой книги, и вообще из газет и книг (9, с. 2–3).

Что касается этого злополучного однотомника, решение об издании которого было принято еще 5 сентября 1935 года, он был забракован, назначены новые исполнители этой работы, срок издания перенесен на 1 апреля 1937 года, но затем его выпуск в связи с волнообразными арестами новых переводчиков и редакторов несколько раз переносился. При этом новые ответственные обвиняли своих предшественников во вредительском переводе с использованием «националистических слов, насажденных Васильевым и другими националистами». А в конечном итоге от этой затеи в 1938 году втихомолку отказались. Для нас в контексте темы настоящей статьи интересно, как с каждым постановлением бюро обкома партии о переводе не только этой книги, но также Конституций СССР, РСФСР и Марийской АССР, Положений о выборах в Верховные Советы расширялся список запрещенных к переводу и использованию слов. Это означало перечеркивание всего того, что пытались осуществить марийские филологи в течение многих лет своего подвижнического труда.

Вскоре после ареста В.А. Мухина, в сентябре 1936 года, по поручению областного комитета партии обком ВЛКСМ проверил работу комсомольской организации пединститута. Проверявший А.В. Брыляков свою главную задачу видел в разоблачении происков «врагов народа», в выявлении влияния «буржуазных националистов» на студенческую молодежь. В справке по итогам проверки, основываясь на подслушанных разговорах, проверке студенческих конспектов, он нарисовал впечатляющую картину: «Многие преподаватели протаскивают националистические и троцкистские установки». И в первую очередь была указана фамилия В.М. Васильева, который после трех лет высылки смог вернуться в Йошкар-Олу и, пройдя проверку на корректорской работе в типографии, стал работать доцентом марийского языка в пединституте. В справке ученому дана характеристика как буржуазного националиста, добавле-

но, что он за это «подвергался аресту, но мысли о присоединении Марийской Автономной Области к Финляндии не оставил»; как и раньше внушает студентам мысль о родстве марийского языка с языками буржуазных народов: финнов, эстонцев, венгров. Приводились примеры «невыдержанных предложений», которые давал преподаватель к объяснению грамматических правил. Например: «Кулак Григорьев лишен избирательных прав». В итоге сказано: «в преподавании Васильева марксистско-ленинского ничего нет». Похожие обвинения тогда были предъявлены также доцентам: литературоведу И.А. Шабдару, языковеду В.Т. Соколову, декану истфилфака М.И. Веткину, преподавателю педагогики Г.Н. Агачеву и другим, которые были объявлены «идеологически чуждыми». Директор института А.Э. Эльчибаев и секретарь партийной организации Семенов были обвинены в ротозействе, комсомольские руководители названы «шляпами». Справка Брылякова заканчивалась словами: «Считаю эти факты необходимым довести до сведения областного комитета партии с тем, чтобы сделать проверку всей работы института» (10, с. 193).

И действительно, началась основательная «тряска» вуза, в ходе которой уже в сентябре упомянутые преподаватели были вынуждены каяться, «разоружаться» на собрании коллектива, разоблачать национализм и троцкизм В.А. Мухина. После этого И.А. Шабдар сразу же написал заявление об уходе с работы. Доцент И.А. Березкин, вызванный для «беседы» в соответствующее учреждение, скрылся из города и через месяц «прогула» был уволен с работы (через год он тайком приехал в город и увез семью в Ставропольский край, где пережил период репрессий).

15 ноября в газете «Марийская правда» появилась заметка «Показатели плохой работы», в которой руководство пединститута подвергалось критике за то, что там работают националисты Соколов, Васильев, Агачев, Веткин. В связи с тем, что Г.Н. Агачев, уже снятый с работы, пытался доказать свою правоту в Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б), в справке Марийского обкома отмечалось: «Агачев в своих заявлениях ни слова не говорит о таких людях, как Веткин, Соколов и Васильев, которые действительно чуждые по идеологии, все буржуазные националисты и уже первые двое из них взяты органами НКВД. Агачев – ближайший друг этой тройки. Его невозможно оставить на работе в институте». Он был арестован и расстрелян.

Упомянутые здесь М.И. Веткин и В.Т. Соколов были арестованы: первый еще 20 октября 1936 года, второй – 14 января 1937 года. Они сразу же были включены в члены «штаба» мнимой, выдуманной буржуазно-националистической организации и отправлены в город Горький,

где уже томились В.А. Мухин и еще более 20 человек, которым по сценарию НКВД была отведена роль руководителей этой организации. Раскритиковали языковеда Г.Г. Кармазина, научного сотрудника МарНИИ, но работавшего по совместительству в пединституте; он был уволен из института по докладу историка С.А. Коробова «О преступной деятельности Кармазина» (11).

Курс на массовый террор в стране был утвержден на февральско-мартовском (1937 года) пленуме ЦК ВКП(б). По обсуждению его итогов пленум Марийского обкома партии состоялся 19–21 марта. На нем было объявлено, что в Марийской АССР раскрыта контрреволюционная буржуазно-националистическая организация во главе с В.А. Мухиным. В выступлении второго секретаря обкома ВКП(б) Н.Н. Санаева говорилось, что в пединституте «надо убрать давно разоблаченных националистов Кармазина, Васильева и некоторых других» (12, с. 104). В ту же ночь Г.Г. Кармазин был арестован (тогда же был «изъят» другой ученый-филолог С.Г. Эпин).

Такой участи избежал В.М. Васильев. Когда начались повальные аресты, он уже понимал, что обречен. Он узнал, что на совещании в обкоме партии 9 марта по вопросу работы Союза писателей руководство пединститута подверглось критике за то, что «до сих пор не уволен неблагонадежный Васильев». Не дожидаясь снятия с работы, уволился из института по собственному желанию. Устроился в МарНИИ, успел составить на всякий случай подробный список своих научных трудов и готовых рукописей. Но через несколько дней, предположительно 21 марта, в ночь ареста Кармазина и Эпина, исчез вообще из города. Его искали, но не нашли, ждали – не дождались, и 12 июня был написан приказ о его увольнении из МарНИИ. Он вернулся в город лишь в 1939 году, когда схлынул шквал репрессий. В последующем он писал в автобиографии: «С половины июня 1937 г. до середины апреля 1939 г. – безработный». А в трудовой книжке очередная после июня 1937 года запись о работе была сделана только 17 октября 1939 года (13). Тогда он был принят на работу в пединститут, в последующем работал в МарНИИ, стал доктором филологических наук, умер в 1961 году. (Его именем названы МарНИИ и улица в г. Йошкар-Оле).

Показательно, что ученые-филологи М.И. Веткин, Г.Г. Кармазин, В.А. Мухин, В.Т. Соколов, С.Г. Эпин, а также литераторы Г.И. Голубкин, П.К. Карпов, М.В. Кузнецов, А.К. Эшкинин, ученый-краевед М.Н. Янтемир были включены в состав «руководящего ядра» или «штаба» сфабрикованной в подвалах НКВД организации марийских «буржуазных националистов» во главе с председателем исполкома Марийской АССР И.П. Петровым. Они «удостоились чести» быть включенными в «рас-

стрельные списки» Сталина и расстреляны по личному указанию вождя (инсценировка «суда» состоялась 10–11 мая в г. Казани на выездном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР).

«Обвинительные заключения» составлялись как бы по трафарету, имея различия лишь в нескольких словах: «В конце 1936 года на территории Марийской АССР вскрыта и ликвидирована контрреволюционная угро-финская националистическая, повстанческая, диверсионно-террористическая организация, инспирируемая разведывательными органами Финляндии. Организация имела свои ответвления в ряде республик: Мордовской, Удмуртской, Башкирской, Коми, Карельской и др. Своей конечной целью организация выдвигала объединение всех угро-финских народностей, населяющих СССР, свержение Советской власти на территории этих республик, насильственное отторжение их от СССР и образование буржуазно-националистической федерации угро-финских племен под протекторатом Финляндии. По заданию разведывательных органов Финляндии организация занималась диверсионно-вредительской деятельностью в народном хозяйстве, на культурном фронте, подготовляла вооруженное восстание против Советской власти, что приурочивалось к моменту нападения капиталистических стран на Советский Союз» (14).

В отношении Г.Г. Кармазина в показаниях свидетелей, его коллег по работе, отмечались такие его «грехи». Т.Е. Евсеев: «Кармазин грамматику марийского языка составлял по финскому образцу, переписывался с финскими учеными», в разговорах выражал «исключительные симпатии к Финляндии». М.С. Калашников: «Кармазин всегда говорил о самобытности марийского языка, противопоставляя его русскому революционному языку. В то же время подчеркивал финно-угорские корни марийского языка, тем самым пытался ориентировать марийских работников на фашистскую бело-Финляндию и оттолкнуть от братского русского революционного языка и народа». С.Г. Эпин: «Кармазин стремится обособить марийский язык от русского, выступает против букв Е, Ю, Я».

В изучении марийского языка ориентировались на финскую филологическую науку (а попутно с этим – на восхваление Финляндии), в этом обвиняли и С.Г. Эпина: «собирая языковой материал в Горно-Марийском районе, хвалил Финляндию, финский язык». К тому же, как и Кармазин, он работал над проектом латинизации марийского алфавита. Практически все марийские филологи считали, что латинский шрифт в наибольшей степени отвечает особенностям марийского языка, помогает правильно отражать на письме его характерные черты. Но многие к этой проблеме относились с осторожностью, учитывая длительную историческую практику использования кириллицы.

Работавший долгие годы совместно с С.Г. Эпиным по внедрению в школу родного языка, учебников на нем, И.Т. Митюк вспоминал на допросе, что многие авторитетные деятели ориентировали своих коллег на финскую практику, для чего надо было совершенствовать само изучение языка и больше приспосабливать к детскому восприятию языковой материал учебников, в чем сильно преуспели финские языковеды и методисты-педагоги. Так было в 1928 году, когда на областном методическом совещании заведующий облоно В.А. Мухин «говорил о создании учебников марийского языка по принципам финских учебников»; так было в 1934 году, когда на совещании «по горно-марийским учебникам то же самое говорил Эпин – о культуре финского языка, что надо учесть».

У другого арестованного исследователя родного языка, П.И. Ярускина, нашли в числе других «преступлений» то, что он, ориентируясь на финских и венгерских филологов, находил в горномарийском языке более 10 (конкретно – 16) падежей.

Таким образом, марийским языковедам и вообще людям, близким к языковому строительству, предъявлялись обвинения в следовании финской филологической науке.

Научная конференция по проблемам марийского языка состоялась в январе 1937 года. К ней МарНИИ подготовил проект нового алфавита, который предусматривал введение в марийское письмо букв Е, Ю, Я и узаконение использования букв Ф, Х, Ц, Щ. Основной доклад на конференции сделал вместо репрессированного В.А. Мухина второй секретарь обкома ВКП(б) Н.Н. Сапаев. Он большое внимание уделил истории языкового строительства в Марийской Автономной Области. В докладе сурово были раскритикованы оба главных участка, на которых в 1920-х годах марийские филологи сосредоточили свое внимание. Вредительством на идеологическом фронте была названа работа комиссии по единому литературному языку. Она якобы хотела создать язык, «который был бы непонятен ни луговым, ни горным марийцам». «Другая контрреволюционная идея этих же контрреволюционеров – Мухина, Эшкинина, Васильева, – говорил секретарь обкома – создание академического словаря. И этим словарем хотели перепутать язык, навредить, чтобы язык был непонятен, чтобы через этот язык марийские трудящиеся не могли понять учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Этот словарь был выпущен, но обкомом партии в 29–30 году был изъят» (15). Выдержанный в теоретической и рекомендательной части в духе позиций «унификаторов» доклад Н.Н. Сапаева в то же время содержал резкую политическую критику по адресу В.А. Мухина. «Принципиалисты» отвергли подготов-

ленный проект, обвинив его авторов в «русификаторских тенденциях». На областной партийной конференции в конце мая Н.Н. Сапаев говорил, что «конференция шла в напряженной борьбе с националистами Васильевым, Кармазиным, Эпиным, Соколовым и др.». Соратник В.А. Мухина И.С. Капитонов в письме, адресованном во Всесоюзную Центральную комиссию по новому алфавиту, Совет национальностей ЦИК СССР, Наркомпрос РСФСР, Совнарком РСФСР, НИИ языка и письменности народов СССР, утверждал: «Наш проект вызвал целую бурю со стороны националистических кругов... На языковой конференции победил местный национализм... Постановили пока не вводить новые правила... Здоровую идею унификации с русским алфавитом стараются приписать несчастному злобонному троцкисту Мухину» (16, с. 101–102). Действительно, некоторые участники конференции в критике проекта унификации пытались использовать то обстоятельство, что один из главных разработчиков проекта – директор МарНИИ В.А. Мухин – был к тому времени арестован по обвинению в «сползании к троцкизму». В то же время первый секретарь Еласовского райкома партии Путников на областной партийной конференции отмечал: «На языковой конференции было засилие лидеров националистов. На этой конференции Васильев выступил с протестом против ареста Мухина и настаивал, чтобы конференция объявила протест, и требовал освобождения Мухина». Этим мужественным поступком В.М. Васильева в письме-записке первому секретарю обкома партии и в НКВД возмущался и член бюро обкома партии П.И. Андреев и заострял внимание: «Почему никто не дал на языковой конференции отпора Васильеву?».

Первая реакция обкома партии на итоги конференции была в феврале 1937 года в основном констатирующей: языковая конференция оказалась «безрезультатной», не было «установлено нового алфавита, четко разработанной орфографии, не установлена грамматическая терминология, даже не определено количество падежей» (17, с. 164).

26 июня на бюро обкома партии был обсужден вопрос «Об итогах первой марийской языковой конференции» и принято соответствующее решение. В нем отмечалось: «На конференции уточнен алфавит, разрешен ряд спорных вопросов орфографии. Наряду с этим имелись крупные недочеты, выражавшиеся в том, что на конференции не было должного политического руководства, в связи с чем были излишние споры и прения» (какая же это научная конференция без «споров и прений»?).

На конференции В.М. Васильев и другие ведущие языковеды высказались за признание двух литературных языков: лугово-восточного и горномарийского. Это предложение и было принято. Но редакторы ма-

териалов конференции этот пункт вычеркнули и включили формулировку о «горно-марийском наречии». Бюро обкома партии восстановило решение конференции: «Признать неправильным и вредным термин, когда горномарийский язык называют наречием. Считать, что в МАССР существуют два марийских языка: лугово-восточный и горномарийский». Если на конференции только горные марийцы решили ввести в свой алфавит буквы Е, Ю, Я, то бюро обкома распространило это и на лугово-восточный марийский язык. Также было принято решение: «вошедшие в марийский алфавит буквы Ф, Х, Ц узаконить и дополнительно ввести Щ». Поразителен в постановлении бюро обкома партии об итогах конференции такой момент: ученые-филологи не смогли договориться о количестве падежей в родном языке, а бюро обкома партии запросто решило эту проблему: «Бюро ОК ВКП(б) считает целесообразным установить 5 падежей» (18, с. 47–48; 16, с. 106).

Главный итог «языкового строительства» 1930-х годов был подведен решением бюро Марийского обкома партии от 26 марта 1938 года (19, с. 88) об утверждении проектов алфавитов и орфографии марийских языков (оставался курс на развитие двух литературных языков): марийская орфография полностью была приспособлена к русской орфографии, язык народа в литературном оформлении полностью терял свою самобытность. Была осуждена терминотворческая работа 1920-х – первой половины 30-х годов. Лексические новообразования, уже получившие право гражданства, ставшие привычными в народе, были запрещены, как и многие исконно народные слова, пришедшие давно в литературный язык *(кугыжаныш* – государство, *йӱклымаш* – голосование и т.п.). За этим внимательно следил и ЦК ВКП(б). Например, в мае 1937 года из отдела печати ЦК пришли замечания на перевод письма ЦК «Об организации выборов парторганов»: слова «совещательный», «решающий» нецелесообразно переводить, так как они от этого «теряют свое содержание».

В связи с утверждением нового алфавита и новой орфографии Марийский институт повышения квалификации работников народного образования разослал в районные отделы народного образования циркулярное письмо:

«На основе самих запросов населения автономных республик и областей РСФСР их письменность переводится на новый алфавит, составленный на основе русского алфавита. Трудящиеся нашей Марийской автономной республики прекрасно понимают, что переход алфавита на новую основу способствует еще большему сплочению всех народов СССР вместе с великим русским народом в единый братский союз.

Учительство нашей автономной Марийской республики должно уяснить себе, что мероприятие партии и правительства по переводу марийской письменности на новый алфавит и орфографию имеет весьма важное политическое и культурное значение, направленное к еще большему сплочению братского союза народов СССР и укреплению великой нерушимой дружбы между ними. Они знают, что русский язык – это язык великого народа, выдвинувшего из своей среды величайших революционных борцов и мыслителей, художников, писателей, поэтов и ученых, язык, на котором говорил и писал свои гениальные произведения Ленин В.И., на котором пишет и говорит наш вождь, учитель и друг всех народов СССР Сталин» (20, с. 74).

Репрессии 1930-х годов нанесли огромный урон развитию языка, культуры, образования, самосознанию народа. В докладной записке, направленной в Наркомпрос РСФСР 20 февраля 1938 года, отмечалось, что в Марийской АССР имеются большие трудности с учебниками по марийскому языку, «школы остались без программ, без учебников, без пособий по марийскому языку и литературе». В большинстве школ и преподавать было некому. В связи с тем, что практически все книги на марийском языке были изъяты, в педагогическом институте, в педучилищах, школах родной язык изучался по газетам (17, с. 32, 162).

От Марийского научно-исследовательского института обком ВКП(б) требовал усиления борьбы с «врагами» на языковом и литературном «фронтах». В конце 1937 года временно исполняющий обязанности директора (сам с неполным средним образованием) отвечал: «Надо искоренять последствия вредительства, но некому». В секторе литературы и искусства не осталось ни одного сотрудника, в секторе языка имелся один сотрудник (21, с. 142).

В Марийском государственном пединституте с начала 1937 года марийский язык и литература не преподавались. И новый 1937–1938 учебный год студенты марийского отделения начали без преподавателей родного языка и литературы. Лишь с 1 января 1938 года в институте начал работать преподавателем литературы направленный обкомом партии А.Айзенворт-Деревяшкин. Через несколько недель он написал в обком ВКП(б):

«Я, как преподаватель марийской литературы, выражаясь образно, нахожусь в положении Робинзона Крузо. Программы преподавания нет. Старыми пользоваться нельзя, т.к. это хитро сплетенный инструмент для пропаганды национализма и идеологического вредительства. Методологическая и методическая литература, посвященная марийскому литературоведению, отсутствует. Учебной литературы для студентов нет. Оригина-

лы марийской художественной литературы и публикации за весь период развития отсутствуют. Какой-то головотяп или вредитель сжег всю марийскую литературу, запрещенную и незапрещенную. В институте мы имеем марийскую библиотеку... 5 экземпляров!!!

В таком ответственном и трудном положении, я смело утверждаю, не находится ни один профессор и преподаватель МПИ, за исключением отсутствующего пока преподавателя марийского языка.

За прошедшее время разработал «принципы» преподавания своего предмета. Но начать работу невозможно. Никто не сможет и не найдется такого человека, который бы взял на себя политическую ответственность преподавать предмет, который, кроме своего собственного названия, не имеет ничего. Выход пока один – читать в мае выпускному курсу, другим – пока нет.

А стоит острая политическая задача – ликвидация последствий идеологического вредительства. Враги арестованы, их творения изъяты, но их идеи остались у многих» (22, с. 23–27).

В 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В связи с этим Н.К. Крупская в письме И.В. Сталину выражала опасение, что «введение преподавания письма и чтения на первом году обучения не только на материнском, но и на русском языке» приведет к отрицательным последствиям (23, с. 179). Марийский обком партии принял по этому поводу свое соответствующее постановление. Вести «дискуссии» по его содержанию тогда в республике уже было некому. Но все же следует отметить, что возможность преподавания в учебных заведениях родного языка и обучения на нем была оставлена на уровне не только начальной, но и неполной средней школы. Поэтому, хотя новому поколению марийских филологов пришлось начинать практически «с нуля», определенная базовая основа для изучения языка оставалась.

Репрессиями 1930-х годов был нанесен удар по идее финно-угорской общности. Связи не только финно-угроведов СССР со своими коллегами из Финляндии, Эстонии, Венгрии и других стран, но и внутри СССР были надолго парализованы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. О так называемом «национал-уклонизме» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.

2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф.1п. Оп.1. Д. 481.

3. *Сануков К.Н.* «Финно-угорские федералисты» и «финские шпионы» // Финно-угроведение. 1996. № 3.

4. ГАРМЭ. Ф. 2 п. Оп. 1. Д. 680.
5. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 160.
6. *Эпин С.Г.* Горно-марийско-русский словарь. Кырык-марла да рушла сирымы шамак книга. Козьмодемьянск, 1935.
7. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп.1. Д. 802.
8. Архив ФСБ. Арх. дело № 595.
9. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 251.
10. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 160.
11. Архив ФСБ. Арх. дело 2259.
12 ГАРМЭ. Ф. 1 п. Оп. 4. Д. 199.
13. Семейный архив Л.В. Григорьевой.
14. Архив ФСБ.
15. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д.187.
16. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 221.
17. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 273.
18. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 209; Д. 221.
19. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 285.
20. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 354.
21. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 256.
22. ГАРМЭ. Ф.1 п. Оп. 4. Д. 352.
23. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

Ksenofont Sanukov

MARI LINGUISTS DURING THE REPRESSION IN THE 1930s

The repression of the 1930s in national regions and republics were aimed at the liquidation of the local bourgeois nationalists. In the first place they were researchers and teachers of the native language, literature and press workers. In 1931 the famous linguists Valerian Vasilyev and other Mari intellectuals, who took active place in the «language building» in 1920s, were arrested and convicted in Mari autonomous region. The language conference was in 1937 in January, before of and during which. The sharp discussion between two groups of scientists had been holding. One of the groups spoke in support of preserving and taking into account of native language, its orthography and grammatical rules (so-called «principialists»), the other group came out in favour of «unification» of the rules and alphabet in accordance with the Russian language (so-called «unificators»). The offers of the first group were accepted in the conference. But according to decision of the region committee of the Communist Party the Mari alphabet and orthography were completely subordinated to Russian language rules and the most of the linguists were subjected to repression, had been charged with "panphinism" and prominent scientists were brought into the Stalin's «shooting list».

«Финно-угроведение», 2004, №2.

Юрий Шабаев, Николай Конаков
Сыктывкар

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ КОМИ

Этнографическое изучение народов коми длится уже два столетия и поэтому необходимость историографического обобщения всего того обширного материала, который был накоплен за это время, давно назрела. Причем, та же задача обобщения научного наследия стоит перед учеными-этнографами из других финно-угорских регионов России и уже есть некоторый опыт создания работ по истории этнографического изучения отдельных финно-угорских народов (1).

Но нам представляется, что настала пора начать крупный межрегиональный исследовательский проект, который бы ставил целью создание полного труда по истории этнографического изучения всех финно-угорских народов. Очевидно, что журнал «Финно-угроведение» является тем естественным интегрирующим центром, который способен объединить усилия исследователей из разных регионов и успешно осуществить реализацию данного проекта. В качестве своего вклада в указанный проект мы и хотим предложить данную развернутую статью.

Прежде всего, следует отметить, что в коми этнографии попытки систематизации научного наследия уже предпринимались, хотя носили ограниченный характер. В первую очередь здесь следует назвать препринт научного доклада Л.Н. Жеребцова «Этнографические исследования на европейском северо-востоке СССР», который был издан в 1975 г. и по существу представляет собой краткий обзор работ 1950–1975 гг. Кроме того, в одном из сборников статей Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН опубликована статья об изучении национальных отношений в Коми, где рассматриваются и все этнографические работы, касающиеся этой проблематики (2, с. 109–124). Данный труд является тем не менее фактически первой попыткой сделать полное обобщение исследований, касающихся этнографического изучения народов коми, но он не преследует цели углуб-

ленного историографического анализа. Учитывая тот факт, что научное наследие по этнографии народов коми огромно, мы главным образом сможем сосредоточиться на истории этнографического изучения указанных народов, и дать наиболее полный библиографический перечень работ по этнографии коми.

Начало этнографического изучения этих народов было положено в 1771 году, когда на территории европейского северо-востока России побывала экспедиция под руководством академика Ивана Ивановича Лепехина. Не будучи сугубо этнографической, она тем не менее собрала довольно значительный материал о культуре и быте местного населения. Так, именно И.И. Лепехиным в его «Записках» была впервые пересказана коми-пермяцкая легенда о Пере-богатыре и высказано предположение о том, что именно от его имени произошло название народа. В коми-зырянском селе Обьячево им было сделано описание празднования и жертвоприношения в Ильин день. В «Записках» приведены сведения о народной медицине и обширный список коми терминов, обозначающих разные культурные явления (3).

Второй крупный исследовательский проект, который касался непосредственно изучения культурной специфики народов коми, связан с именем А.И. Шегрена. Андреас Иоган Шегрен родился в 1794 г. в финском г. Иитти в шведской семье. В 1819 г. он закончил университет в г. Турку, после чего перебрался в Россию, в г. Санкт-Петербург, где и прошла вся его научная деятельность. В 1829 г. он был избран адъюнктом, а в 1831 г. – академиком императорской Академии наук. В 1824–1829 гг. он совершил длительную экспедицию по Северу России, во время которой изучал многие финские народы, в том числе собрал материал для первого крупного историко-этнографического труда о коми-зырянах. С июля по сентябрь 1827 г. А.И. Шегрен находился в Коми крае, где изучал исторические материалы в архивах г. Усть-Сысольска, углублял свои знания по коми языку. Здесь он встретился с лексикографами-любителями, которые составляли русско-коми словарь. До самой своей смерти он помогал этому небольшому коллективу в их работе. В начале 1828 г. А.И. Шегрен достиг г. Перми и здесь около двух месяцев изучал язык, этнографию и фольклор коми-пермяков и удмуртов по имеющимся архивным материалам и в личном общении с людьми. В сборе лингвистического материала ему весьма помогли местные энтузиасты. В частности, в архиве А.И. Шегрена имеется составленный смотрителем уездного училища А.Муровым словарь сольвычегодских диалектных слов и подаренный ему «Лексикон пермского языка, кратко выбранный и по алфавиту рас-

положенный села Кудымкарского бывшим священником иереем Георгием Чечулиным». Кроме богатого собственно лингвистического материала им было записано и несколько уникальных этногенетических преданий (4, с. 47).

Материал по коми-зырянам был более обширным, что позволило на его основе создать весьма содержательное монографическое исследование. В 1861 г. уже после смерти Шегрена его исследования были объединены и опубликованы как «Собрание сочинений» – «Gesammelte schriften», в первом томе которых и содержится монография «Зыряне. Историко-статистико-филологический опыт» (Die Syrjanen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch). Монография состоит из семи разделов: 1 – положение и физическое состояние, 2 – климат, 3 – промышленность и промыслы, 4 – административное устройство и население, 5 – история и древности, 6 – современные жители, 7 – язык. Материалы, посвященные коми этносу, его материальной и духовной культуре, в том числе языку и фольклору, занимают почти половину тома. Историко-этнографические материалы представлены в 3–6 разделах. В третьем разделе А.И. Шегрен останавливается на этнической специфике и особенностях хозяйства коми. В четвертом разделе автор первым из исследователей в достаточно репрезентативной форме использовал материалы архивов, в первую очередь данные писцовых и переписных книг XVII – начала XVIII вв., а также материалы переписей XVIII – первой половины XIX вв. А.И. Шегрен рассмотрел динамику населения, сословные изменения, колебания рождаемости и смертности. В пятом разделе монографии он продемонстрировал великолепное знание летописных и историографических материалов X–XV вв. по Русскому Северу. В подразделе «Когда и как Заволочье и заволочская чудь стали русскими» автором предложена оригинальная точка зрения на хронологию и особенности ассимиляционных процессов на Русском Севере. Здесь А.И. Шегрен первый широко использовал антропонимический и топонимический материал как этногенетический источник. Шестой раздел непосредственно посвящен этнографии коми и содержит описание одежды, материальной культуры в целом, общественного быта, обрядов, форм проведения досуга. По существу А.И. Шегрен является первооткрывателем коми фольклора, и монография содержит уникальные материалы, которые были введены им в научный оборот.

Значительная часть материалов, собранных А.И. Шегреном, осталась неопубликованной и хранится в Архиве Академии наук России (фонд А.И. Шегрена, № 94), но это главным образом лингвистические материалы.

В первой половине XIX в. несколько путешествий по Печоре совершил сын усть-сысольского купца второй гильдии В.Н. Латкин, который ставил перед собой задачу промышленного освоения бассейна Печоры. Свои впечатления о путешествиях он изложил в объемных, впоследствии опубликованных дневниках (5). В них он большое внимание уделил описанию быта, нравов, обычаев, основных хозяйственных занятий печорских жителей, записал несколько легенд и преданий. Им также собран материал по народной медицине и по языческим верованиям коми.

В XIX в. на традиционную культуру коми-зырян обратили внимание некоторые русские литераторы. С конца июля 1837 г. по начало января 1838 г. в Усть-Сысольске находился в ссылке один из известных деятелей русской литературы того времени Н.И. Надеждин. Отсюда он прислал в российские издания около ста статей по различной тематике, в том числе опубликовал в «Энциклопедическом лексиконе» А.А. Плюшара статью о древнем коми божестве Войпеле. В 1856 г. практически весь Европейский Север России объездил известный автор второй половины XIX в. С.В. Максимов. В том числе он посетил и ижемских коми. Путевые впечатления от этой поездки, содержащие ценные этнографические наблюдения, были изложены им в книге «Год на севере» (6). Посетил Коми край и известный писатель-народник, уроженец г. Великого Устюга П.В. Засодимский. В путевом очерке «Лесное царство», впервые опубликованном в 1878 г., он описал свое путешествие и при этом дал довольно подробные описания основных хозяйственных занятий и многих явлений традиционной культуры и быта народа коми. В частности, П.В. Засодимский кратко охарактеризовал народные верования, описал некоторые церковные календарные праздники, обратил внимание на представления о колдовстве. Очень импонировало П.В. Засодимскому отмеченное им у коми народа особое отношение к лесу. Из других русских авторов можно отметить А.В. Круглова, который в 70–80-е гг. XIX в. опубликовал около десяти очерков, посвященных традиционной культуре народа коми, широко используя при этом материалы своих предшественников. Наиболее крупными и содержательными из них были вышедшие отдельными изданиями «Лесные люди» и «Лесное царство» (7, 8). В названных работах имеется ряд ценных наблюдений автора, показывающих достаточно хорошее знание им коми быта. К сожалению, ценность фактического материала значительно снижается попыткой автора изложить его сугубо литературным языком и при этом попутно дать свою интерпретацию.

Ученых, т.е. людей, получивших высшее образование и занимавшихся наукой на профессиональном уровне, в дореволюционные годы среди коми-зырян были единицы. Всем им впоследствии пришлось жить и трудиться вне территории Коми края, поскольку ни одного научного центра до революции там не было. В XIX в. высшее образование имели всего лишь два коми-зырянина. Одним из них был Г.С. Лыткин – выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университета, проработавший всю свою жизнь в одной из гимназий северной столицы. В 1889 г. в г. Санкт-Петербурге была издана написанная им объемная монография «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык», в которой приводится ряд ценных фольклорных текстов. На основе анализа лингвистических данных автор сделал вывод о том, что зырян и пермян нельзя считать «одним народом».

Второй коми ученый А.В. Красов имел высшее духовное образование и был кандидатом богословия. К 500-летию со дня кончины Стефана Пермского им была опубликована посвященная этому событию книга «Зыряне и св. Стефан, епископ Пермский» (СПб., 1896). В своей монографии А.В. Красов достаточно подробно остановился и на описании дохристианских верований народа коми. В частности, он попытался реконструировать пантеон верховных языческих божеств, описал пережитки различных культов, рассмотрел образы лешего, водяного, домового. При этом автор тщательно проанализировал весь опубликованный до него материал на эту тему.

Хотя в XIX в. традиционная культура народа коми так и не привлекла внимания профессиональных этнографов и фольклористов (за исключением А.И. Шегрена), в этом столетии, особенно во второй его половине, был собран обширный и разносторонний фактический материал по данным научным дисциплинам, чему прежде всего способствовала деятельность местных краеведов, которая в течение второй половины столетия и с начала XX в. приобретала все более организованный и масштабный характер. В 1838 г. были организованы «Губернские ведомости», которые стали официальными изданиями всех губерний Российской империи. Наряду с официальным отделом в них был открыт отдел, означенный неофициальным. «Правилами изданий» было рекомендовано помещать в этом отделе преимущественно статьи по местной этнографии, истории и археологии. Учителя, чиновники, врачи, священники стали сотрудничать с «Ведомостями», на страницах этих изданий публиковали свои наблюдения и статьи также и политссыльные. Архангельские, Вологодские, Пермские губернские ведомости не были исключением из

общего правила и помещали в своих номерах большое количество публикаций фольклорно-этнографического плана. Особенно много статей, связанных с изучением народного быта, приходится на 60-е годы. Относительно публикаций по культуре коми наиболее ценными, несомненно, являются «Вологодские губернские ведомости» (ВГВ). На страницах «Ведомостей» были опубликованы интересные работы многих местных краеведов, в числе которых следует прежде всего назвать фамилии Истомина, Сорокина, Кичина, Косарева, Кокшарова, Аврамова, Попова, Заварина (9). Материалы по коми-пермякам в большей мере публиковались в «Пермских губернских ведомостях». Более того, здесь статьи фольклорно-этнографического плана, изданные на протяжении двадцати лет в газетных версиях, были затем объединены Д.Д. Смышляевым в отдельный сборник (10).

Вообще же, на наш взгляд, этнографические публикации на страницах губернских ведомостей и оценка их роли для развития этнографических исследований должны стать темой отдельного и глубокого историографического исследования. Во всяком случае, очевидно, что они послужили хорошей источниковой базой для многих этнографических трудов.

Не менее важное значение для отечественной этнографии, в том числе для изучения финно-угорских народов России, имело создание в 1845 г. Русского Географического Общества (Далее – РГО). Общество активно занялось организацией сбора материалов по традиционной культуре и быту различных народов России. Уже в 1848 г. РГО была составлена программа для сбора этнографических и фольклорных материалов и разослана по губерниям. Призыв РГО начинать сбор материалов о местных традициях и обычаях нашел горячий отклик у разночинной интеллигенции Коми края, представители которой не только собирали и пересылали различные материалы в общество, но и публиковали значительную их часть в тех же «Ведомостях». И именно эти сборы и публикации послужили основой для создания первого обобщающего труда по этнографии коми, который был опубликован в 1874 году и принадлежал перу члена Вологодского губернского статистического комитета К.А. Попова.

К.А. Попов сделал выборку этнографического материала по коми из ВГВ и других изданий и, добавив некоторые собственные материалы, собранные им в поездках в Коми край, написал на их основе книгу «Зыряне и зырянский край», которая долго оставалась единственным обобщающим трудом по этнографии коми-зырян. Книга была опубликована в «Известиях императорского Общества естествознания, антропологии,

этнографии», основанного в 1864 г. при Московском университете вначале как Общество любителей естествознания (11). Автор довольно подробно описал традиционное хозяйство и быт коми, но, ввиду отсутствия у него профессиональной этнографической подготовки, реконструировать более или менее достоверную картину традиционного мировоззрения коми ему не удалось. Тем не менее сам К.Попов считал неверными все предшествующие публикации по этнографии коми в плане интерпретации культуры этноса. Он выдвинул свою концепцию, согласно которой у зырян нет своей культуры, а весь культурный комплекс полностью заимствован у русских. Поэтому зырян нельзя даже считать самостоятельным народом. Несмотря на спорные позиции автора, и в настоящее время эта книга представляет определенный интерес для исследователей, прежде всего, как свод собранных воедино сведений коми энтузиастов-краеведов по самым различным вопросам народной культуры.

Со второй половины XIX столетия в России начинают создаваться региональные научные общества, которые сыграли важную роль в консолидации сил местных исследователей и краеведов, в организации исследований и публикации их результатов. Они, по выражению С.А. Токарева, нарушили «долголетнюю монополию Географического общества в области организации этнографической работы» (12, с. 284). В 1869 г. создается Общество любителей естествознания при Казанском университете, в рамках которого был учрежден отдел антропологии и этнографии, а в 1878 г. было основано самостоятельное Общество археологии, истории и этнографии. В трудах этого Общества были опубликованы многие работы по этнографии финно-угорских народов, в том числе все монографические работы профессора И.Н. Смирнова, посвященные этнографическому описанию волжских и пермских финнов и отмеченные демидовской премией. В 1883 г. в г. Гельсингфорсе (г. Хельсинки) было основано Финно-угорское общество (ФУО). Согласно уставу, утвержденному Сенатом, целью общества был сбор знаний о финно-угорских народах (исследование их языков, древностей, истории и этнографии). С 1886 г. начал издаваться «Журнал» Общества, с 1890 г. – «Труды», а с 1901 г. – сборники «Финно-угорские исследования», в которых на финском, немецком и французском языках печатались труды по финно-угроведению. Финно-угорское общество способствовало организации систематических исследований среди финно-угорских народов России, но в большей мере это касалось финской школы этнографии.

Для провинциальной России существенно большее значение имели губернские научные общества, которые вели большую организационную

и исследовательскую работу, а некоторые из них приобретали общероссийское значение и становились очень авторитетными сообществами исследователей. К таковым, несомненно, относились Архангельское общество изучения Русского Севера и Вологодское общество изучения Северного Края.

Изучение Русского Севера началось с краеведческой работы еще в XVIII в., когда в г. Архангельске под руководством В.В. Крестинина было основано первое историческое общество в России – «Общество для исторических исследований», которое, правда, просуществовало недолго. Открытие Русского Севера для науки, прежде всего для истории, археологии, этнографии и фольклористики, связывают с именами А.Ф. Гильфердинга, П.Е. Ефименко, Л.Н. Рыбникова, Е.Н. Барсова, Н.Е. Ончукова, Ф.М. Истомина и целого ряда других исследователей, чьи труды, помимо чисто научного значения, доказали необходимость единения ученых в изучении обширного культурного региона. Это единение стало возможным с созданием в 1908 г. Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС). Общество имело сложную разветвленную структуру с рядом отделов. В 1911 г. был создан его Усть-Сысольский отдел. В состав Общества входили представители целого ряда российских губерний, а также г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Франции, Норвегии, Германии. Главным печатным органом Общества был журнал «Известия АОИРС», который начал выходить в свет с мая 1909 г. и продолжал издаваться вплоть до 1919 г. В короткие сроки этот журнал был признан лучшим периодическим изданием по краеведению в провинциальной России. На страницах «Известий» публиковались многие интересные работы и по этнографии коми (13, 14).

Истоки Вологодского общества восходят к более ранним временам, нежели Архангельского. Начальным этапом развития краеведения в этом регионе считается конец XVII в., когда был составлен «Вологодский летописец». Само же Вологодское общество изучения Северного Края было создано в 1909 году. Его почетными членами были председатель исторического общества России Великий князь Николай Михайлович и крупнейшие этнографы этого времени Д.Н. Анучин и Д.К. Зеленин. Действительным членом Общества состоял коми ученый К.Ф.Жаков, а членом-корреспондентом – другой видный выходец из Коми края – П.А. Сорокин. В структуре Общества существенная роль принадлежала географо-этнографической комиссии. В 1914–1917 гг. выходили «Известия ВОИСК», а в 1922 г. начали выходить издания «Северный Край» и «Спутник краеведа», где помещались статьи по этнографии Севера.

Помимо Архангельского и Вологодского обществ, свою роль в сборе и публикации этнографических материалов по коми и соседним народам играло Общество любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края, созданное в 1899 г. и регулярно рассылавшее своим корреспондентам на местах программы и анкеты для сбора этнографических материалов.

В отличие от коми-зырян, этнография коми-пермяков уже в XIX в. привлекла внимание серьезных исследователей-профессионалов. В начале второй половины этого столетия появился целый ряд научных публикаций о коми-пермяках, как правило представлявших собой разностороннее описание их культуры и быта. Особенно ценные сведения приводились в публикациях Н.А. Рогова (15), который работал в тесном контакте с академиком императорской Санкт-Петербургской академии А.И. Шегреном. Им детально описаны свадебный и погребальный обряды, представления о душе и загробной жизни, строительная обрядность, взаимоотношения людей с миром всевозможных духов, дана оценка роли колдунов в общественной и личной жизни пермяков, освещены многие другие вопросы. В 1883 г. был издан очерк «Пермяки», написанный известным русским этнографом и фольклористом Н.Добротворским (16). Проанализировав все опубликованные до него работы по этнографии коми-пермяков, а также широко используя материалы собственных полевых сборов, автор дал многоплановое и подробное изображение традиционной культуры. Он, в частности, одним из первых обратил внимание на мифологию коми-пермяков и опубликовал в очерке текст записанного им этногенетического мифа. Особый интерес представляют сведения Н.Добротворского о специфике этнического самосознания коми-пермяков и о характере их ассимиляции русскими. В 1891 г. вышло в свет фундаментальное монографическое исследование «Пермяки» (17), автор которого, профессор Казанского университета Иван Николаевич Смирнов, был хорошо известен в научных кругах России как глубокий специалист по этнографии финно-угорских народов Поволжья. Широко используя сравнительные материалы, автор монографии дал квалифицированный анализ традиционной культуры коми-пермяков, всесторонне описав как особенности материального быта, так и этническое самосознание, обряды, верования. Особую ценность данному исследованию придает достаточно частое обращение автора к фольклорным материалам, так, например, при описании народных верований И.Н. Смирнов приводит в качестве подтверждающего материала целый ряд текстов записанных им быличек о якобы действительно происходивших случаях встречи с различными видами нечистой силы.

Из достаточно большого количества менее крупных научных и краеведческих работ о народной культуре коми-пермяков, как наиболее содержательные, можно выделить статьи Ф.А. Теплоухова о народном празднике «Три елочки», являвшемся характерной особенностью обрядовой жизни русских крестьян севера Пермской губернии и язьвинских коми-пермяков (у последних он бытует и поныне), о передаче лешему кабалы – письменного послания с просьбой возвратить потерявшуюся в лесу скотину (18), а также статью М.Малахова об обычае жертвоприношения в день св. Флора и Лавра (19).

Особо следует сказать об исследованиях финских ученых, которые в XIX в. после присоединения Финляндии к России начинают активную деятельность по изучению родственных финно-угорских народов. Кроме уже упомянутого А.И. Шегрена, имя которого, несомненно, принадлежит как российской, так и финской науке, следует упомянуть еще одного видного исследователя первой половины XIX в. – М.А. Кастрена. Матиас Кастрен посетил Коми край в 1840 г. во время своего первого продолжительного путешествия по Северной Евразии (1838–1844). В 1845 г. во время поездки в Западную Сибирь он на какое-то время останавливался в г. Перми. Впечатления об этих поездках были опубликованы в его путевых заметках (20).

В 1887 году первую, а в 1889 году вторую экспедицию на Урал совершил крупнейший финский лингвист, профессор Императорского Александровского университета в г. Гельсингфорсе А.Генетц, который стоял на позициях сравнительных финно-угорских исследований и считал язык основой изучения родственных народов. Целью второй экспедиции был Чердынский уезд, где он первым из исследователей занялся изучением весьма интересной в этнографическом отношении группы язьвинских коми-пермяков. Здесь он собрал богатый лингвистический и фольклорный материал, который характеризует культурное своеобразие группы. В 1897 г. в трудах ФУО была опубликована работа А.Генетца «Восточно-пермские языковые этюды» (21).

С начала XX века ситуация в изучении народов коми меняется, так как начинается профессиональное этнографическое изучение традиционной народной культуры коми-зырян. Безусловная заслуга в этом принадлежит В.П. Налимову. Василий Петрович Налимов стал первым профессиональным коми этнографом. Родился он в 1879 г. в деревне Седьяков (ныне входит в состав с. Выльгорт), вблизи г. Усть-Сысольск (ныне г. Сыктывкар), в бедной крестьянской семье. Окончив местную земскую школу, В.П. Налимов продолжил обучение на курсах фельдшеров в

г. Усть-Сысольске, после чего решил ехать в г. Москву, чтобы учиться дальше. В г. Москве будущий ученый обратил на себя внимание секретаря этнографического отдела Московского губернского общества любителей естественной антропологии и этнографии В.В. Богданова, председателя отдела академика В.Ф. Миллера и президента Общества, видного российского этнографа Д.Н. Анучина. Оценив наблюдения В.П. Налимова над верованиями, бытом и фольклором коми и увидев в нем будущего способного исследователя, они помогли ему сдать экзамены за курс гимназии и поступить в Московский университет. Курс учебы В.П. Налимов завершил с дипломом первой степени и затем сдал экзамен на магистра наук при Казанском университете, где он затем и преподавал. Основные научные интересы В.П. Налимова сосредоточились на этнографическом изучении финно-угорских народов. Уже в 1903 г., когда он еще был студентом, в «Этнографическом обозрении» появилась первая серьезная научная статья Налимова о верованиях народа коми (22). В этом же году он опубликовал еще две небольшие работы (23, 24). В одной из них он пересказал народную легенду о могучем колдуне Шыпиче, в другой – под названием «"Мор" и "Икота" у зырян» – рассмотрел некоторые народные представления о причинах рождения неполноценных детей и способах их магического исцеления. Большой интерес, прежде всего как источник оригинального фактического материала, представляет и последующая научная статья В.П. Налимова о дохристианских верованиях коми, посвященная представлениям о загробной жизни (25). Еще в студенческие годы статьи, доклады и рецензии В.П. Налимова привлекли внимание научной общественности. В 1906 г. ему было предложено сотрудничество с ФУО, а на следующий год Общество финансировало его длительную четырехмесячную экспедицию в Коми край, в которую он выехал совместно с известным финским этнографом У.Т. Сирелиусом. Особое внимание в этой поездке было уделено сбору информации об обычаях и верованиях народа коми. В 1908 г. в журнале ФУО «Journal de la Societe Finno-Ougrienne» на немецком языке была опубликована объемная статья В.П. Налимова «К вопросу о первоначальных половых отношениях у зырян» (в 1991 г. она была переиздана на русском языке) (26). В этой статье автором проанализирован чрезвычайно интересный и разнообразный материал, собранный им лично, о существовавших у коми половых запретах, представлениях о своеобразной заразе, скверне (*неж*), приобретаемой людьми, животными или даже неодушевленными предметами при нарушении этих запретов, обращено внимание на особый статус повитух и крестных родителей и др. На сле-

дующий год В.П. Налимов, находясь в творческой командировке в Финляндии, систематизировал собранные им за более чем пятилетний срок полевых этнографических исследований сведения и представил их на суд научной общественности в виде рукописного труда «Материалы по этнографии зырян и пермяков». Этот труд был высоко оценен рядом видных российских этнографов, а В.П. Налимову за него была присуждена престижная научная премия Великого князя Сергея Александровича. Объемная рукопись «Материалов...», представляющая из себя около 2,5 тыс. листов различного формата с записями В.П. Налимова, хранится в Архиве ФУО в г. Хельсинки, сохраняя большое значение и для современных исследователей как свод во многом оригинальных сведений по самым различным вопросам традиционной культуры народов коми.

В 1913 г. финским этнографом Уно Хольмбергом была опубликована монография «Die Wassergottenheiten der finnisch-ugrischen Volker» («Водные божества финно-угорских народов») (27), где он достаточно подробно описал представления о водяных духах и пережитки культа воды у народов коми. При этом автор использовал не только литературные источники, но и впервые ввел в научный оборот значительное количество фактов особого отношения к воде у коми, заимствованных им из архивных «Материалов...» В.П. Налимова.

В 1912 г., имея уже заслуженную научную репутацию видного российского этнографа-специалиста, В.П. Налимов в очередном томе издания «Великая Россия», посвященном народам Приуралья, опубликовал свой очерк о коми-пермяках. Значительное место в очерке было уделено описанию народной культуры, причем автор широко использовал свои собственные полевые записи. После опубликования этой работы В.П. Налимов более чем на десять лет прервал свою научную этнографическую деятельность и начал заниматься преподавательской деятельностью. В 1917 г. он становится приват-доцентом Казанского университета, а в 1918 г. избирается профессором кафедры географии и антропологии Нижегородского университета и одновременно состоит профессором Нижегородского пединститута.

Наряду с В.П. Налимовым, значительный интерес к культуре родного народа проявили и два других видных представителя коми научной интеллигенции, творческий путь которых начался в первые годы XX в. Первым из них был Каллистрат Фаллалеевич Жаков, судьба которого была сложна, но вполне характерна для российского интеллигента первой четверти XX столетия. Родился К.Ф. Жаков в 1865 г. в деревне, вблизи г. Усть-Сысольска, в крестьянской семье, и до 10 лет не знал русского

языка, умер в 1926 г. в г. Риге, проработав в дореволюционные годы преподавателем философии и логики около 10 лет. Его путь в науку был очень долгим: К.Ф. Жаков окончил сельскую школу, затем работал на железоделательном заводе в Вятской губернии, окончил учительскую семинарию в г. Тотьме, странствовал по России, учился в реальном училище и Вологодской гимназии, которую окончил в 30 лет, продолжил образование в Лесном институте в г. Петербурге, на физико-математическом, а затем историко-филологическом факультетах Киевского университета и, наконец, окончил словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета в 1901 году, уже будучи зрелым человеком. Став студентом Петербургского университета, К.Ф. Жаков заинтересовался фольклором и этнографией народа коми. За годы учебы он написал несколько рефератов, с которыми выступал перед студенческой аудиторией. В 1900 г. студент Жаков был командирован Академией наук для сбора этнографического материала среди коми-зырян. На основании данных, собранных в экспедиции, он в октябре этого года выступил на заседании отделения РГО с докладом «Этнологический очерк зырян», за который Обществом ему была присуждена серебряная медаль. В 1901 г. данное исследование было опубликовано в журнале «Живая старина» (28). В этом же году вышла в свет следующая научная статья К.Ф. Жакова «Языческое миросозерцание зырян» (29). В декабре 1902 г. на заседании отделения этнографии РГО К.Ф. Жаковым был сделан доклад о результатах его поездки к иньвенским коми-пермякам. В 1903 г. , а затем в 1905 г. (под псевдонимом Я.Камасинский) К.Ф. Жаков опубликовал свои впечатления в виде этнографических очерков, в которых он достаточно подробно остановился на описании быта, этнического самосознания и верований коми-пермяков, хотя порой его суждения и выглядят недостаточно обоснованными (30). Тем не менее его описания быта коми-пермяков привлекли внимание профессиональных этнографов, и довольно развернутую рецензию на этнографические очерки и рассказы Жакова дал Д.К. Зеленин («Этнографическое обозрение». 1906. №3–4).

В дальнейшем К.Ф. Жаков преподавал в различных учебных заведениях, а с 1908 г. работал в Петербургском психоневрологическом институте, где в 1911 г. получил звание профессора. В эти годы он отошел от активных этнографических изысканий и увлекся литературным трудом, главный смысл которого заключался в идеализации прошлого патриархального быта и культуры своего народа, в «плаче» об ушедшем и уходящем и предсказании трагического для коми разрыва поколений в связи с ростом капиталистических отношений на

Севере. Кроме того, все последующие годы он занимался разработкой философской теории лимитизма. Творческий путь К.Ф. Жакова описан в книге профессора Сыктывкарского университета Л.П. Рощевской (31).

Вторым крупнейшим представителем коми интеллигенции начала века, который так же, как и Жаков, обращался к коми этнографии, был Питирим Александрович Сорокин. П.А. Сорокин родился в с. Турья Жешартской волости Яренского уезда Вологодской губернии (ныне территория Республики Коми). Пройдя обычный для выходцев из крестьянской среды многоступенчатый путь получения образования, в 1909 г. он поступил в Петербургский психоневрологический институт, из которого перевелся на следующий год на юридический факультет Петербургского университета. Существенную поддержку в получении образования П.А. Сорокину оказал его земляк, к тому времени уже известный ученый и литератор, К.Ф. Жаков. По всей видимости, именно под его влиянием П.А. Сорокин в студенческие годы активно занялся изучением традиционной культуры народа коми. В 1910–1911 гг. им были опубликованы в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» статьи «Пережитки анимизма у зырян», «Современные зыряне» и «К вопросу об эволюции брака у зырян» (32). В последней статье Сорокин развивал эволюционистские взгляды Л.Г. Моргана или, точнее, отражал эти идеи в интерпретации Ю.Липперта. Не случайно программа по изучению коми, разработанная Сорокиным, включала вопросы о наличии у коми сорората, левирата и т.п. В 1916 г. в «Известиях Вологодского общества изучения Северного края» вышла в свет статья П.А. Сорокина «К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян» (33). Будучи последователем эволюционизма в своих работах П.А. Сорокин опирался на труды классика эволюционной школы в этнографии Эдуарда Бернетта Тайлора, развивая его анимистическую теорию и идею о пережитках. Хотя, с точки зрения современной методологии, теоретические построения П.А. Сорокина существенно устарели, фактический материал, использованный им, в том числе собственные наблюдения, представляют значительный интерес. Исходя из этого, в 1999 г. этнографы В.А. Семенов и Д.А. Несанелис собрали воедино все этнографические работы П.А. Сорокина, снабдили их комментариями и издали отдельным сборником (34).

Большое значение в деле изучения фольклора и этнографии народов коми имеют фольклорные тексты, собранные видным финским филологом Ю.Вихманном во время его экспедиций в Коми край в 1901–

1902 гг. и экспедиции в пермские земли летом 1902 г. (с 1898 г. он являлся секретарем, с 1909 г. – вице-президентом, а с 1919 г. – президентом Финно-угорского общества). В 1916 г. собранные во время этих экспедиций материалы были опубликованы им на коми и немецком языках (35). Во время трехнедельного пребывания летом 1902 г. в коми-пермяцком селе Юсьва Ю.Вихманн познакомился с земским начальником, любителем местной этнографии В.М. Яновичем, который только что закончил работу над большим очерком о пермяках. Этнографический очерк в 1903 г. был опубликован в журнале «Живая старина» и сразу же привлек внимание исследователей редким фактическим материалом (36). Сочинение В.М. Яновича являлось самой значительной и содержательной работой о коми-пермяках начала столетия и самой крупной работой этого периода, которая принадлежала перу пермских исследователей, оно во многом дополнило и расширило сведения, которые содержались в трудах его предшественников. Особенно интересны были сведения об обычаях, верованиях, народной медицине и нравственном облике коми-пермяков. Из других публикаций о коми-пермяках, кроме уже упомянутых очерков В.П. Налимова и К.Ф. Жакова, можно отметить работу А.Крупкина «Верования пермяков-инородцев», опубликованную им в 1911 г. (37). Несмотря на компилятивный по сути своей характер данной работы, она содержит и отдельные ценные наблюдения автора над религиозной жизнью пермяков. Очевидно, что у коми-пермяков не только не сложилась собственная этнографическая школа, но среди них не появилось даже ни одного ученого или сколько-нибудь заметного краеведа. Тем самым культурное лидерство коми-зырян стало весьма очевидным. Причину такого положения дел объяснил Питирим Сорокин еще в своей статье «Современные Зыряне», указав, что зыряне по уровню образованности занимают третье место среди народов Российской империи, уступая лишь «обрусевшим немцам» и евреям. Позднее об этом же он писал в своей автобиографической книге «Долгий путь» (38).

После Октябрьского переворота наступил новый этап в изучении традиционной культуры народов коми. Судьба коми ученых, интересовавшихся этнографией и фольклором родного народа, сложилась по-разному. К.Ф. Жаков, пассивно не восприняв новую власть, эмигрировал в Латвию и вскоре там скончался. Профессор Петроградского университета П.А. Сорокин, один из лидеров правых эсеров, в 1922 г. как ярый враг большевизма был выслан за пределы Советской России. С 1930 г. он преподавал в Гарвардском университете США, где основал факультет социологии и приобрел мировую известность как родоначальник

социологической теории стратификации и социальной мобильности и как один из отцов-основателей американской социологии (он был избран Президентом американской социологической ассоциации в 1964 г.). Умер П.А. Сорокин в 1968 году. В.П.Налимов остался в России и в 1922 г. перебрался в г. Москву, где преподавал и вел научно-организационную деятельность одновременно в нескольких вузах: МГУ–2 (профессор землеведения), Медико-педагогическом институте (профессор антропологии), Тимирязевском НИИ (ученый специалист), НИИ по изучению народов Востока (действительный член и преподаватель угро-финской секции), Географическом НИИ при МГУ. В этот период он организует ряд экспедиций в Коми, Большеземельскую тундру, Вятский край, Башкирию, Казахстан, Лопарско-Мурманский край, Приуралье и Поволжье, занимаясь преимущественно географическими и топонимическими исследованиями. В середине 20-х годов В.П. Налимов на короткий срок вернулся к коми этнографии, написал и опубликовал две статьи о материальной культуре, используя свои собственные материалы, собранные им в начале века (39). В эти же годы он принял деятельное участие в создании в г. Москве общества «Бӧляк», инициатором организации которого был виднейший представитель удмуртской интеллигенции первой половины XX столетия Кузебай Герд. Общество объединило удмуртов, обучавшихся в вузах г. Москвы и проходивших там аспирантскую подготовку, и ставило своей целью просвещение удмуртского народа, изучение его истории и культуры. Для членов общества профессор Налимов читал лекции по финно-угорской этнографии. Причастность к данному обществу и послужила в дальнейшем поводом для его ареста в 1938 г., как участника буржуазно-националистической организации (умер в тюрьме в 1939 г.) (40).

Как и во многих других регионах России, в первое десятилетие Советской власти резко активизировалась деятельность местных краеведов Коми края. В 1922 г. в г. Усть-Сысольске было образовано Общество изучения Коми края, председателем которого был избран приехавший в этом году по не вполне понятным причинам в столицу Коми АО известный кавказовед профессор А.Н. Грен. Во время своего пребывания в г. Усть-Сысольске А.Н. Грен активно включился в развернувшийся в эти годы в области процесс культурного строительства. В начавших вскоре выходить «Записках общества» и в краеведческом отделе журнала «Коми му» им был опубликован ряд статей на лингвистические и этнографические темы, в том числе объемная статья «Зырянская мифология» (41). В 1925 г., никого не предупредив, так же неожиданно, как он появился в

Коми крае за три года до того, А.Н. Грен покинул г. Усть-Сысольск. Тем не менее Общество изучения Коми края, первым председателем которого он состоял, успешно функционировало и в последующие годы. В первую очередь заслугу в этом можно видеть в деятельности одного из соучредителей общества А.С. Сидорова, ставшего впоследствии видным коми ученым. Алексей Семенович Сидоров родился в 1892 г. в семье крестьянина-середняка. В 1911 г. он после окончания Тотемской учительской семинарии приступил к работе учителем в начальной школе, а в 1915 г. поступил в Вологодский учительский институт с целью продолжить свое образование. Успешно окончив институт, А.С. Сидоров стал работать преподавателем в открытой в 1918 г. в с. Усть-Вымь коми национальной учительской семинарии. Одновременно с преподавательской работой он начал активное изучение коми языка, фольклора и традиционной культуры. В 1921 г. А.С. Сидоров возглавил открытый в г. Усть-Сысольске Педагогический институт народного образования. В этот период особый интерес у него вызывали проблемы коми этнографии и археологии. Помимо чтения лекций по краеведческим дисциплинам, он организовал краеведческий кружок, редактировал краеведческий отдел журнала «Коми му». Как руководитель этнографической секции Общества изучения Коми края А.С. Сидоров уделял большое внимание сбору фактического материала по народной культуре коми и его анализу, составил специальные этнографические вопросники для полевой работы студентов. В журнале «Коми му» появились первые научные работы молодого ученого. Из них необходимо особо отметить статьи «Следы тотемических представлений в мировоззрении коми» и «Пережитки культа промысловых животных у охотников коми» (42). В 1926 г. А.С. Сидоров выехал в научную командировку в г. Ленинград для специализации в области лингвистики, археологии и этнографии. За этот и последующий год он обобщил материалы долговременных этнографических сборов, написал объемную статью о погребальных обрядах и обычаях коми (хранится в архиве РАН) и подготовил к печати книгу о традиционных магических практиках коми. В 1928 г. книга А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народов коми» вышла в свет в г. Ленинграде (переиздана там же в 1997 г.). Эта книга и до сих пор остается самым цитируемым трудом коми этнографов. Сам же автор, критически оценивая работу, написал в предисловии к ней, что «...данная работа имеет характер не столько строго методологического исследования, сколько краеведческого описания. Общие положения, встречающиеся в работе, приведены более для освещения фактического материала, чем в качестве непосред-

ственных выводов из него» (43). Действительно, книга А.С. Сидорова чрезвычайно насыщена детальными описаниями конкретных проявлений суеверных представлений у коми. Материал этот очень ценный и во многом уникальный, что свидетельствует о высоком профессионализме А.С. Сидорова как собирателя этнографической информации. Подробно описаны им бытовые суеверия и народные приметы, даны толкования снов, рассмотрены представления о порче и ее исправлении, всевозможные атрибуты колдовства и конкретные действия, связанные с колдовством.

В 20-е годы получил профессиональную подготовку и другой коми этнограф – Г.А. Старцев. Им опубликован целый ряд работ и создан обобщающий труд «Зыряне», где рассматриваются различные стороны культуры и быта коми. К сожалению, этот труд не был опубликован и его рукопись хранится в Коми республиканском государственном архиве. Г.А. Старцев первым из коми этнографов занялся этнографическим изучением зауральских коми и при этом одновременно изучал традиционную культуру хантов, издав по результатам исследований в 1928 г. в г. Ленинграде монографию «Остяки» (его перу принадлежит также книга «Самоеды», изданная в г. Москве в 1930 г.). Среди других исследователей этого периода можно выделить имена П.Г. Доронина, Ф.П. Чукичева, Г.А. Нечаева. Первые двое интересовались этнографией, а последний, являясь языковедом по своей профессиональной подготовке, основное внимание уделил изучению зюздинского диалекта коми языка, а также характеру взаимосвязи между коми-пермяцким литературным языком и северными диалектами. Но им также опубликована в журнале «Коми му» весьма содержательная этнографическая статья, характеризующая культурную специфику группы язьвинских коми-пермяков (44).

Среди самих коми-пермяков и в этот период не сформировалось ни одного ученого-этнографа. И краеведческое движение у коми-пермяков в 20-е годы не получило такого развития, как у коми-зырян. Некоторую активность в этом отношении проявлял лишь музей в г. Кудымкаре. В большей мере краеведческой работой среди коми-пермяков занимались пермские исследователи. В 1916 г. был создан «Кружок по изучению северного края при Пермском университете», которым руководил профессор П.С. Богословский. Главным образом работа кружка сосредотачивалась на изучении народного устного и изобразительного творчества. В 1920-е годы кружок издал 4 выпуска «Пермского краеведческого сборника», а в 1929 г. был преобразован в Научное этнографическое общество при Пермском университете. Среди наиболее значительных работ

этого периода, посвященных коми-пермякам, можно назвать только статью А.Ф. Теплоухова «Пермяки и зыряне», опубликованную в 1926 г. в «Пермском краеведческом сборнике». Статья посвящена сравнительному анализу коми и коми-пермяков в лингвистическом и этнографическом плане. Автор указывает, что считает зырян и пермяков одним народом, но подчеркивает, что в лингвистическом отношении их необходимо разделять и что «в отношении их характера между ними нет ничего общего (45, с. 122). В этом же году в журнале «Коми му» появилась небольшая статья А.С. Сидорова, написанная им в соавторстве с Е.М. Мишариным, – «К вопросу о национальном взаимоотношении пермяков и зырян», где утверждалось, что коми и пермяки считают себя одним народом. Появление статей было вызвано фактом создания первого в СССР национального округа – Коми-Пермяцкого – и борьбой руководства Коми области за создание единого национально-государственного образования для зырян и пермяков, а последняя статья явилась также непосредственной реакцией на экспертное заключение одного из сотрудников Госплана РСФСР, который, ссылаясь на Г.С. Лыткина, утверждал, что коми и коми-пермяков нельзя считать одним народом (есть все основания полагать, что заключение было по существу подготовлено В.П. Налимовым). Авторы категорично заявили: «Вопрос о правильном соотношении с действительностью в этническом районировании Союза С.С.Р. – дело государственной важности и хотелось бы думать, что экспертиза Госплана Р.С.Ф.С.Р. будет впредь более внимательной, вполне научной и основанной на мнениях действительных авторитетов». Это был один из первых примеров политизации этничности, мобилизации этнографов-профессионалов для научного обоснования «вопроса о самоопределении коми народа и объединении в одно административное, политическое и национальное целое разрозненных частей его...» (46, с. 13).

Среди зарубежных авторов, которые в 20-е годы занимались изучением народной культуры коми, обращает на себя внимание статья венгерского филолога Д.Р. Фокош-Фукса «Beitrage zur Kenntnis des Volksglaubens der Syrjanen» («Вклад в изучение народных верований зырян»), опубликованная им в 1924 г. (47). Опираясь на собственные фольклорные материалы, собранные им во время экспедиций в Коми край в 1911 и 1913 гг., а главным образом на сведения, полученные от коми военнопленных в I мировую войну, автор дает обширный фактический материал о мифологии народа коми. Полные тексты фольклорных записей Д.Р. Фокош-Фукса на коми и немецком языках были опубликованы лишь в 1951 г. (48).

На рубеже 20–30-х годов этнографическая наука в СССР вступила в наиболее сложный период своего развития. Под предлогом борьбы с национализмом и идеализацией старины, что, по мнению идеологов того периода, было свойственно этнографии, она была отнесена к неактуальным и даже вредным научным направлениям. Повсюду на местах свертывались этнографические исследования, закрывались краеведческие общества и их издания. В 1930 г. был закрыт журнал «Коми му». В 1931 г. было распущено Общество изучения Коми края. В 1932 г. после разгромной статьи в газете «Правда» прекратило свое существование и Научное этнографическое общество при Пермском университете.

Уже в начале 1930-х гг. финно-угорская этнография в целом превратилась в гонимую отрасль науки, поскольку было признано, что она является носителем «буржуазного национализма». Особую роль в этом сыграли публикация статьи М.Ю. Пальварде «Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма» (49) и фабрикация ГПУ в 1932 г. дела СОФИН («Союз освобождения финских народностей»). Дело это было связано с «раскрытием» подпольной организации, сторонники которой стремились якобы создать независимые республики и затем присоединить их к Финляндии (50). По данному делу проходили многие представители удмуртской, марийской, коми интеллигенции, в том числе и этнографы. В конце 30-х годов были арестованы все коми этнографы как старшего, так и младшего поколений и, таким образом, уже сложившиеся кадры этнографов были по существу уничтожены. Только одному А.С. Сидорову (который с начала 1930-х гг. прекратил занятия этнографией) удалось пережить испытание ГУЛАГом, ибо в сентябре 1940 г., отсидев более чем скромный по тем временам срок в три года, он вышел на свободу, вернулся на родину и до конца своих дней занимался исключительно лингвистическими исследованиями (умер в 1953 г.) (51).

Тяжелые для страны и для народов коми военные годы, тем не менее, позволили западным ученым возобновить давно прерванные ими (не по собственной воле) работы по непосредственному изучению традиционной культуры коми. Информаторами для них стали советские солдаты, находившиеся в лагерях для военнопленных. Огромную работу среди них провел финский ученый Т.Е. Уотила, который записал с их слов большое количество коми-зырянских и коми-пермяцких фольклорных текстов: сказок, быличек, примет и т. п. Активную помощь финскому ученому оказал коми-пермяк И.Н. Мошегов. Последний, будучи белым офицером, бежал из фильтрационного лагеря в Финляндию в 1920 г. и занялся там торговлей, а попутно и литературным творчеством. Кроме

фольклора, Т.Е. Уотила записал много бытовых рассказов, описал около двух десятков детских игр коми. Публикация этого уникального материала началась с середины 80-х годов (52).

Отечественные ученые возобновили этнографические исследования среди народов коми лишь в послевоенные годы, и сделано это было по инициативе центра. В 1945–1952 гг. у них собирала полевой материал видный советский этнограф Вера Николаевна Белицер. Впоследствии этот материал был обобщен в фундаментальной монографии «Очерки по этнографии народов коми», вышедшей в свет в 1958 г. Эта монография до сих пор остается крупнейшим академическим трудом по этнографии народов коми. В данной работе автор проанализировала процессы формирования двух этносов, осветила историю их взаимодействия с русскими. Наибольшую ценность представляют подробные описания традиционной материальной культуры коми: поселений и жилищ, одежды, пищи, утвари, орудий труда и средств передвижения. Основательно в монографии рассмотрены хозяйственные занятия различных групп коми и коми-пермяков и особенности их обрядовой жизни. Работа ценна прежде всего тем, что большинство культурных явлений, о которых в ней идет речь, автор мог наблюдать воочию или получал о них сведения от информаторов, которые не восстанавливали их по памяти, а сообщали исследователю факты, с которыми сталкивались в повседневном быту. И особенно важно то, что прежде чем многие культурные традиции стали стремительно исчезать из повседневной жизни народов коми, их удалось зафиксировать и описать высокопрофессиональному ученому-этнографу. Конечно, далеко не все явления жизни народов коми получили в данной работе детальное описание, но поскольку она носила обобщающий характер, постольку задача углубленного изучения различных сторон материальной и духовной культуры двух этносов естественным образом возлагалась на следующее поколение этнографов. Более того, В.Н. Белицер внесла большой вклад в профессиональную подготовку представителей этого следующего поколения. В 1950 г. в этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, направленной на верхнюю и среднюю Печору и возглавляемую В.Н. Белицер, начал свое приобщение к этнографии Л.Н. Жеребцов, который только недавно по совету А.С. Сидорова занялся изучением этнографии и поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР.

Первыми этнографами в Коми филиале АН СССР (ныне – Коми научный центр), который возник на основе базы Академии наук, созданной в г. Сыктывкаре в 1944 году, были уже упомянутый Л.Н. Жеребцов,

закончивший местный пединститут, и Л.П. Лашук – выпускник отделения этнографии исторического факультета МГУ. С их приходом в г. Сыктывкаре стал складываться небольшой профессиональный коллектив этнографов, своеобразный этнографический исследовательский центр. В 1961 г. в Коми филиале был создан самостоятельный отдел археологии и этнографии и вскоре в него пришли Ю.В. Гагарин, Л.С. Грибова, Г.Н. Климова, Н.И. Дукарт, а позднее – Г.П. Белорукова. В 1953 г. в г. Москве в Институте этнографии была защищена первая диссертация «Современное жилище народа коми», которую подготовил Л.Н. Жеребцов, а годом позже там же свою диссертацию «Этническая история Печорского края» защитил Л.П. Лашук.

В эти годы начинается активный сбор полевых материалов, ежегодно этнографы выезжают в экспедиции в различные районы Коми, Архангельскую область, на Кольский полуостров, на Обь и Алтай. Постепенно накопленные материалы оседают не только в научных отчетах, которые хранятся в архиве Коми научного центра, но и публикуются в виде многочисленных статей и солидных монографий. Первой такой монографией стала книга Л.П. Лашука «Очерк этнической истории Печорского края», которая вышла в г. Сыктывкаре в 1958 году. Охватив в монографии период от мезолита до 50-х гг. XX в., Л.П. Лашук наметил в ней основные этапы освоения человеком бассейна Печоры, описал сложный характер этнического взаимодействия в этом регионе на протяжении длительного исторического периода.

Л.П. Лашук также первым обратился к этнографическому районированию Коми. Он выделил семь этнографических ареалов: прилузский, сысольский, вымский, удорский, ижемский, верхнепечорский и вычегодский. Из-под его пера вышло и такое капитальное сочинение, как «Формирование народности коми» (М., «Наука», 1972). В этой работе глубоко проанализированы этногенез и этническая история коми, выявлены географические, хозяйственные, социальные и культурные особенности коми этноса. Книга написана на основе изучения разнообразных этнографических, лингвистических, археологических и исторических источников, корректное использование которых определило надежность и убедительность сформулированных Л.П. Лашуком выводов. Достаточно длительный этап карьеры Л.П. Лашука завершился в 60-м году, и его дальнейшая научная деятельность была связана с кафедрой этнографии Московского университета, где он проработал профессором до конца своих дней (умер в 1990 г.).

Существенный вклад в коми этнографию внес и Л.Н. Жеребцов. Его научные интересы первоначально были сконцентрированы на изучении традиционного крестьянского жилища. Результаты его первоначальных исследований обобщены в книге «Крестьянское жилище в Коми АССР», которая была издана в г. Сыктывкаре в 1971 году. Л.Н. Жеребцов разработал типологию традиционных жилищ коми, показал ареалы распространения тех или иных типов. Судьба этой книги весьма показательна, т.к. первый ее вариант, который назывался «Памятники народного зодчества», был опубликован еще в 1961 г. Но весь тираж книги был уничтожен по приказу из обкома КПСС. Высокопоставленные партийные идеологи посчитали, что работа дискредитирует социалистический быт села, поскольку ее изобразительный ряд был составлен в значительной мере из покосившихся старинных коми изб. Трагедия коми этнографии, равно как и советской этнографии в целом, заключалась в том, что власти прямо или косвенно вынуждали этнографов обслуживать официальную идеологию и жестко корректировали их деятельность.

В последующие годы круг научных интересов Л.Н. Жеребцова значительно расширился: он большое внимание уделил изучению этнографических групп коми, этнических контактов, общественного быта. Результаты его исследований нашли отражение в целом ряде статей и нескольких крупных работах. Одна из них «Быт и культура села» была написана в соавторстве с Ю.В. Гагариным и издана в г. Сыктывкаре в 1968 г. В этой публикации, подготовленной на основе обстоятельного (свыше 600 страниц) научного отчета, подробно описан общественный быт сельского населения в первой половине XX столетия, охарактеризован процесс культурной эволюции коми села. Анализируя изменения в жизни села, авторы, конечно, не могли дать исчерпывающую характеристику того, как происходило разрушение традиционного образа жизни коми крестьянина и традиционных норм морали, к каким последствиям это привело, но материал книги позволяет сделать самостоятельное сравнение «старого» и «нового» быта, хотя авторам пришлось пропагандировать именно социалистический быт, подчеркивая его преимущества. Наиболее подробно Л.Н. Жеребцов рассмотрел удорскую этнографическую группу, посвятив ей монографию «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVII – начале XX вв.» (М., «Наука», 1972). В 1982 г. была опубликована крупнейшая работа Л.Н. Жеребцова «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» (М., «Наука», 1982). В ней на базе полевых, архивных и литературных материалов рассматриваются сложные процессы складывания взаимоотношений коми с со-

седними народами с X–XI до начала XX вв. Автор подчеркивал, что характер взаимодействия был двухсторонним и контакты с соседями у коми были в основном бесконфликтными. В разные исторические эпохи контакты носили различный характер, но постоянно доминировали связи с русскими.

Л.Н. Жеребцов рассмотрел также процесс формирования этнической территории коми и указал, что основные этнографические группы сложились уже к XVIII в., а в последующие эпохи началось их сближение. Этому вопросу был посвящен препринт его научного доклада «Формирование этнической территории коми (зырян)», изданный в г. Сыктывкаре в 1977 г. Другой работой, где были сделаны выводы принципиального характера, был уже упомянутый препринт «Этнографические исследования на Европейском северо-востоке СССР». В нем Л.Н.Жеребцов заявил: «...Несмотря на единство происхождения, длительную общность жизни и наличие значительного количества общих черт в культуре и быте, в настоящее время коми (зыряне) и коми-пермяки являются двумя самостоятельными народами...» (53, с. 15). В дальнейшем этот его вывод получил подтверждение в ходе ряда других исследований, хотя сегодня многие коми краеведы и национал-радикалы из коми национального движения оспаривают его, высказываясь за воссоединение якобы искусственно разделенного народа (54).

Л.Н. Жеребцов по существу более двух десятилетий руководил этнографическими исследованиями в Республике Коми. В 1971 г. он возглавил самостоятельный отдел этнографии, который был создан год спустя после того, как был сформирован Институт языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, и оставался на этом посту до 1988 г. (умер в 1991 г.).

В 60–70-е годы коми этнографы разрабатывали целый ряд научных проблем, но, пожалуй, помимо уже названных, наиболее значимыми были этноконфессиональные исследования и изучение народного искусства. Под руководством Ю.В. Гагарина изучались дохристианские верования коми, история православной церкви в Коми крае и старообрядчества, современная религиозная ситуация.

Почти все предшествующие работы по этнографии народов коми представляли собой добротные этнографические описания различных сторон культуры и быта, и их авторы использовали в своей исследовательской деятельности методы этнографических наблюдений и интервью, а также сравнительно-исторический метод, хотя в работах советского периода они вынуждены были заявлять, что основным научным

методом является метод «исторического материализма». Ю.В. Гагарин первым стал использовать массовые опросы населения, хотя не применял выборочный метод, а прибегал к сплошным опросам населения сел и деревень. Конечно, ряд работ носил откровенно антирелигиозную направленность, но сами материалы, представленные в них, имеют несомненную научную ценность. Крупнейшей работой Ю.В. Гагарина является монография «История религии и атеизма народа коми», опубликованная в г. Москве в 1978 году. К сожалению, дохристианские верования коми и их место в системе традиционного мировоззрения описаны и проанализированы в ней достаточно поверхностно, что во многом объясняется слабым использованием метода исторических реконструкций и что побудило впоследствии вновь вернуться к изучению этого вопроса. Незадолго до своей смерти (умер в 1981 г.) на основе монографии «История религии...» Ю.В. Гагариным была защищена в Институте этнографии и антропологии докторская диссертация.

Изучение народного искусства народов коми связано, прежде всего, с именем Л.С. Грибовой, которая стала первым профессиональным этнографом среди коми-пермяков. Не случайно ее кандидатская диссертация, которая была выполнена под руководством известного этнографа С.А. Токарева и успешно защищена в Институте этнографии в 1969 г., носила название «Исторические традиции в народном искусстве коми-пермяков». Ее перу принадлежит целая серия работ, среди которых, безусловно, следует выделить три. Первой из них является монография «Пермский звериный стиль. Проблемы семантики» (М., «Наука», 1975). Это было первое крупное исследование, опубликованное за срок почти в полстолетия, прошедший со времени публикаций работ В.П. Налимова и К.Ф. Жакова, а также упоминавшихся статей исследователей начала 1920-х годов, и посвященное мифологии народов коми. Л.С. Грибова отобрала из опубликованных и архивных источников, собрала лично очень интересный и ценный материал по мифологии и языческим верованиям коми. На основе разнообразного этнографического, фольклорного, языковедческого материала автор рассмотрела как происхождение, так и практическое значение пермских бляшек в жизни древнего населения Прикамья и выдвинула гипотезу о связи изображений с тотемизмом, экзогамными нормами брака и родовой организацией обществ. Однако, серьезного обоснования данной гипотезы автором предложено не было, поскольку сами мировоззренческие основы культуры древних пермян не были глубоко проанализированы. Но, кроме собственно мифологии, в книге анализируется и эстетика пермского звериного стиля: Детальная

характеристика декоративно-прикладного искусства коми дана в другой монографии Л.С. Грибовой «Декоративно-прикладное искусство народов коми», изданной в 1980 г. в г. Москве. Последней крупной работой был альбом «Народное искусство коми», который был издан в 1992 г. уже после ее скоропостижной кончины (умерла в 1986 г.) и подготовлен к печати Э.А. Савельевой.

Другой известной исследовательницей народного искусства коми является Г.Н. Климова. Тематика ее исследований была достаточно узкой, но требовала очень большой и трудоемкой полевой работы и тщательного изучения музейных коллекций. Г.Н. Климова первой обратилась к изучению орнамента коми. Ею исследованы и определены основные типы орнаментации, характерные для традиционной культуры коми, в частности, антисимметричные семеричные бордюры, диагонально-геометрические узоры и многие другие. Охарактеризованы особенности орнаментации текстильных и вязаных изделий коми, местные названия узоров и элементов орнамента. Результаты исследований были обобщены в двух книгах, которые получили очень широкую известность. Первая из них «Узорное вязание коми» была опубликована в г. Сыктывкаре в 1978, а вторая – «Текстильный орнамент коми» – там же в 1984 году (переиздана в г. Кудымкаре в 1995 г.). К сожалению, в дальнейшем Г.Н. Климова оставила занятие коми этнографией и переехала в г. Пермь, где занималась преподавательской деятельностью. Впрочем, в 70-е годы коми этнография потеряла несколько весьма перспективных исследователей, которые начинали свою карьеру в Коми. В Германию эмигрировала Н.И. Дукарт, которая занималась изучением традиционных календарных и семейных обрядов коми, а также современной гражданской обрядности и опубликовала ряд содержательных статей на эту тему (55). В г. Ленинград переехала Г.Н. Романова, занимавшаяся изучением традиционных ремесел, защитившая на эту тему в 1976 г. в ЛГУ весьма интересную кандидатскую диссертацию «Домашние промыслы коми» и опубликовавшая серию статей (56). В г. Ижевск перебралась Г.П. Белорукова, предметом изучения которой являлся быт лесных рабочих коми. Ею впервые были осуществлены этносоциологические обследования лесных поселков (в которых проживает 40 % сельского населения республики) и опубликованы несколько статей и препринт научного доклада, посвященные этому вопросу, а кроме того, защищена в 1974 г. в Институте этнографии и антропологии кандидатская диссертация «Лесные рабочие Коми АССР (этнокультурные процессы)» (57).

Эти потери, однако, были восполнены, поскольку в середине и в конце 70-х годов в отдел этнографии пришли Н.Д. Конаков, М.Б. Рогачев, В.В. Соловьев, И.В. Ильина, Ю.П. Шабаев, В.Н. Денисенко, а чуть позже – О.В. Котов. В результате, центр этнографической науки в Коми сохранил и свой научный потенциал, и свое влияние в научном сообществе.

Следует особо отметить тот факт, что в последние несколько десятилетий довольно заметный вклад в коми этнографию внесли лингвисты и фольклористы. Еще в начале 50-х годов известнейший коми языковед В.И. Лыткин, который большую часть жизни проработал в Институте языкознания в г. Москве, осуществил комплексное изучение группы язьвинских коми-пермяков. По результатам этой работы совместно с сотрудником Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина С.А. Поповым в 1952 г. им была подготовлена рукопись «Коми-язьвинцы (историко-этнографический очерк)». Эта рукопись хранится в архиве Коми научного центра. Позднее он издал монографию о коми-язьвинском диалекте (58).

Значительный интерес к этнографическим сюжетам несколько позднее проявил довольно известный коми фольклорист Ф.В. Плесовский. Наиболее заметны в этом плане две его работы, а именно: статья «Космогонические мифы коми и удмуртов» (59), весьма слабая в теоретическом отношении, и изданная в 1968 г. в г. Сыктывкаре книга «Свадьба народа коми», которая имеет тот же недостаток. Основную ценность этой книги составляет огромный фактический материал, прежде всего собранный А.С. Сидоровым и его учениками в 20-е годы XX в.

Несомненный вклад в коми этнографию внес другой представитель школы коми фольклористики П.И. Чисталев, который долгие годы занимался изучением музыкального фольклора и сбором музыкальных инструментов. Благодаря его усилиям удалось восстановить все разнообразие традиционных музыкальных инструментов, характерных для коми, и описать их место в культурной жизни. Этим вопросам посвящены его статьи (60) и книга «Коми народные музыкальные инструменты», изданная Коми книжным издательством в 1984 г.

Тематика этнографических исследований коми этнографов во второй половине 70-х и в последующие годы существенно изменилась. Началось углубленное изучение традиционного природопользования, народной медицины, современных этнических процессов, этнолокальных групп, мифологии, этнографии детства и т.д.

В системе традиционного природопользования коми очень важное место занимали охота и рыбная ловля. Эти отрасли хозяйства обеспечивали значительную часть потребностей семьи не только в продуктах питания, но и весомую долю денежных доходов, которая существенно менялась в разных районах края. Охотничьи и рыболовные промыслы коми подробно охарактеризованы в получившей широкую известность монографии Н.Д. Конакова «Коми охотники и рыболовы», которая была издана в г. Москве в 1983 г. Здесь дано описание промысловых орудий, одежды, средств передвижения, проанализированы принципы устройства охотничьих артелей и угодий, особенности промысловой морали. В работе обобщены литературные и архивные источники и собственные полевые материалы. Позднее Н.Д. Конаковым были расшифрованы изображения древних календарей, найденных на этнической территории коми, и на их основе проанализирована календарная символика языческого населения Урала (61). Более того, эти исследования стали основой для изучения традиционного мировоззрения коми в целом и выделения в нем наиболее архаичных пластов. В процессе этой работы были проанализированы структура и содержание архаичных космогонических мифов, и ее итогом явилась монография «Традиционное мировоззрение народов коми. Окружающий мир. Пространство и время», изданная в г. Сыктывкаре в 1996 г. В своей исследовательской работе Н.Д. Конаков широко применял методы реконструкции древних мифологических представлений коми. В основу же последней работы положен анализ обширного фольклорного наследия народов коми и при этом использована апробированная во многих работах филологов и этнографов методика поиска «основного текста». Обосновывая использование данного метода, автор писал: «Необходимо отметить, что все имеющиеся фольклорные записи народов коми представляют собой фактический материал о рудиментах языческих представлений древних коми в мировоззрении их далеких потомков. Реконструкция «основного текста» языческого мировоззрения невозможна без поэтапной реконструкции на основании сохранившихся архаизмов, косвенных свидетельств, широких аналоговых поисков с использованием различных (фольклорных, лингвистических, этнографических, археологических) источников основных его структурообразующих единиц. Настоящая работа представляет собой лишь во многом сознательно «обуженную» попытку прочтения некоторых «текстов», подразумевая ее как один из предварительных шагов на пути реконструкции язычества древних коми, а в перспективе – уральского язычества как одного из феноменов мировой культуры» (62, с. 5).

Со второй половины 1980-х гг. вместе с О.В. Котовым и другими исследователями Н.Д. Конаковым осуществлялось изучение этнолокальных групп коми на Кольском полуострове, на Нижней Оби, в Омской области. Характер культурной эволюции этих групп существенно различается, и в результате серьезного анализа удалось выявить факторы, способствующие их стабильности. Итогом исследовательской работы стала монография «Этнолокальные группы коми. Формирование и современное этнокультурное состояние» (М., «Наука», 1991), которая была написана совместно с О.В. Котовым.

Традиционной календарной обрядности посвящена научно-популярная книга Н.Д. Конакова «От Рождества до Сочельника», опубликованная Коми книжным издательством в 1993 году. Достоинством этой небольшой работы является то, что в ней выявлена этнокультурная специфика календарных обрядов коми и связанных с ними представлений. При участии и под редакцией Н.Д. Конакова (который являлся зав. отделом этнографии с 1988 по 2001 гг.) были опубликованы этнографический справочник «Коми-Зыряне» (Сыктывкар, 1993) и изданная в следующем году Коми книжным издательством книга «Традиционная культура коми», которые являются своего рода обобщением того, что было сделано в предшествующие годы.

С начала 80-х годов коми этнографы приступили к масштабному изучению современных этнических процессов. Сформировалась группа этносоциологов в составе М.Б. Рогачева, Ю.П. Шабаева и В.Н. Денисенко. Силами этой группы в 1981–1982 гг. был проведен первый общереспубликанский массовый опрос коми населения по специальным этнографическим вопросникам, по результатам которого был опубликован препринт научного доклада (63). Позднее к этой группе присоединился О.В. Котов и уже с его участием была подготовлена программа и проведен второй опрос в 1987–1988 гг. В 80-е годы был проведен также целый ряд локальных опросов с целью выявления особенностей межнациональных контактов, этнокультурных ориентаций детей в национально-смешанных семьях, характера культурного потребления и т.д. По итогам этой работы М.Б. Рогачевым, О.В. Котовым и Ю.П. Шабаевым был подготовлен научный отчет «Современные этнические процессы в Коми АССР», который хранится в архиве Коми НЦ и значительное количество отдельных статей (64). Программа обследования 1987–1988 гг., в отличие от предыдущего проекта, предусматривала более глубокое изучение этнодемографических и этноязыковых процессов, этнического самосознания, межэтнических контактов, характера эволюции традиционной матери-

альной и духовной культуры коми, но, кроме того, предполагалось получить сравнительные данные по русскому населению республики. После выполнения проекта было решено, что целесообразно провести панельный опрос в Коми-Пермяцком автономном округе и тем самым еще более расширить рамки исследования. Программу панельного опроса разработал Ю.П. Шабаев, он же возглавил работу, которая была проведена осенью 1989 г. Это были первые серьезные этнографические исследования среди коми-пермяков за многие годы (до этого коми этнографы совершили в первой половине 60-х годов три короткие экспедиционные поездки в округ, но занимались в основном изучением прикладного искусства коми-пермяков). По результатам опроса был опубликован препринт научного доклада (65). Еще одним следствием проведенных исследований стало то, что была выявлена очевидная необходимость проведения систематических этнографических и этносоциологических исследований среди коми-пермяков. Возглавил эту работу Ю.П. Шабаев, который разработал программу этнографических и этносоциологических исследований и сформировал исследовательскую группу. Силами этой группы в 1992 г. в Коми-Пермяцком автономном округе был проведен полномасштабный опрос населения и получены весьма ценные данные, характеризующие характер культурной эволюции коми-пермяков. В 1992 и 1994 гг. в экспедиционных работах, проводившихся в округе, принял участие известный финский исследователь Сеппо Лаллукка. Несколькими годами ранее была опубликована его фундаментальная монография, посвященная современному этнодемографическому и этнокультурному развитию финно-угорских народов СССР (66). Работа основывалась на материалах переписей населения, а также на отечественных публикациях последних лет. Поскольку коми-пермяки не являлись объектом изучения в течение нескольких десятилетий, постольку в названной выше работе информация о них отсутствовала. Собственные же полевые исследования в России для западных ученых долгое время были недоступны. Только в конце 80-х ситуация изменилась в лучшую сторону, и это привело к резкому расширению международного научного сотрудничества, в том числе в области финно-угроведения. Конкретным выражением такого сотрудничества стало совместное изучение современной этнической ситуации у коми-пермяков, по итогам которого была опубликована целая серия совместных статей (67), а также была издана монография Сеппо Лаллукки «Коми-пермяки – народ пармы», вышедшая в г. Хельсинки в 1995 г. на финском языке (готовится русская версия) (68).

Труды Сеппо Лаллукки широко использованы американским исследователем Рейном Таагапера для написания своей обобщающей работы по «восточнофинским народам», в которой он рассматривает историческое, языковое, культурное развитие этих народов и характер их взаимодействия с Российским государством в прошлом и в наши дни. Но, в отличие от серьезных работ финского исследователя, американец эстонского происхождения Рейн Таагапера, который известен в США как серьезный политолог, в своих оценках крайне тенденциозен и не демонстрирует глубокого знания российской истории и современных этносоциальных и этнополитических процессов в регионах проживания финно-угорских народов, в том числе в Республике Коми и Коми-Пермяцком округе (69).

Результаты изучения современных этнических процессов у коми и коми-пермяков были обобщены в монографии О.В. Котова, М.Б. Рогачева, Ю.П. Шабаева «Современные коми» (Екатеринбург, «Наука», 1996).

Одним из наиболее интересных направлений исследований коми этнографов в последние два десятилетия является изучение народной медицины. Этими исследованиями успешно занималась И.В. Ильина. Наряду с изучением рациональных медицинских навыков, ею были оценены роль и образ самого врачевателя-знахаря, а также используемых им средств магического воздействия на пациента. Отдельно рассмотрена родильная обрядность и способы сохранения здоровья детей, как рациональные, так и иррациональные. Результаты многолетних исследований были обобщены И.В. Ильиной в книге «Народная медицина коми», опубликованной в г. Сыктывкаре в 1997 г. Книга эта является первой серьезной работой, посвященной традиционной медицинской культуре коми и во многом она идет дальше аналогичных публикаций, описывающих народную медицинскую практику у других финно-угорских народов (70). Тем не менее наличие огромного и очень интересного сравнительного материала по традиционной медицинской практике соседних народов и значительного количества публикаций на эту тему требует более основательных компаративистских исследований в данной области, но названная работа и ее аналоги, к сожалению, этим достоинством не обладают.

На рубеже 80–90-х годов в коми этнографию и фольклористику пришли молодые перспективные исследователи Д.А. Несанелис, В.Э. Шарапов, П.Ф. Лимеров, О.И. Уляшов. Их научные интересы были в значительной степени связаны с семиотикой и поэтому вместе с Н.Д. Конаковым они сформировали своеобразную коми семиотическую школу, получившую известность как в России, так и за ее пределами. Д.А. Не-

санелис, занимаясь этносемиотическим анализом детских форм досуга, показал, что многие детские игры у коми сохраняли глубокую языческую символику, отражающую былое восприятие окружающего мира. Анализу детского досуга посвящена его кандидатская диссертация и книга «Раскачаем мы ходкую качель» (Сыктывкар, 1994). Попыткой системного изучения представлений народов коми о потустороннем мире является монография П.Ф. Лимерова «Загробный мир в мифологии коми» (Сыктывкар, 1998), в которой он выясняет статус концепции загробного существования в формировании и развитии мифологических образов. О.И. Уляшовым завершено исследование цветовой символики у народов коми, чему посвящена успешно защищенная им в Институте мировой литературы в 1998 г. кандидатская диссертация (71).

Коми семиотическая школа смогла подтвердить свой авторитет в ходе реализации международного проекта «Уральская мифология», идея которого впервые была выдвинута в 1990 году. В ходе реализации этого проекта, в котором принимают участие ученые России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, должна быть издана на русском и английском языках 17-томная международная энциклопедическая серия. Первый том серии «Мифология коми» был издан московским издательством «ДИК» в 1999 году. В нем подробно описана мифологическая картина мира, характерная для традиционного мировоззрения коми, проанализировано отражение мифологического сознания в различных сферах народной жизни, подробно описаны представители мира духов, дана подборка коми-пермяцких и коми-зырянских мифологических текстов (в 2003 г. в Венгрии вышла в свет английская версия «Мифологии коми»).

В коми этнографии 90-х годов стали интенсивно развиваться не только семиотические исследования, но также весьма заметное место в научных планах заняли этнополитические изыскания. Последние в значительной мере были связаны с реализацией международных и общероссийских проектов, таких как российско-американский проект 1993 г. «Предвыборная ситуация в России» и общероссийский 1997 г. «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование». Общее руководство этим направлением исследований осуществляется Ю.П. Шабаевым. Результаты исследований нашли отражение как в отдельных статьях, так и в трехтомной работе «Штрихи этнополитического развития Республики Коми». Первый и второй тома этого труда, изданные в 1994 и 1997 годах в г. Москве, в основном содержат документы, материалы и статьи, касающиеся официальной национальной политики, проблем национальной жизни и деятельности национальных дви-

жений. Третий том представляет собой монографическое исследование Ю.П. Шабаева «Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке» (М., ЦИМО,1998), где прослеживается взаимосвязь между собственно этническим развитием и политикой, рассматривается эволюция политической доктрины коми национального движения и ее обусловленность реальной этнической ситуацией, проанализированы этнополитические воззрения населения, показан общий характер этнического развития двух народов и отмечено, что у коми-пермяков процессы этнической эрозии более глубоки, нежели у коми, хотя этническая ситуация в Коми-Пермяцком округе более благоприятна, чем в других национально-государственных образованиях финно-угорских народов России и, в частности, в Республике Коми. Процессы деэтнизации среди коми-пермяков явились важной составляющей в эволюции этнополитической ситуации в округе и способствовали тому, что население округа добровольно решило отказаться от идеи национальной автономии.

Кроме академической науки свой вклад в коми этнографию вносят и университетские исследователи. К числу таковых относятся В.А. Семенов и Н.М. Теребихин. Первый ученый основное внимание уделил изучению семейной обрядности коми, чему посвящен ряд его работ (72), а второй – исследованию строительной обрядности и семантики крестьянского двора коми (73).

Еще одним исследователем, который длительное время занимается коми этнографией, является санкт-петербургский этнограф А.И. Терюков, который успешно занимается изучением похоронно-поминальной обрядности (74).

По традиции коми этнографией занимаются и пермские исследователи. Известный пермский ученый Г.Н. Чагин в течение долгих лет осуществляет сбор полевого материала в Красновишерском районе Пермской области – среди язьвинцев. Итогом этой работы стала небольшая, но весьма интересная работа «Язьвинские пермяки», изданная в Перми в 1993 году и затем неоднократно переиздававшаяся в разных вариантах. Последней работой, касающейся язьвинских коми-пермяков, являются изданные под редакцией профессора Г.Н. Чагина материалы международной конференции, посвященной проблемам сохранения культурного наследия коми-язьвинцев (75).

Говоря об этнографическом изучении народов коми, нельзя обойти вниманием и ту колоссальную работу по сбору экспонатов, характеризующих традиционную культуру коми и коми-пермяков, работа осуществляется в течение многих десятилетий различными музеями России и ее

ближайших соседей – Эстонии и Финляндии. Безусловно, центральное место среди музейных собраний по традиционной культуре народов коми занимает собрание коллекций Российского этнографического музея (РЭМ), где хранятся многие уникальные экспонаты, фотографии и описания. Музей был создан как самостоятельный Этнографический отдел при Русском музее в 1902 году, а уже в 1906 г. он организовал первую экспедицию в Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии для сбора экспонатов по коми культуре под руководством С.И. Сергеля (76). Им были собраны коллекции, характеризующие такие сферы традиционной культуры, как земледелие, охота, рыболовство, ремесла, домашний быт, средства транспортировки, мужская и женская одежда, народная медицина. За время работы собраны многие десятки экспонатов, сделаны описания жилых и хозяйственных построек, более 200 уникальных фотографий. Все коллекции хорошо аннотированы и позволяют достаточно полно охарактеризовать хозяйство и быт коми. В последующие годы коллекции РЭМа по традиционной культуре народов коми продолжали интенсивно пополняться, чему способствовала собирательская деятельность его сотрудников, среди которых следует особо выделить М.А. Браун, осуществившую с 1959 по 1973 гг. 14 экспедиционных поездок в Республику Коми и Коми-Пермяцкий округ. О результатах собирательской деятельности музея в названных регионах можно судить по каталогу-указателю коллекций, составленному М.А. Браун (77).

В общем виде роль музеев в развитии этнографической науки в стране проанализирована в весьма содержательной монографии И.И. Шаньгиной, и автор справедливо отмечает особую значимость для отечественной этнографии коллекций РЭМа (78). Но, конечно, помимо центральных музейных собраний по этнографии народов коми, не менее значимы и коллекции, собранные в региональных музеях, особенно в Национальном музее РК.

17 октября 1911 г. земское собрание г. Усть-Сысольска выделило деньги на создание музея «Археологии и этнографии», и этот день считается днем основания Национального музея Республики Коми (НМРК). Появление музея было связано с деятельностью местного отделения Архангельского общества изучения Русского Севера. В настоящее время этнографическая коллекция НМРК насчитывает более 13 тысяч единиц хранения и является крупнейшим собранием вещественных памятников, характеризующих традиционную культуру коми-зырян. Формирование этого собрания осуществлялось на протяжении всей истории музея, и оно является заслугой нескольких поколений музейных работников и

энтузиастов. Собрание позволяет формировать полноценные экспозиции, характеризующие различные стороны культуры и быта коми, и дает полное представление об особенностях материальной культуры всех этнографических групп коми.

Коми-Пермяцкий окружной краеведческий музей им. П.И. Субботина-Пермяка был создан в 1921 г. Наиболее интенсивная собирательская деятельность здесь велась в 1940-е и 1950–1960-е гг. В последние десятилетия сборы носили лишь эпизодический характер, и больше внимания уделялось организации археологических исследований. В музейном собрании хранится очень богатая коллекция традиционной одежды и утвари коми-пермяков и уникальная коллекция набойных досок, которую передал музею в год его основания художник, чьим именем назван музей, – П.И. Субботин-Пермяк (79). В последние несколько десятилетий активную работу на территории Коми-Пермяцкого автономного округа вели сотрудники Пермского областного краеведческого музея, и поэтому в его фондах также собраны хорошие коллекции, характеризующие традиционную культуру коми-пермяцкого народа. Особенно богатыми, по сравнению с музеем в г. Кудымкаре, являются коллекции фотографий Пермского музея.

Помимо названных музеев, этнографические коллекции, характеризующие традиционную культуру коми, имеются и в некоторых других музейных собраниях. Среди них в первую очередь следует назвать Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина и Этнографический музей при Казанском университете, где хранится коллекция, собранная еще И.Н.Смирновым. Культуру и быт зауральских коми характеризуют собрания вещественных памятников сибирских музеев и, прежде всего, Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета (80).

За пределами современной России самая крупная этнографическая музейная коллекция по коми собрана в Эстонском национальном музее в г. Тарту (основан в 1909 г.). Собирательская деятельность Эстонского национального музея среди российских финно-угорских народов была самой важной стороной его деятельности с начала 1960-х до начала 1990-х годов и хотя с несколько меньшей интенсивностью продолжается до сих пор. Это позволило одному из крупнейших эстонских этнологов Антсу Вийресу заявить, что музей превратился в один из главных центров финно-угорской этнографии в мире (81).

Менее крупная и не такая полная коллекция по традиционной культуре коми собрана в Финском национальном музее в г. Хельсинки, хотя в последние годы пополнять эту коллекцию помогали эстонские коллеги

финнов. Но самые полные и самые богатые коллекции собраны в России, и именно они являются хорошей базой для последующих работ, касающихся изучения традиционной культуры народов коми.

Таким образом, этнографическое изучение народов коми имеет глубокие традиции, осуществлялось и осуществляется весьма интенсивно, а коми этнографы постоянно подтверждают свой высокий авторитет путем издания многочисленных и разноплановых работ. Сегодня для них наиболее актуальными являются несколько направлений научной работы. Одно из них связано с дальнейшим изучением этнографических групп коми. В рамках этого направления готовится диссертационная работа по ижемскому оленеводству с последующей перспективой создания на его основе монографической работы, посвященной детальному описания самой северной и весьма специфичной этнографической группы коми – коми-ижемцев, которые ныне добиваются включения их в перечень коренных малочисленных народов России (82). Требуют детального этнографического описания также группы коми, проживающие на Верхней Вычегде и в Прилузье. Весьма перспективным направлением исследований является этнография города. Здесь Республика Коми представляет несомненный интерес для исследователей, поскольку в XIX – начале XX вв. Усть-Сысольск был единственным городом на европейском севере России, где полностью доминировало нерусское население, а почти все современные города республики выросли из лагерных поселков ГУЛАГа, что, безусловно, сказалось на ментальности их населения и формировании городских традиций. Пока издана только одна работа, которая в основном посвящена описанию традиций городской жизни в Коми, – небольшая книга «Усть-Сысольск. Страницы истории» (83). На базе этой работы М.Б. Рогачевым подготовлено к изданию новое исследование, которое носит название «Столица Зырянского края» и посвящено подробному описанию городского быта. Автор предполагает продолжить работу в этом направлении, уделив основное внимание формированию городского населения и традиций городской жизни в республике в XX столетии.

В рамках изучения традиционной культуры коми ведется работа по изучению традиционной одежды и пищи и предполагается издание монографических работ, характеризующих эти сферы материальной культуры.

Безусловно, в едином «историческом поле» страны изучение культуры отдельного народа или народов не может рассматриваться без учета традиций и опыта исторических исследований, которые имели место

в соседних регионах, ибо только таким путем можно оценить общее состояние изученности интересующей нас темы. В данном случае несомненную важность для исследователей представляют историографические и источниковедческие работы архангельских и казанских исследователей (84).

Вся совокупность перечисленных выше исследований и собраний музейных коллекций дает широкие возможности для дальнейшего изучения культуры и быта народов коми и в итоге представляет собой одно из ценнейших собраний научной мысли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Мокшин Н.Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993.

2. *Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П.* Изучение национальных отношений в Коми АССР (60–70-е годы) // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Труды института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып.37 (Далее ТИЯЛИ). Сыктывкар, 1986.

3. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Т. 3. СПб., 1780; Т. 5. СПб., 1822.

4. *Sjogren A.J.* Tutijan tieni // Kasikirjoitiksesta suomentanut Aulis J.joki.Helsinki, 1955.

5. *Латкин В.Н.* Дневник во время путешествия на Печору 1840 и 1843 гг. // Записки Русского географического общества (Далее РГО). Кн. 7. Ч. 1, 11. СПб.,1853.

6. *Максимов С.В.* Год на севере. М.,1890.

7. *Круглов А.В.* Лесные люди. Очерки и впечатления. СПб.,1887.

8. *Круглов А.В.* Лесное царство // Приходская библиотека. Т.1. СПб., 1899.

9. *Истомин М.* Яг морт // Вологодские губернские ведомости (Далее ВГВ). 1848. №№ 19, 20; *Сорокин П.* Старинный обряд у зырян // ВГВ. 1848. № 30; *Кичин Е.В.* Братчина (Зырянское обыкновение) // ВГВ. 1852. № 28; *Косарев М.* Ильин день в с. Ношульском // Русский дневник. СПб., 1859. № 65; *Кокшаров П.* Из неизданных заметок о зырянском крае // ВГВ. 1859. № 51; *Аврамов В.* Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // ВГВ. 1859. №№ 28–38, 40–42, 45; *Попов И.* Очертания зырянской демонологии // ВГВ. 1859. № 6; *Заварин Н.* О суевериях и предрассудках, существовавших в Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1870. №№ 1, 4, 5.

10. Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части «Губернских ведомостей» в период 1842–1881 гг. Пермь, 1882.

11. *Попов К.* Зыряне и зырянский край // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды этнографического отдела. Кн. III. Т. XIII. Вып.1. 1874.

12. *Токарев С.А.* История русской этнографии. М., 1966.

13. *Рубцова М.А.* Этнографические материалы на страницах «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» (1909–1917) // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992.

14. К проблеме историографии фольклора Русского Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (Далее ИАОИРС). Тезисы четырнадцатой Коми республиканской молодежной конференции. Т.1. Сыктывкар, 2000.

15. *Рогов Н.А.* Иньвенская дача и хозяйственный быт населяющих ее пермяков // Журнал министерства внутренних дел (Далее ЖМВД). 1855. Т. 10. Отт. III. Кн. 2; *Рогов Н.А.* Материалы для описания быта пермяков // ЖМВД. 1858. Т. 29. Отт. VII. Кн. 4; *Рогов Н.А.* Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. Кн. 2. М., 1860.

16. *Добротворский Н.* Пермяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. Т.11. Кн. 3–4. 1883.

17. *Смирнов И.Н.* Пермяки. Историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 9. Вып. 2. 1891.

18. *Теплоухов Ф.А.* Народное празднество «Три елочки» в Богородской волости Пермского уезда // Пермский край. Т.1. Пермь, 1892; *Он же.* «Кабала» или прошение лесному царю (из пермяцких суеверий). Пермь, 1895.

19. *Малахов М.* Быкобой у пермяков в день св. Флора и Лавра // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XI. Вып.1.

20. *Кастрен А.М.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849 гг.) // Собрание старых и новых путешествий. Т. VI. Ч. 2. М., 1860.

21. *Genetz A.* Ost-Permisce sprachstudien // Journal de la Societe Finno-Ougrienne (Далее JSFOu). XV. Helsingfors, 1897.

22. *Налимов В.П.* Некоторые черты из языческого мировоззрения зырян // Этнографическое обозрение. 1903. № 2.

23. *Налимов В.П.* Зырянская легенда о Шипице // Этнографическое обозрение. 1903. №2.

24. *Он же.* "Мор" и "Икота" у зырян // Этнографическое обозрение. 1903. № 3.

25. *Он же.* Загробный мир по верованиям зырян // Этнографическое обозрение. 1907. № 1–2.

26. *Nalimov V.* Zur Frage nach den ursprunglichen Dtziehungen der Geschlechter bei den Syrjanen // JSFOu. Helsinki, 1908. Bd.25; *Он же.* К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян // Семья и социальная организация финно-угорских народов. ТИЯЛИ. Вып. 49. Сыктывкар, 1991.

27. *Holmberg U.* Wassergottenheiten der finnisch-ugrischen Volker // Suomalis-ugrieschen seran toimitasra. T. 32. Helsinki, 1913.

28. *Жаков К.Ф.* Этнологический очерк зырян // Живая старина. Вып.1. 1901.

29. *Жаков К.Ф.* Языческое миросозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. № 3.

30. *Камасинский Я.* По Иньве и Косе (у пермяков) // Живая старина. Вып. 4. 1903; *Он же.* Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. М., 1905.

31. *Рощевская Л.П.* Коми ученый К.Ф.Жаков. Сыктывкар, 2003.

32. *Сорокин П.А.* Пережитки анимизма у зырян // ИАОИРС. 1910. №№ 20, 22; *Он же.* Современные зыряне // ИАОИРС. 1911. №№ 18, 22, 23, 24; *Он же.* К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // ИАОИРС. 1911. №№ 1, 5.

33. *Сорокин П.А.* К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян // Известия Вологодского общества изучения Северного Края. Вып. IV. 1917.

34. *Сорокин Питирим.* Этнографические этюды. Сыктывкар, 1999.

35. *Wichmann Y.* Syrjanische Volksdichtung // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne (Далее MSFOu). T. XXXVIII. Helsinki, 1916.

36. *Янович В.М.* Пермяки. Этнографический очерк // Живая старина. Т. 1–2. 1903.

37. *Крупкин А.* Верования пермяков-инородцев. Архангельск, 1911.

38. *Sorokin P.A.* Long jorney. New Haven, 1965; *Сорокин П.А.* Долгий путь. Сыктывкар, 1991.

39. *Нашмов В.П.* К этнологии зырян // Коми му. 1924. № 3; *Он же.* К материалам по истории материальной культуры коми // Коми му. 1925. № 2–5.

40. Они любили край родной / Сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1993.

41. *Грен А.Н.* Материалы для палеоэтнографии зырян из финской «Калевалы» // Коми му. 1924. № 1–2; *Он же.* К вопросу о применении латинского алфавита к языкам коми и удмурт // Коми му. 1924. № 3; *Он же.* Зырянская мифология // Коми му. 1924. №№ 4–6, 7–10; 1925. № 1.

42. *Сидоров А.С.* Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян // Коми му. 1924. № 1–2; *Он же.* Пережитки культа промысловых животных у охотников коми // Коми му. 1926. № 5.

43. *Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. СПб., 1997.

44. *Доронин П.Г.* Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Усть-Вымского уезда // Коми му. 1924. № 1–2; *Чукичев Ф.П.* Отличительные черты характера коми // Записки общества изучения Коми края. Вып.1. 1928; *Он же.* Из народных преданий // Коми му. 1926. № 1–2; *Нечаев Г.* Коми-пермяки Зюздинского края // Коми му. 1929. № 10.

45. *Теплоухов А.Ф.* Пермяки и зыряне // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926.

46. *Мишарин Е.М., Сидоров А.С.* К вопросу о национальном взаимоотношении пермяков и зырян // Коми му. 1926. № 3.

47. *Fuchs D.R.* Beiträge zur Kenntnis des Volksglaubens der Syrjänen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors, 1924. B.16.

48. *Fokos-Fuchs D.R.* Volksdichtung der komi (Syrjanen).Budapest, 1951.

49. *Пальварде М.Ю.* Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. № 11–12.

50. *Куликов К.И.* Дело «СОФИН». Ижевск, 1997.

51. *Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А.* Алексей Семенович Сидоров // Люди науки. Вып. 9. Сыктывкар, 1995.

52. *Uotila T.E.* Syrjanische Texte. -B.I // MSFOu. Helsinki, 1985; *Uotila T.E.* Syrjanische Texte. B.II // MSFOu. Helsinki, 1986; *Uotila T.E.* Syrjanische Texte. B.III // MSFOu. Helsinki, 1989; *Uotila T.E.* Syrjanische Texte. B.IV// MSFOu. Helsinki, 1996.

53. *Жеребцов Л.Н.* Этнографические исследования на Европейском северо-востоке СССР // Научные доклады. Вып. 18. Сыктывкар, 1975.

54. *Коньшин А., Митюшова Н.* Объединенная Республика Коми // Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития (очерки, статьи, материалы). М., 2000.

55. *Дукарт Н.И.* Праздники и обряды весенне-летнего периода в северной деревне // Вопросы истории коми XVII – начала XX вв. ТИЯЛИ. Вып. 16. Сыктывкар, 1975; *Она же.* Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. // Традиционная культура и быт народа коми. ТИЯЛИ. Вып. 20. Сыктывкар, 1978.

56. *Романова Г.Н.* Развитие домашних производств сысольских коми в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Коми АССР. ТИЯЛИ. Вып. 16. Сыктывкар, 1975; *Она же.* Берестяные изделия коми // Этнография и фольклор коми (ТИЯЛИ. Вып. 17). Сыктывкар, 1976; *Она же.* Мебельное производство коми в конце XIX – начале XX вв. // Ежегодник этнографического музея ЭССР. Вып. XXIII. Таллинн. 1983.

57. *Белорукова Г.П.* Современные этнокультурные процессы в лесных рабочих поселках Коми АССР // Научные доклады. Вып. 8. Сыктывкар, 1973.

58. *Лыткин В.И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

59. *Плесовский Ф.В.* Космогонические мифы коми и удмуртов // Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре. ТИЯЛИ. Вып. 26. Сыктывкар, 1982.

60. *Чисталев П.И.* Традиционные и современные формы бытования коми народных музыкальных инструментов // Традиционная культура и быт народа коми. ТИЯЛИ. Вып. 20. Сыктывкар, 1978; *Он же.* Коми-удмуртские музыкально-этнографические параллели // Межнациональные связи коми фольклора и литературы. ТИЯЛИ. Вып. 21. Сыктывкар, 1979; *Он же.* Музыкальные инструменты пермских народов. Сыктывкар, 1980.

61. *Конаков Н.Д.* Календарная символика уральского язычества // Научные доклады. Вып. 243. Сыктывкар, 1990.

62. *Конаков Н.Д.* Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар, 1996.

63. *Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н.* Этнокультурные процессы у современного коми сельского населения // Научные доклады. Вып. 80. Сыктывкар, 1982.

64. *Котов О.В., Шабаев Ю.П.* Современные этнические процессы у коми // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. ТИЯЛИ. Вып. 44. Сыктывкар, 1989; *Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П.* Семья у народов Европейского Севера Коми // Семейный быт народов СССР. М., 1990; *Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П.* Состав

современной коми семьи // Семья и социальная организация финно-угорских народов. ТИЯЛИ. Вып. 49. Сыктывкар, 1991.

65. *Котов О.В., Шабаев Ю.П.* Этнокультурная ситуация у коми-пермяков // Научные доклады. Вып. 243. Сыктывкар, 1990.

66. *Lallukka Seppo.* The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends. Helsinki, 1990; *Он же.* Восточнофинские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997.

67. *Shabaev J., Lallukka S. and Derjabin V.* Between assimilation and accomodation: problems of komi-permiak identity // Studia Slavica Finlandensia. T. XI. Helsinki, 1994, S.112–121; *Шабаев Ю., Лаллукка С.* Проблема национально-культурного развития коми-пермяков // Традиционная народная культура населения Урала. Материалы международной конференции. Пермь, 1997; *Shabaev J., Lallukka S., Derjabin V.* The contemporary Komi-Permiaks: population and ethnocultural situation background // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы I-й международной научно-практической конференции. Кудымкар, 1997.

68. *Lallukka Seppo.* Komipermjakit – peramaan kansa. Syrjaytyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros. Helsinki, 1995.

69. *Rein Taagepera* The Finno-Ugric Republics and the Russian State. New York: Routledge, 1999.

70. *Никитина Л.И.* Тайны мордовского целительства. Саранск, 1995; *Четкарева Р.П.* Природа, здоровье и табу народа мари. Йошкар-Ола, 1999; *Мальцев Г.И.* Народно-медицинские знания коми-пермяков: средства растительного происхождения. Кудымкар, 2001.

71. *Уляшов О.И.* Иерархия цветовой символики в обрядовой поэзии и устной прозе коми-зырян. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1998.

72. *Семенов В.А.* Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ. Сыктывкар, 1991; *Он же.* Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера. СПб., 1992; *Он же.* Традиционная семейная обрядность коми-зырян во второй половине XIX – первой половине XX вв. (Пространство и время). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1996.

73. *Теребихин Н.М.* Строительная обрядность пермских финно-угров. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.,1981.

74. *Терюков А.И.* Погребальный обряд печорских коми // Полевые исследования Института этнографии. М.,1979; *Он же.* Представления коми-зырян о душе // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979; *Он же.* Погребальный обряд вымских и вишерских коми // Традиции и новации в народной культуре коми. ТИЯЛИ. Вып. 28.Сыктывкар, 1983.

75. Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию общественного движения коми-язьвинцев по возрождению и сохранению родного языка и культуры. Пермь, 2002.

76. *Сергель С.И.* В зырянском крае. М.–Л., 1928.

77. *Браун М.А.* Каталог-указатель коллекций музея (краткое описание коллекций отдела Поволжья и Приуралья ГМЭ народов СССР (коми-зыряне и коми-пермя-

ки).// Музей и современность / Сост. М.А. Браун, Т.А. Крюкова, С.А. Авижанская. М., 1975.

78. *Шаньгина И.И.* Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга. История и проблемы комплектования. 1867–1930 гг. СПб., 1994.

79. *Надымова Ж.А.* Формирование этнографической коллекции музея // Краеведческий музей в современных условиях. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка 21–23 ноября 2001 г. Кудымкар, 2004.

80. Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1. Томск, 1979.

81. *Viires Ants.* Etnograafia arengust Eesti NSV (1940–1990) // Muunduv rahvakultuur. Etnograafilisi uurimusi. Tallinn, 1993.

82. Республика. 2003. 18 июля.

83. *Рогачев М.Б., Цой А.И.* Усть-Сысольск: страницы истории. Сыктывкар, 1989.

84. *Куратов А.А.* Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера: Учебное пособие к спецкурсу. Архангельск, 1992; *Он же.* История и историки Архангельского Севера. Архангельск, 1999; *Бусыгин А.Н., Зорин В.А.* Этнографические исследования в Казанском университете. Казань, 2000.

Yuri Shabayev, Nikolai Konakov

THE HISTORY OF ETHNOGRAPHIC STUDY OF KOMI PEOPLE

The authors of the article note that ethnographic study of Komi people have been lasting two centuries and therefore there is a necessity of historical generalization of a large number of materials for this period. The research work gives an analysis of monographies, articles of Russian and foreign scientists, who have been published in Russian editions and abroad. The authors describes the ethnographic collections on Komi culture, represented in different museums. The ethnographic study of Komi people has deep roots and it has intensively been coming out. Ethnographers constantly confirm their high authority publishing numerous of their works on different plans. At present the city ethnography is the most prospective direction of research.

«Финно-угроведение», 2004, №2.

СООБЩЕНИЯ

Людмила Христолюбова
Ижевск

ЖЕНЩИНА И ВОЙНА
(Об участии удмуртских женщин в Великой Отечественной войне)

Говорят, что женщина и война – понятия несовместимые. При этом чаще подразумевается непосредственное участие женщин в боевых действиях. Однако война отражается на женских судьбах и без участия женщин в боях (хотя и эта участь их не миновала), так как они подвергались насилию, издевательствам неприятельских солдат и угону в плен. Война приносит бедствия всему народу. Люди вынуждены трудиться, выбиваясь из сил, увеличивая продолжительность рабочего дня и забывая об отдыхе. Происходит перераспределение материальных средств в сторону резкого увеличения военных расходов. Война ставит людей в необычные, чрезвычайные условия, полностью нарушает их привычный образ жизни. Губя мужское население, она вызывает массовую деформацию семей: появляется много вдов и незамужних женщин. Женщинам приходится преодолевать все материальные трудности, также прибавляются морально-психологические страдания за ушедших на войну мужчин (отцов, мужей, братьев) и оставшихся детей. Всё это отрицательно сказывается на состоянии их здоровья.

XX век начинался войной (русско-японская война 1904–1905 годов) и завершался войной (с Чечней). А между ними были две мировые войны.

Особой страницей в истории страны, советских, в том числе и удмуртских женщин, является Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

Патриотизм женщин был так высок, что с самого начала войны сотни тысяч девушек и молодых женщин страны, в их числе и удмуртки, обращались в партийные органы и военкоматы с просьбой отправить их на фронт. В начале 1942 г. в ЦК ВКП(б) этот вопрос был рассмотрен специально и решен положительно, а в марте ЦК ВКП(б) обратился к женщинам с призывом овладеть военными специальностями (4, с. 66). Тогда же командующий войсками ПВО генерал-лейтенант М. С. Громадин направил в Наркомат обороны докладную записку с предложениями о возможностях привлечения женщин. По его мнению, женщины могли бы заменить мужчин в приборных отделениях зенитной артиллерии, в расчетах зенитных пулеметов, в составе наблюдательных постов, в расчетах прожекторных станций, а также в качестве младшего начальствующего состава административной, хозяйственной, технической и санитарной служб частей и подразделений ПВО. По его расчетам, это высвободит 94 тысячи обученных бойцов-мужчин и позволит сформировать 12 стрелковых дивизий. Эти предложения были приняты, и уже в конце марта было объявлено о первой массовой мобилизации женщин в войска ПВО. Мобилизации подлежали комсомолки в возрасте 19–25 лет со средним (около 40 %) и с 5–7-классным образованием (4, с. 66). Судя по рассказам участниц войны, в Удмуртии брали и с начальным образованием.

Женщины и девушки служили в войсках ПВО (в 1943 г. 37 % состава ПВО были женщины), в подразделениях связи (до 80 %), военно-морском флоте, авиации, аэростатных и прожекторных частях, партизанских отрядах, разведке. Они овладели такими специальностями, как приборист, дальномерщик, оператор батарей службы оповещения и наблюдения, чертежник и т.д. (3, с. 240).

В конце 1942 г. 480 женщин и девушек-добровольцев Удмуртии были направлены в 361-й зенитно-артиллерийский полк противовоздушной обороны (ПВО). Они были сосредоточены преимущественно во 2-м дивизионе, но были и в других. Сначала полк находился на охране стратегически важных объектов Урала, в марте 1943 г. был отправлен в распоряжение Мурманского района ПВО. Он охранял Мурманский порт и Кировскую железную дорогу, а также караваны кораблей союзников, идущие в г. Мурманск, от налетов вражеской авиации, которые совершались днем и ночью. В условиях полярной ночи девушки-бойцы должны были по звуку и силуэту опознавать самолеты.

Женщины даже в военный быт вносили разнообразие. Нельзя не удивляться тому, что, несмотря на налеты вражеской авиации, в дивизионах были организованы ансамбли песни и пляски. Во 2-м дивизионе во

всех трех батареях были созданы удмуртские хоры (1, с. 62). Песня в буквальном смысле помогала выживать и в боевых условиях, и в тылу: в короткие минуты передышки после изнурительного труда удмуртские женщины запевали песню, чтобы хоть ненадолго заглушить и забыть чувство голода и тоски по родному дому.

В марте 1944 г. состоялось собрание удмуртских бойцов полка, на котором присутствовало 70 делегатов от всех подразделений. Г.С. Белослудцев на удмуртском языке прочитал доклад на тему: «Что мы защищаем на Крайнем Севере?». Было принято письмо к удмуртским девушкам, работавшим в тылу, для доставки которого в Удмуртию поехала делегация: рядовая М.К. Емельянова из Пудема, ефрейтор А.И. Жигалова из п. Кез, мл. сержант Е. Н. Кожина из д. Изюм Глазовского района и рядовой Г.С. Белослудцев. В Удмуртии они выступали по радио, в трудовых коллективах на митингах и собраниях, рассказывая о боевых делах подруг (1, с. 64). Связь бойцов с тружениками тыла, с трудовыми коллективами, откуда они ушли на фронт, поддерживала их в трудную минуту.

Хочется рассказать об удмуртских женщинах, на чью долю выпала участь стать солдатами Родины. Корепанова Мария Васильевна (1919 г.р.) из д. Искалмувыр Игринского района, окончив педучилище, учила детей в Сепожской начальной школе и одновременно была секретарем колхозной комсомольской организации. С началом войны добавились и другие обязанности: организация подписки на военный заём, сбор тёплых вещей для фронта, помощь колхозу в уборке урожая и т.д. Узнав о казни Зои Космодемьянской, Мария Васильевна добровольцем ушла на фронт. Служила зенитчиком-прибористом в том самом 361-м зенитно-артиллерийском полку, стоявшем на обороне Советского Заполярья. На Кольский полуостров их привезли после полутора месяцев общевойсковой подготовки в г. Магнитогорске. Уже по дороге к месту дислокации от бомбежки погибло несколько человек, в том числе комсорг батареи, и тогда комсоргом избрали Марию. Она несла боевую вахту до конца войны. Демобилизовалась Мария в августе 1945 года. Вернулась с медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которой были награждены все участники войны (поэтому мы не называем её в числе наград у нижеследующих участниц). После войны Мария Васильевна работала секретарем Зуринского райкома комсомола, воспитательницей в детском саду в г. Игре. Уйдя на заслуженный отдых, она еще долго вела активную жизнь: встречалась с молодежью, помогала в работе Игринскому историко-краеведческому музею (2, с. 38–39).

Землячка Марии Васильевны – колхозница из д. Порвай Корепанова Анна Кузьмовна (1922 г.р.) – попала в тот же полк. Анну назначили телефонистом-разведчиком, ей необходимо было наблюдать за небом, опознавать немецкие самолеты и определять их курс. Комбат лично учил её работать с компасом, буссолем, определять азимут, то есть тому, о чем она до того не имела понятия. В первые дни возникали трудности из-за незнания ею русского языка. Два дежурства рядом с ней сидела переводчица – удмуртка из п. Балезино со средним образованием. В молодости, особенно в военной ситуации, всё быстро усваивается. Вскоре по звукам моторов уверенно различала типы самолётов: летит ли «Пе-2» или очень похожий на него «Мессершмитт-88», «Як-3» или «Мессершмитт-110». По словам Анны Кузьмовны, были случаи, когда с КП строго спрашивали, почему не стреляем, если летит «мессер», а она утверждала, что это наш «Пе-2», и каждый раз была права. До конца войны она охраняла наше северное небо. Домой Анна вернулась со значком «Отличник ПВО», награждена медалями «За оборону Советского Заполярья».

После войны Анна Кузьмовна некоторое время работала в школе физруком, потом – в колхозе, леспромхозе, в строительной организации ПМК-9, где получила звание «Ударник коммунистического труда» (2; 8). В том же 361-м полку воевали Поздеева Раиса, Роготнева Нина и другие. Например, Тамара Тепляшина из Дебесского района была прибористкой, определяла высоту полета самолетов. Когда её научили работать с прибором, подумала: «Неужели такую лёгкую работу выполняли мужчины?». Рядом с ней были девушки-удмуртки: третьим номером в расчете – Максимова Любовь из д. Адам Глазовского района, шестым – Анна Бочкарева из д. Кушья, а также Василиса Шихова и Анфиса Корепанова из д. Зура Игринского района, Зинаида Кузнецова из д. Бураново Малопургинского района. К примеру, наводчик батареи Чиркова Антонина Кирилловна, которая, узнав о гибели мужа, попросилась на фронт, была надежным другом и примером для молодых девушек. После освобождения Заполярья Т. И. Тепляшина служила в береговой обороне Тихоокеанского флота, воевала и против японских интервентов. Она награждена медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Японией» (11).

В марте 1944 г. заместитель командира 361-го полка по политчасти в донесении сообщал, что «все девушки хорошо овладели своей специальностью и работали на вверенных приборах и орудиях безукоризненно. Значительная часть девушек стала мастерами своего дела», они могли работать за любой номер, обеспечивая полную взаимозаменяемость.

Орудийщица ефрейтор Емельянова могла заменить командира орудия, а орудийщицы Тугбаева, Исакова освоили работу всех номеров и хорошо знали материальную часть (3, с. 242).

Ившина Вера Павловна (1922 г.р.) из д. Киршонки Карсовайского района после семи классов школы начала работать в колхозе. В 1941 г. была назначена бригадиром. В 1942 г. добровольцем ушла на фронт, прошла боевой путь от г. Мурманска до Венгрии. В 1945 г, вернулась домой, в родном колхозе заведовала животноводческой фермой. Избиралась депутатом Верховного Совета УАССР (13).

В 1942 г., лишь два месяца после окончания педучилища поработав в школе, отправилась на фронт Валентина Еремеевна Аронова. Стала связисткой в зенитном полку. На лыжах и ползком пробиралась во время боя восстанавливать обрывы телефонного провода. В 19 лет она стала младшим сержантом и командиром отделения. Вернувшись с войны, Валентина Аронова до пенсии работала техническим редактором в редакции газеты «Советская Удмуртия» (7).

Баженова Елизавета Антоновна из д. Тяпыково Глазовского района служила телеграфистом в 23-м отдельном экспедиционном железнодорожном полку. Призванная сразу после окончания 10-го класса, была горда тем, что ей выпала честь защищать Родину. Её фронтовые дороги пролегли по Румынии, Венгрии, Австрии. В памяти надолго сохранились незабываемые картины разрушенных городов, опустошенных сел, голодающие люди и беспризорные дети, лишенные родителей и детства. О Дне Победы узнала в Вене, демобилизовалась в июле 1945 года (9, с. 16).

Малых Александра Александровна (1919 г.р.) родилась и выросла в д. Бисьмен Игринского района. Перед началом войны работала в Якшур-Бодьинском райпо. В армию призвали в декабре 1942 года. Служила в летной части на обороне г. Москвы. По ночам девушки поднимали в небо аэростаты, утром их убирали. Жили в землянках, по боевой тревоге поднимались, стояли на постах. Самое трудное было то, что самим приходилось доставлять из столицы водород для аэростатов, пешком шли около 40 км с грузом (резиновые баллоны с газом назывались «газгольдеры»). Вернулась домой в июле 1945 г. с медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2, с. 74).

Толстикова Мария Кузьминична (1923 г.р.) из д. Юдчино Ярского района после 7-го класса школы начала работать в колхозе разнорабочей. Пришлось трудиться и на строительстве железной дороги Ува-Кильмезь. Была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1941). Летом 1943 г. мобилизована в ар-

мию. Прибыв в г. Дрогобыч на 1-й Украинский фронт, получила назначение вторым номером в орудийном расчете, в зенитно-артиллерийском полку. «Иногда посылали с пакетом к командованию, доставляла, как положено, хотя приходилось ходить и по минному полю», – вспоминает она. Войну закончила на 4-м Украинском фронте, в Польше. Вернувшись осенью 1945 г. домой, работала в колхозе и рядовой, и бригадиром. С 1951 г. живет в г. Ижевске. Работала портнихой в ателье по пошиву одежды (8).

Женщины составляли от 50 до 80 % личного состава бойцов, служивших на военно-автомобильных дорогах. На женщин возлагались обязанности по строительству, восстановлению и содержанию дорог, мостов, сооружений переправ, их охране, регулированию движения транспорта, осуществлению контроля на дорогах. Особо ответственной была работа регулировщиц движения и контролеров на контрольно-пропускных пунктах.

Мазенкина Валентина Викторовна из д. Сарсак-Омга Агрызского района Татарской республики была мобилизована в 1941 году. Сначала рыла окопы в Чувашии у ст. Канаш. Только вернулась оттуда, снова пришла повестка из военкомата. Оказалась в дорожном отряде, снова землекопом. На спине – винтовка, в руках – лопата, кирка, топор или пила. Валила лес, прокладывала дороги, строила мосты.

Сотни тысяч женщин были бойцами военно-медицинской службы. Женские руки санитарок, врачей, медсестер спасали жизни солдат на поле боя, в операционных и госпитальных палатах. С первых дней войны армии потребовалось большое количество медицинских работников: раненых становилось все больше. Пришлось срочно готовить медсестер и врачей. Из-за начавшейся войны последний курс обучения в Ижевском мединституте был сокращен: выпуск вместо июня 1942 г. состоялся в декабре 1941 г., а уже в январе большинство врачей служили в полевых передвижных или эвакогоспиталях. В числе выпускниц ускоренного курса была и Тронина Мария Иосифовна (1918–1996), уроженка д. Селигурт Игринского района Удмуртской АССР. В январе 1942 года, как и другие однокурсники, она была призвана в армию. Служила начальником полевой санитарной летучки, врачом в госпитале, часто приходилось трудиться без сна и отдыха (2, с. 68).

Никитина Лидия Николаевна на фронт была мобилизована в 1942 г. с четвертого курса мединститута. Оказалась на передовой в санитарной части, в стрелковых войсках, сначала младшим, потом старшим врачом. Была контужена. Войну закончила в Чехословакии, в армии Конева. Де-

мобилизована в мае 1946 г. в звании старшего лейтенанта медицинской службы. В 1944 г. получила орден Красной Звезды и благодарность за подписью И. Сталина «За участие в боях за освобождение г. Тарту», награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны II степени (1985), медалью Жукова (1995). В апреле 2000 г. получила приказ за подписью В.В. Путина о присвоении ей звания капитана медицинской службы. После войны работала лор-врачом в Воткинской Центральной районной больнице и в медсанчасти Воткинского машзавода. И мирный труд Лидии Николаевны не остался незамеченным. В 1965 году ей было присвоено звание «Ударник коммунистического труда», в 1973 и 1977 гг. она отмечалась нагрудными знаками «Победитель социалистического соревнования», в 1986 г. – значком активиста Советского фонда мира. Следствием контузии стало заметное понижение слуха (8).

Чернышева Евдокия Ивановна (1919 г.р.) из д. Туташево бывшего Пычасского района. Окончив 7 классов в д. Б. Кибье, поступила на медрабфак в г. Ижевске, затем в мединститут (1938–1942). Вскоре после окончания института была мобилизована и направлена в г. Москву в Полевой армейский госпиталь при больнице им. Боткина, где формировался Полевой передвижной госпиталь для легкораненых (п/п 26086). Евдокия Ивановна была назначена ординатором хирургического отделения. В мае 1943 г. отправилась на Западный фронт, в 21-ю Армию, находившуюся тогда в Смоленской области. Первый прием раненых состоялся в родной деревне М. Исаковского. Вслед за продвижением фронта ночью на лошадях, на машинах передвигался и госпиталь. Вдоль дорог встречалось много мертвых лошадей. Попадали и под бомбежки. «До сих пор в ушах гул немецких самолетов, который мы довольно скоро начали отличать от гула наших самолетов», – рассказывает Е.И. Чернышева. На фронте она вступила в партию. В июне 1944 г. первая из врачей госпиталя была награждена орденом Красной Звезды. Это было уже на Ленинградском фронте. На территорию Германии она вступила в составе 1-го Украинского фронта. В конце войны у нее сильно заболели ноги, поэтому отстала от своего госпиталя, её отправили в Польшу в г. Ченстохов для лечения. Оттуда 20 мая 1945 года демобилизовалась. После войны Е.И. Чернышева 35 лет прожила в Казахстане, работая в участковой больнице, которая обслуживала 13 колхозов. За мирный труд награждена орденом Октябрьской революции, ей присвоено звание «Отличник здравоохранения СССР». После смерти мужа переехала в Удмуртию (8).

Известны имена и других женщин-военврачей: А.Г. Векшиной, К.М. Мирошкиной, сестер Ксении, Христины и Любови Широбоковых из Якшур-Бодьинского района, З.А. Захаровой, А.Н. Луковниковой, С.Я. Световидовой (15). Имен многих мы до сих пор не знаем.

Немало удмурток было в числе средних медработников и обслуживающего персонала госпиталей. Медсестры Воронцова Вера Романовна (1922 г.р.), Березина Мария Игнатьевна и Перевозчикова Антонида Николаевна – уроженки Шарканского района, с июля 1941 по 1947 гг. службу проходили в г. Чите в госпитале для тяжелораненых. В 1945 г. поступило много японских военнопленных. Лечили и их (10, с. 12, 13; 8).

Медсестра Морякова Мария Ильинична (1924 г.р.) службу начинала в 1942 г. в госпитале на ст. Кез, в 1943 г. была направлена в распоряжение 2-го Украинского фронта, в эвакогоспиталь 3778, с которым прошла до конца войны. Боевое крещение приняла под г. Харьков. Новый 1945 год встречала в Румынии, День Победы – в Братиславе. Медсестра Чазова Нина Николаевна (1924 г.р.) из д. Бадярово Шарканского района призвана в армию в августе 1943 года. Служила в эвакогоспитале в г. Борисов в Белоруссии. Не хватало перевязочного материала, сами стирали бинты, бельё раненых, дневалили. Летом 1944 г. в Польше госпиталь попал под бомбежку и Нина получила ожоги рук и ног. В ночь на 9 мая 1945 года она дежурила. Рано утром увидела в окно ослепительный свет от ракет и прожекторов. Позже замполит сообщил о победе. Но для неё война продолжалась до октября 1945 года: лечила детей, освобожденных из концлагеря, истощенных настолько, что сами они не могли есть, потому что немцы у них брали донорскую кровь (14, с. 49–50).

Дуся Колесникова (1925 г.р.) летом 1940 и 1941 гг. работала на строительстве железной дороги Ува-Кильмезь, осенью 1941 г. – секретарем в районном суде и одновременно переводчицей, так как председателем суда был эвакуированный судья, не понимавший по-удмуртски ни слова. В 1943 г. Евдокия Колесникова и еще несколько девушек из района были мобилизованы и направлены в эвакогоспиталь – в Уву. Дуся оказалась в эвакогоспитале № 2646, в котором и служила до сентября 1945 года. Она была и санитаркой, и помощником операционной сестры. 1 марта 1944 г. ее направили к месту расположения 3-го Белорусского фронта – в Гомельскую область. По её словам, два месяца добирались до г. Брянска, часто останавливаясь из-за бомбежек. Не доехав еще до передовой, даже не видя, по гулу моторов научились различать советские и немецкие самолеты. Прибыли на станцию Уваровичи в Гомельской области. В связи со вспышкой в местечке тифа, сначала лечили тифозных. Немецкие са-

молеты бомбили г. Гомель, п. Уваровичи, почти ежедневно на поселок падали бомбы. С началом общего наступления 3-го Белорусского фронта госпиталь передислоцировали в г. Ново-Белицу и разместили в бывшей военной казарме, стоявшей возле дороги Москва-Варшава. Из окон госпиталя было хорошо видно движение на дороге. Помещение 4-этажное, без лифта. Принимали раненых с санитарных поездов (чаще ночью), на носилках поднимали на все этажи. Ведрами носили воду и пищу, выносили отходы и помои. Раненых было очень много, многие от тяжелых ран умирали. Лето 1944 г. было очень жарким. Даже смотреть на то, как идут солдаты с закрутками шинели, с винтовками или реже с автоматами, а кто и с пулеметами на плечах, покрытые толстым слоем пыли, было больно. До сентября 1945 г. стояли в г. Ново-Белице. Вернувшись, вышла замуж за земляка-ветфельдшера А.С. Мадьярова, потерявшего на войне правую руку. Евдокия Матвеевна живет с мужем в г. Ижевске, она – активистка Музея участников войны, медицинских работников в школе № 7 г. Ижевска, член городского Клуба боевых подруг (8).

Санитаркой в медсанбате служила Блинова (ныне Ионина) Александра Васильевна из Селтинского района. Окончив 4 класса, работала в колхозе. Когда началась война и мужчины ушли на фронт, её назначили одновременно кладовщиком и заведующей фермой, не освободив и от лесных работ. С понедельника до пятницы работала на лесозаготовках, в субботу и воскресенье – кладовщицей и заведующей фермой. Повестку Александре привезли в лес. На подмосковной ст. Очаково она была зачислена в состав 1-го отдельного женского добровольного санитарного батальона. Вскоре заболела и оказалась в госпитале. Оттуда попросилась на передовую и была направлена в медсанбат 250-го гвардейского стрелкового полка 83-го гвардейского корпуса. До конца войны прошла с этим полком. В медсанбате принимала и обрабатывала раненых, приходилось спасать их с поля боя. Один раз попали в окружение. «Однажды стояла и гладила лошадь, и вдруг она, застреленная, упала. Лошадь убита, а я осталась. Очень много было раненых, когда находились в брянских лесах. Многих тогда похоронили. Однажды вырыли огромную траншею, положили туда человек 50 и похоронили в одной могиле. Надо было со всех убитых снять медальоны и отправить родным», – вспоминает Александра Васильевна. Во время одного боя Александра получила осколочное ранение в голову, но продолжала оказывать помощь раненым. Взять справку о ранении даже мысли не было. Войну она закончила в г. Кенигсберге. Демобилизовалась из армии 15 июля 1945 г. Её ратный труд отмечен медалями «За боевые заслуги» (1.09.1944), двумя

благодарностями Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина: «За участие в боях при прорыве долговременной глубокоэшелонированной обороны немцев в Восточной Пруссии» (23.10.1944 г.) и за г. Кенигсберг (9.03.1945 г.). За бои под г. Кенигсбергом была представлена к медали, о чем ей выдали тогда справку, но награда до неё не дошла. После войны Александра Васильевна работала бригадиром в колхозе, на льнозаводе. С 1950 г. – в системе общепита сначала в г. Сарапуле, с 1960 г. – в г. Ижевске. И где бы она ни работала, везде была на первом месте. Отмечена многими почетными грамотами, в том числе Министерства торговли РСФСР. В 1963 г. ей было присвоено звание «Ударник коммунистического труда» (8).

Шалаева Екатерина, окончив в 1941 г. 9-й класс школы, начала работать в сельсовете, вечерами училась на курсах по подготовке снайперов. В феврале 1943 г. её призвали на фронт. Перед выходом из дома мать положила ей в котомку кусок хлеба и луковицу, сказав при этом: «Если сумеешь сохранить этот хлеб и лук, то останешься живой и вернешься домой». Катя до конца войны сохранила материнский талисман и вернулась с ним домой. Отправили её в подмосковный г. Серпухов, где был сформирован отдельный женский стрелковый полк. Изучали устройство винтовки, прошли строевую подготовку. Был у неё инцидент из-за родного языка. Однажды Катю вызвал командир и сказал, что он получил письмо, в котором её родные спрашивали, жива ли Катя, и спросил, почему она им не пишет. Она ответила, что пишет и не знает, почему они не получают письма. Тогда командир велел при нем написать письмо. Когда она написала, он хотел прочитать, но не сумел. На его вопрос, что это значит, объяснила, что написала на удмуртском языке. В дальнейшем подобных замечаний не было. После окончания строевой подготовки была направлена в г. Горький в 25-й отдельный радиодивизион особого назначения. Здесь в радиошколе осваивала азбуку Морзе, потом была отправлена на 1-й Белорусский фронт в 130-й радиодивизион особого назначения, где служила до конца войны радиоперехватчиком. География её фронтовых дорог: г. Брянск, Орловская область, г. Житомир, г. Варшава, р. Висла, р. Одер. Вся аппаратура была американская.

Женщинам на войне никаких поблажек не было, воевали наравне с мужчинами, порой не спали несколько суток. Был случай, когда она заснула на посту и не заметила подхода проверяющего, очнулась, когда он уже отходил. За это отсидела трое суток в карцере. Приходилось зимой спать и в машине, ничем не укрывшись. С едой тоже было плохо. Наедались, когда получали наряд в столовую. В бане ни разу не мылись, устраи-

вали на полянке подобие палатки и там обливались водой. Только дважды Новый год отмечала на войне. Однажды 1 апреля над ней подшутили, сказав, что её вызывает командир. Она поняла, что её разыграли.

Случалось, самолет противника пролетал над головой так близко, что можно было из автомата выстрелить. Бомбы падали так близко, казалось, что сейчас накроет. Реки переплывали на плотах, лодках, приходилось перебираться и вплавь. В День Победы Екатерина Дмитриевна спала после ночного дежурства, её разбудили и сообщили, что война закончилась. Все встали, схватили винтовки и стали стрелять в воздух. После Победы стали лучше кормить, разрешили сменить брюки на юбку. До ноября 1945 г. она оставалась в г. Берлине. Им показывали достопримечательности города. Однажды повезли к рейхстагу, она штыком начертала на стене первую букву своей фамилии. Ей довелось посидеть на той скамье, на которой сидели правители СССР, США и Великобритании на Потсдамской конференции. Она видела американских солдат в белых перчатках и носках, черных ботинках.

Младший сержант Е.Д. Шалаева награждена медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» (1949), позднее, как и все участники войны – орденом Отечественной войны II степени (1985), медалью Жукова (1994), юбилейными медалями. Имеет благодарности от Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Сталина от 2 мая 1945 г. № 359 «за овладение столицей Германии г. Берлином всему личному составу соединения, принимавшему участие в боях, объявлена благодарность» и вручена в письменном виде персонально каждому. Екатерина Дмитриевна хранит её, как и медали. Перед демобилизацией она получила благодарность «За честную службу на благо нашей Родины», подписанную 21 октября 1945 г. Главнокомандующим Группой Советских оккупационных войск в Германии Маршалом Советского Союза Г. Жуковым и членом Военного Совета Группы Советских оккупационных войск в Германии генералом-лейтенантом Телегиным.

Вернувшись домой, Е.Д. Шалаева работала в сельсовете, вышла замуж. Мужа, дипломированного прокурора, переводили из одного района в другой, пока Екатерина Дмитриевна не сказала, что больше никуда не переедет. В год 30-летия Победы над Германией она получила письмо с приглашением на встречу с фронтовыми друзьями в г. Москву. Ездили вместе с мужем. Потом еще ездили отмечать и 40, и 50 лет Победы, которые организовывал бывший командир В.А. Воронков (8; 12).

Среди удмуртских женщин есть и такие, которым пришлось участвовать в войне с Японией. Одна из них – Караваева Тамара Афана-

сьевна (1918 г.р.), медсестра полкового госпиталя, участница обороны г. Москвы. Среди её наград медали «За победу над Германией», «За победу над Японией» (8).

Фролова Мария Георгиевна (1924 г.р.) в 1941 г., окончив педучилище, начала работать в школе, но работать не довелось: мобилизовали в армию. После военного училища связи в г. Орджоникидзе в 1942 г. отправили на фронт. Во время боя искала и восстанавливала прерванную связь. Зимой руки прилипали к металлическим предметам. В их батальоне связи были девушки 17–19 лет, но никто не жаловался, делали своё дело. В трудную минуту, бывало, кто-нибудь крикнет: «Помирать – так с песней!» – и запевали. Мария воевала на Северном Кавказе, Кубани, в Азове, Ростове, Донбассе, дошла до Днепра. Страшные картины представились взору, когда шли по освобожденной от немцев территории: разрушенные города, дома, заводы, дороги, на деревьях висели трупы повешенных людей. Она участвовала в Корсунь-Шевченковских боях, в освобождении Румынии и Бухареста, Будапешта, Трансильвании, Праги. День Победы 9 Мая 1945 г. остался в памяти как самый счастливый день в жизни. Но их армию отправили на войну с Японией. С огромными трудностями перешли Большой Хинган, дошли до Порт-Артура. Домой вернулась лишь осенью 1945 года (6).

Фронтовые дороги учительницы Ивановой Риммы Васильевны тоже закончились в Европе. Она еще в июне 1941 г. подавала заявление с просьбой отправить её на фронт, но тогда ей отказали. «Однажды летним вечером 1942 года, – пишет она, – принесли повестку из военкомата. В полночь была у военкома, который сказал, что приняли во внимание её заявление, что к утру надо явиться с вещами. Утром собравшихся 10 девушек постригли под «мальчишку», сводили в баню и отправили в г. Глазов, оттуда на сборный пункт на станции Яр, куда собрались 83 девушки из северных районов республики». Провели организационное собрание, выбрали командира – Ткаченко Лиду из г. Глазов и комиссара – Римму Иванову. Отсюда 19 июля 1942 г. начинался её военный маршрут. Прибыли в г. Осташков в штаб 53-й Армии Северо-Западного фронта. Здесь, на озере Селигер, получила первое боевое крещение – ночью под бомбежкой спасали раненых с парохода. По распределению Армейского медицинского управления Римма была направлена в полевой передвижной госпиталь № 2202 санитаркой-регистратором в сортировочное отделение. Тяжело было видеть каждый день окровавленных, беспомощных раненых. Принимали солдат с машин, повозок, заносили в палату, поили, кормили, уносили в баню, помогали банщице, оттуда од-

них увозили в операционную, других – в перевязочную или другую палату. «До сих пор вижу боль и надежду в их глазах, – пишет Римма Васильевна в своих воспоминаниях. – Как хотелось облегчить им боль, спасти их, но и в госпитале бойцы умирали. Почти каждый раз плакала по умершему». Врачи, сестры, санитарки работали, забыв про сон, еду и отдых, не отходили от операционных столов, от постелей раненых, но никто не жаловался на усталость.

Осенью, узнав, что госпиталь остается в лесу, сами построили землянки. В марте 1943 г. из леса вышли в деревню, где было всего два уцелевших дома. Палаток не хватало, сортировочное отделение было под открытым небом, раненые лежали всюду на земле. Когда шли бои за г. Орел и г. Белгород, операции делали непрерывно, врачи, сестры, санитарки не спали по несколько суток. Раненых за пять–шесть суток приняли много. После г. Белгорода, г. Харькова был госпиталь в г. Люботино. Здесь принимали и раненых немцев. Бои за Днепр, дальше – г. Кременчуг, г. Кировоград, Днестр, Молдавия, Румыния, Чехословакия. «Тяжелая работа, трудные дороги. Непонятно, откуда силы брались. Очевидно, горе, боль, тревога за Родину переплелись с ненавистью к врагу, стремлением выстоять, выжить, победить», – продолжает Римма Васильевна. Небольшая передышка была после г. Белгорода, второй раз – в Молдавии. День Победы встретили в Чехословакии под г. Брно, а потом еще принимали раненых в районе г. Праги.

Службу завершила в Монголии, в войсках Забайкальского фронта, куда была переброшена 53-я Армия. 9 августа начались бои против Японии. В сентябре госпиталь, преодолев хребет Большого Хингана, прибыл в китайский г. Кайлу, оттуда – в г. Тяоянь. Здесь было больше больных, чем раненых. Домой Римма попала лишь в конце декабря 1945 года. Свой вклад в Победу Римма Васильевна оценивает словами Б. Окуджавы: «Хотя не совершил ничего героического, и, наверное, был неважным солдатом рядом с другими замечательными воинами, все-таки живет во мне уверенность, что без меня Победа досталась бы труднее. Труднее на одного рядового» (9, 43–52). Многие выпускники филологического факультета Удмуртского пединститута помнят преподавателя Римму Васильевну Иванову, добросердечную, скромную женщину.

Женщины, пережившие бомбежки, видевшие смерть на поле боя, помнят войну до сих пор. 60 лет прошло, а до сих пор помнят они гул фашистских самолетов. Все 60 лет живут с этим.

Как написано в Книге памяти Удмуртии, республика проводила на войну 9462 женщины, которые воевали на всех фронтах, из них верну-

лись домой 3914 человек. 5548 девушек и молодых женщин навсегда остались на полях сражений (5, с. 10, 14). Война поломала судьбы миллионов женщин. Вспоминая те дни, они просят судьбу об одном – чтобы внуки и правнуки были избавлены от того, что довелось испытать им, ведь женщины рожают детей для мирной, созидательной жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Баринова В.* За Советское Заполярье // Трудящиеся Удмуртии на фронтах Великой Отечественной войны. Ижевск, 1984.

2. Дорогами Великой Победы. Вып. 1. Игра, 2000.

3. *Зубарев С.П.* В боях за Родину. О ратных подвигах сыновей и дочерей Удмуртии. Ижевск, 1990.

4. *Кирсанов Н.А., Черемисов В.Ф.* Женщины в войсках противовоздушной обороны в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1975. № 3.

5. Книга памяти. Т. 1. Ижевск, 1993.

6. *Образцова Н.* Кулоно ке – кырзаса (Помирать – так с песней) // Удмурт дунне. 2004. 7 мая.

7. *Панфилова Е.* Тылжуэн чушкам яратон // Удмурт дунне. 1999. 9 декабря.

8. ПМА (Полевые материалы автора).

9. Сборник воспоминаний ветеранов войны и труда. Часть I: Они сражались за Родину. Устинов, 1986.

10. 70 лет Шарканской больнице. Шаркан, 2000.

11. *Тепляшина Т.И.* Улонам тужгес секытэз но шумпотымонэз (Самое трудное и радостное в жизни) // Удмурт дунне. 2004. 6 октября.

12. *Тронина В.* Её буква «Ш» осталась на стенах рейхстага // Маяк. 1995. 28 февраля.

13. Удмуртская правда. 1951. 20 января.

14. *Фертиков П.* Феодора Пушина и её земляки-медики на войне. Ижевск, 2001.

15. *Христолюбова Л.С.* Удмуртские женщины. XX век. Биографический справочник. Ижевск, 2002.

Lyudmila Khristolubova

A WOMAN AND THE WAR
(About the participation of Udmurt women in the Great Patriotic War)

Udmurt Republic sent to the war 9462 women, who fought in the different troops. Only 3914 women returned home, the rest of them died.

The article deals with the reminiscences of those women who took part in the war: the author tries to show their feelings, their understanding and perception of the war, their wish to make easier the suffering of the other people and their for life memory about the war.

«Финно-угроведение», 2004, №2.

Анна-Леена Сиикала
Хельсинки

ИССЛЕДОВАНИЕ ФИННО-УГОРСКИХ МИФОЛОГИЙ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Мифы отражают ключевые проблемы бытия человека, и поэтому их исследование считалось важным как в процессе формирования общей истории европейской культуры, так и в оформлении культурной идентичности малочисленных народов. Общие для уральских народов мифологические темы и их распространенность известны довольно хорошо. В собирании, публикации и изучении мифов принимали и принимают участие в основном российские, финские, венгерские и эстонские исследователи уральских культур. Исследование мифологий финно-угорских народов имеет хорошую источниковедческую базу, которую следует использовать более многосторонне, особенно с учётом того, что эта исследовательская традиция стала по-новому актуальной. Объединяющим фактором для изучения финно-угорских и, в более широком смысле, уральских народов является их языковое родство. Нельзя забывать, что своей историей, экологической средой обитания, экономической жизнью и культурами эти народы подчас довольно сильно отличаются друг от друга. Однако, финно-угорские мифологии содержат определённые признаки, которые отсылают к древним культурным взаимосвязям на территории северной Евразии (1). Данные взаимосвязи имеются также с традициями других народов, особенно с традициями этносов индоевропейской языковой группы.

Что подразумевается под мифом? Мифы поэтичны, но это не просто поэзия. Мифология повествует об истоках миропорядка и силах, его создавших. Однако, она не содержит целостной религиозной философии или нормативной системы догм. Отражая ключевые проблемы бытия, мифы всё же не предлагают объяснений и также не нуждаются в них. Подобно поэзии, они открыты для всевозможных интерпретаций.

Метод, использовавшийся фольклористами в понимании характера мифа и идентификации мифов финно-угорской традиции, основывался

на теориях немецких романтиков и исследователей-эволюционистов XIX в., а также на известных теориях XX в. Классические теории мифа представляют собой пять основных направлений: 1) рассмотрение мифа в качестве объяснения миропорядка и проявления картины мира (эволюционисты XIX в., в том числе Д. Фрэзер и Э.В. Тейлор); 2) точки зрения, акцентирующие мифопоэтичность архаичного мышления (М.Мюллер, Э.Кассирер); 3) психолого-аналитические истолкования мифа (С.Г. Юнг, З.Фрейд); 4) теории, подчеркивающие связь мифа с социумом, как, например, в функционализме, где миф понимается в качестве текста обряда (Э.Дюркгейм и Б.Малиновский); 5) структуралистские толкования мифа (К.Леви-Строс). Наряду с тем, что классические теории мифа могут противоречить друг другу и выглядеть даже взаимоисключающими точками зрения, для них также характерны частичное совпадение и взаимная дополняемость (2, с. 337–353; 3, с. 46). Иначе говоря, мифы имеют множество смысловых измерений, и их можно рассматривать с различных точек зрения, релевантность которых зависит от предмета изучения и конкретного материала.

В настоящее время научные точки зрения на миф отличаются большим разнообразием. Помимо подходов, развитых на основе вышеуказанных основных теорий, немалую роль играют также когнитивная теория и жанровая точка зрения. Каким образом мифы отражают исторические и культурные процессы и изменения в той или иной среде обитания? Что мифы говорят о языковых и культурных контактах? Что они говорят об архаичных моделях мышления и о применении этих моделей в процессе переосмысления культурной информации в новых общественных контекстах? В данном докладе я предлагаю три различных, но дополняющих друг друга методических подхода, которые можно применять в качестве основы для различных теоретических истолкований. Это, во-первых, сравнительный анализ, во-вторых, исследование корпусов мифов малочисленных сообществ и, в-третьих, аналитическое или текстуальное исследование мифов.

Голоса прошлого: о возможностях сравнительного исследования. Кодифицируя структуры картины мира, мифы несут в себе модели архаического мышления. Структуры культурного сознания, лежащие в основе картины мира и ценностей сообщества, предназначены для разрешения противоречий, и именно в этом качестве они являются более существенными и консервативными по сравнению с поверхностными явлениями культуры. Таким образом, мифология, говоря словами Ф. Броделя, принадлежит к медленно преобразующимся ментальным репре-

зентациям, которые упорно сохраняются также в новых условиях и несут в себе черты более ранних этапов культуры. Вместе с обновлением культуры прежние традиционные темы обретают новые исторические формы, но трактуются они в контексте актуальных представлений о действительности (4, с. 279). Для мифа, как традиции, передаваемой из поколения в поколение, с одной стороны, присуща консервативность базовых структур и даже ряда основных элементов, мотивов и представлений и, с другой, постоянное обновление интерпретаций этих структур и элементов.

Согласно сторонникам сравнительных исследований культуры, мифические темы, переплетенные с мифическими рунами и рассказами финно-угорских народов, и темы, изображающие происхождение культурных явлений и структуры мира, принадлежат к универсалиям традиционного мировосприятия. Подтверждение этому можно наблюдать в культурах индоевропейских народов, а также в более далеких культурных ареалах Азии и Америки. Подобные точки соприкосновения говорят о духовной атмосфере дохристианских культур, что является для исследователей интересной, но труднодоступной темой. Мифология, включая в себя сюжеты повествования, мифические представления, метафоры, символы и знаковые понятия, выступает в качестве своего рода языка другого уровня, имеющего в своей основе собственно язык. Посредством сравнительного исследования мифологических тем, представлений и лексики мифов можно обнаружить одинаковые и по-разному выраженные наслоения традиции, которые выявляются при лингвистическом анализе самобытной и заимствованной лексики.

Как известно, культурные контакты и доминирующие религии изменяют мифологическую традицию, дезактуализируя старое и привнося новое. Мифологическую традицию следует рассматривать как диалектический процесс, когда при изменении традиции и межкультурных контактах прежние представления сменяются новыми. Древние модели мышления со своей стороны предлагают когнитивные рамки, в которые можно включать новые элементы. Таким образом, усвоение нового происходит на условиях существующего культурного сознания. Одним из наиболее примечательных признаков мифологии является сосуществование многих идей и представлений, которые противоречивы с точки зрения их происхождения, но, в то же время, убедительны и взаимозаменяемы.

Корпус мифов малочисленного сообщества

Проблематичность сравнительного изучения мифов была в том, что мифологические темы рассматривались в отрыве от культуры и общес-

твенных контекстов. Мы можем рассматривать мифы в качестве живой культуры малочисленных сообществ, в качестве целых корпусов устной традиции. Анализируя карельские руны (д. Мекриярви), я пришла к выводу, что характер материала выясняется только при рассмотрении рун о Вяйнямёйнене как мифологической совокупности, а не как бессвязного повествования (5, с. 114–128). Э. Лич также отмечал следующее: рассмотрение мифов малочисленного сообщества в качестве единого корпуса текстов предполагает то, что понимание частей корпуса требует понимания всей целостности текстов. Несмотря на то, что в повествовании мифологические темы следуют одна за другой, они содержат независимые от хода событий, перекрещивающиеся ссылки, они отсылают друг к другу (6, с. 5; 7). Миф следует читать не только «вертикально», в оси парадигматического (метафорического) выбора, но также и «горизонтально», в оси синтагматической (метонимической) комбинации (8, с. 343–369; 9, с. 244).

Мифический дискурс

При изучении мифических рассказов в качестве дискурса его значения можно анализировать на всех уровнях устной речи и текста. Например, калевальскую поэзию возможно рассматривать как песни-повествования, образующие корпус мифов. Помимо мифических тем, внимание привлекают, во-первых, универсальные для разных культур проблемы, затрагиваемые мифом; во-вторых, оппозиции и противопоставления, с помощью которых эта проблематика находит своё выражение; в-третьих, мир символов, метафор и представлений, оформляющих совокупность признаков мифической поэзии и определяющих характер дискурса в конкретных ситуациях исполнения мифов. Характер мифического дискурса раскрывается с разных точек зрения как в качестве наследства прошлого, так и в качестве актуальной сегодня и обновляющейся культуры. При анализе мифов можно выделить, например, следующие уровни дискурса. 1. *Корпус мифов.* Определяя корпус мифов, естественно принимать во внимание точки зрения сообщества, во внутренних взаимосвязях которого мифы распространяются (10, с. 66–67). 2. *Интертекстуальные связи мифа.* Наряду с заклинаниями и другими обрядовыми рунами, миф разделяет мир значений, пересекающий границу с потусторонним миром. 3. *Контексты исполнения, исполнители и стратегии исполнения.* Традиционные сообщества и отдельные исполнители интерпретировали мифы согласно доминантам своих традиций. Образ, в который вживается исполнитель мифа, и стратегия исполнения влияют на содержание, которое варьируется даже в одном и том же социуме. 4. *Мифические*

рассказы. Мифы состоят из событийных цепочек, в которых действия и деятели, их взаимоотношения, поступки (включая также и диалоги), их цели, объекты действий и результаты деятельности мифических персонажей создают мир мифического дискурса, хотя на первый взгляд события и действия могут показаться противоречивыми и нелогичными. 5. *Тематические нити и оппозиции.* Тематизация мифического повествования, возникающая вследствие повтора определений, действий, представлений или их противоположностей (например, при ссылке на происхождение, время, пол, возраст и т.д.), раскрывает центральные смысловые уровни и связи мифа. 6. *Символы, метафоры и представления.* Метафоричность принадлежит к чертам, выделяющим мифический дискурс из других видов дискурса. Таким образом, мифические идеалы, выкристаллизованные мотивы, символы, метафоры и представления являются признаками мифичности. 7. *Поэтические структуры.* Структурные особенности поэтического языка принадлежат к средствам мифического дискурса. 8. *Языковый регистр и коды исполнения мифа.* Мифические значения часто проявляются в архаической лексике или в выборе слов и форм выражения, имеющих символический смысл.

Исполнение мифа регулируется многими связанными с традицией факторами. Тексты мифов часто состоят в иерархических взаимоотношениях друг с другом. В вышеуказанной модели анализа мифа выделение уровня анализа более важно, чем характер единичных понятий. Исследование мифов особенно интересно тем, что миф говорит одновременно на многих языках. Миф многозначен, его значения не остаются неизменными. Мифические рассказы, представления и метафоры понимаются в различных культурных контекстах по-разному. Однако характер мифического дискурса определяет возможности воспроизводства традиции и ее приспособления к новым контекстам (11, с. 274–277). Таким образом, постоянно варьирующийся мифический дискурс является традицией с богатой историей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Siikala A.-L.* Suomalainen šamanismi. Mielikuvien historiaa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 565. Helsinki, 1992.

2. *Cohen P.* Theories of Myth. Man 4/3. London, 1969.

3. *Honko L.* The Problem of Defining Myth. Alan Dundes (ed.), Sacred Narrative. Readings in the Theory of Myth. Berkeley, Los Angeles and London. University of California Press. 1984.

4. *Vernant J.-P.* Mortals and Immortals. Collected Essays. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1992.

5. *Siikala A.-L.* Mekrijärven Väinämöinen. Jorma Aho ja Laura Jetsu (toim.), Mekrijärven Sissola, runojen ranta. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 626. Helsinki, 1995.

6. *Leach E.R.* Critical introduction to *Myth,* by M.I. Steblin-Kamenskii. Ann Arbor: Karoma, 1982.

7. *Leach E.* Culture and communication: the logic by which symbols are connected. Cambridge: Cambridge University Press. 1976.

8. *Siikala A.-L.* Generic models, entextualization and creativity: epic tradition on the Southern Cook Islands. Lauri Honko (ed.), Textualization of Oral Epics. Berlin–New York: Mouton de Gruyter. 2000.

9. *Nagy G.* Can Myth be Saved? Gregory Schrempp and William Hansen (eds.). Myth, a New Symposium. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press. 2002.

10. *Urban G.* Metaphysical Community. The Interplay of the Senses and the Intellect. Austin: University of Texas Press. 1996.

11. *Hanks W. F.* Language and Communicative Practices. Boulder, Colorado & Oxford, England. Westview Press. 1996.

Anna-Leena Siikala

ANALYSIS OF F-U MYTHOLOGIES: METHODICAL QUESTIONS

Myths reflects key problems of humanity being. Ural people have characteristic common mythological themes. The language affinity is the combining factor of their study. The author of the article mentioned that Finno-Ugric mythologies contain certain features identifying ancient cultural relations between Finno-Ugric people. These interrelations reflect the resemblance with the other people's traditions, mainly with the traditions of Indo-European groups. The author considers different methodical questions connected with the study of the Finno-Ugric mythologies.

«Финно-угроведение», 2004, №2.

Наталия Кульбаева
Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЙ ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ «МАЙАТУЛ»

19–28 ноября 2004 года столица Марий Эл в третий раз принимала театральный фестиваль «Майатул». V Международный фестиваль театров финно-угорских народов собрал представителей всего мирового сообщества финно-угров: десять российских драматических коллективов из Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Коми-Пермяцкого и Ханты-Мансийского национальных округов, а также представителей театрального искусства Венгрии, Финляндии и Эстонии.

Отрадно, что в фестивальное движение «Майатул» влился новый коллектив – Театр обско-угорских народов Ханты-Мансийского национального округа (художественный руководитель О.Александрова.) Вновь, после II фестиваля, проходившего в 1994 г. в финском г. Нурмесе, в театральном форуме участвовала Венгрия. На этот раз в г. Йошкар-Олу приехал Театр голоса Евы Каналаш (художественный директор театра А.Васильев). Пропустив фестиваль 2002 года, вновь включились в движение «Майатул» Государственный национальный театр Республики Карелия (главный режиссер Л.Владимиров) и театр из Финляндии «Феникс» (режиссер И.Росило). На прошлом фестивале Эстонию представлял коллектив из г. Раквере, который возглавляла режиссер А.Тюрнпу. На V фестиваль она привезла спектакль учащихся Высшей театральной школы Эстонской музыкальной академии.

Особенностью V фестиваля «Майатул» стало то, что в его репертуар вошли спектакли – лауреаты электронного фестиваля этно-арта «Кугу сорта» («Большая свеча»), инициатором проведения которого является Союз театральных деятелей РМЭ. Зрители горячо встретили театральную фантазию Академического русского театра драмы Башкортостана по пьесе Г.Шафикова «Черный иноходец» в постановке М.Рабиновича. Одной из самых интересных, новаторских работ, показанных на фестивале, стал спектакль Национального театра Республики Карелия «Тво-

рение мира», поставленный режиссером А.Андреевым по первым двум песням эпоса Э.Леннрота «Калевала», который вошел также и в число лауреатов фестиваля «Кугу сорта». Третьим лауреатом электронного фестиваля стал спектакль Марийского национального театра драмы им. М.Шкетана по легенде З.Долговой «Полдыранат ош пеледышан» («Белый цвет борщевика») в постановке режиссера В.Домрачева. Было решено, что и в дальнейшем спектакли, победившие на фестивале «Кугу сорта», будут включаться в репертуар Международных фестивалей театров финно-угорских народов.

Как известно, фестивальные движения, объединяющие театральные коллективы на основе принципа языковой общности, зародились в нашей стране в начале 90-х годов. Именно в это время были учреждены театральные фестивали тюрко-язычных, финно-угорских, бурято-монгольских народов и т.д. За прошедшее десятилетие судьбы этих фестивалей сложились по-разному. Одни из них, как говорится, канули в Лету, другие в организации своей работы перешли на территориальный принцип. Международный фестиваль театров финно-угорских народов остается по-прежнему верен первоначальной идее своего создания. Фестивальное движение «Майатул» работает, развивается и накапливает бесценный опыт.

Современный российский театральный процесс сложен, многолик и многоаспектен. Традиционно существуют понятия «столичный театр» (г. Москва и г. Санкт-Петербург) и «провинциальный». История русской театральной культуры исчисляется более чем тремя столетиями. Русский театр России, представленный творческим трудом большого числа драматических коллективов, развивается по своим внутренним законам, имеет свои этапы исторического развития. Театральное же искусство финно-угорских народов очень молодо. Практически все финно-угорские театры возникли в начале прошлого века. Работающий 85-й сезон Марийский национальный театр драмы им. М.Шкетана принадлежит к числу старейших из них. Как правило, в республиках, где проживают финно-угры, существует по одному, реже по два профессиональных национальных театра. (Республика Марий Эл, в которой существует три таких коллектива, едва ли не является исключением). Данное обстоятельство сказывается на том, что процессы, протекающие в финно-угорском театральном искусстве, проявляются не столь рельефно и очевидно. Фестивальные встречи с периодичностью в два года, словно контрольные замеры важнейших параметров жизнедеятельности театральных организмов, способствуют созданию целостной картины современного со-

стояния сценического искусства финно-угров, определению основных тенденций его дальнейшего развития, а также выявляют общие проблемы, встающие перед театрами.

Одной из характерных черт российского театра рубежа веков стал отказ от воспитательно-просветительской, миссионерской роли. Мощный процесс коммерциализации театра все больше толкает его по пути сближения с шоу-бизнесом. Как образно отметила критик И.Мягкова, отказ от миссионерства ведет к «Аншлагу». Что касается театров финно-угорских народов, то до настоящего времени проблема коммерциализации еще не вошла в круг наиболее актуальных проблем их существования, и театр по-прежнему рассматривается как «кафедра, с которой можно много сказать миру добра» (Н.В.Гоголь).

Традиционно театр и драматургия финно-угорских народов ориентировались на деревенского зрителя, питались соками и духом народной жизни. Естественно, что доминирующим был бытовой театр. По мнению Н.Сорокиной, члена жюри всех пяти фестивалей «Майатул», в начале 90-х годов в театральном искусстве финно-угров четко наметилась тенденция к отходу от бытового мышления. Ярким примером тому стали такие спектакли Марийского национального театра им. М.Шкетана, как «Анахорет-влак» («Анахореты») и «Пыжаш» («Очаг») по пьесам А.Пудина в постановке В.Пектеева. То есть в эти годы наметилось новое перспективное направление в развитии театра. Однако, уже в середине 90-х в театральном искусстве финно-угров обозначился переход к ритуальному, обрядовому театру. Театральные художники обратились к историко-этнографическому материалу, обрядам, легендам, эпосу. Фестиваль позволяет говорить о процессе творческого осмысления богатств народной культуры, о переходе от бытописания, стремления сохранить все к новому поиску художественного языка, к использованию средств и приемов современного театра. Свойство театра – брать отовсюду и превращать в свое. Лучшие спектакли, показанные в рамках фестиваля в разные годы, являются ярким тому подтверждением: например, «Окса тул» («Блеск монет») марийского театра, «Прыгающая мышь» – финского, «Гузи да Мези» – коми-пермяцкого, «Жена оленя» – эстонского коллектива и другие. «Декоративный театр» (определение Н.Сорокиной) характеризуется яркой театральной выразительностью, внешним уходом от бытовизма. В целом, это благотворный, полезный для театра этап.

Как показал фестиваль, для всех финно-угорских театров по-прежнему наиболее острой остается проблема национальной драматургии. Как правило, в республиках число авторов, пишущих для театра, не ве-

лико. Их произведения далеко не всегда поднимаются до уровня художественно-эстетических и философских обобщений. Пьесы финно-угорских авторов редко пробиваются на всероссийскую сцену. В 50-е годы по театральным подмосткам страны широко прошли драма марийского драматурга А.Волкова «Ксения» и музыкальная комедия коми автора Н.Дьяконова «Свадьба с приданым». В конце 80-х – 90-е годы всероссийское признание получила драматургия мордовского автора А.Пудина. Следует отметить, что именно Марийскому театру им. М.Шкетана принадлежит первенство в постановке таких его пьес, как «Анахореты, или Угол для сирот», «Очаг», «Йыван Кырля (Ой, куница играет)» и др. К сожалению, отношения драматурга с Мордовским театром сложились не столь удачно, в настоящее время А.Пудин живет и работает в г. Москве.

В последние годы наметилась тенденция обмена пьесами внутри финно-угорского братства. Так, например, в 2004 г. в Марийском театре им. М.Шкетана с успехом прошла комедия коми драматурга А.Попова «Брага». Спектакль по ней «Пӱрӧ пазар», который поставил чувашский режиссер Н.Корчаков, оформил театральный художник Л.Тирацуян, а пьесу на марийский язык перевел драматург В.Абукаев-Эмгак, стал своеобразным примером творческого интернационализма.

В рамках V Международного фестиваля театров финно-угорских народов работал семинар драматургов. В нем приняли участие авторы из Карелии, Коми, Марий Эл и Удмуртии. Конкретный, профессиональный разговор по каждой из представленных пьес, без сомнения, был очень полезным и своевременным для драматургов. Подобный семинар проводился впервые. В дальнейших планах работы фестиваля – сделать его регулярным.

Театр справедливо называют «зеркалом жизни». Он чутко реагирует на изменения социально-общественной и культурной жизни народа. Такие процессы, как, например, исход из республики населения – носителя языка (как было в 90-е годы в Карелии) или постоянно идущая его ассимиляция, не могут не сказаться на работе театра, а следовательно, и драматургии. Так, в настоящее время практически не существует драматургии на языках хантов, манси и коми-пермяков. Коми-Пермяцкий окружной драматический театр им. М.Горького ставит спектакли на русском языке, а специально, в связи с фестивалем, – один спектакль по национальной пьесе. На двух последних фестивалях были показаны комедии «Гузи да Мези» и «Наша деревня», написанные актером этого театра А.Радостевым.

Что касается марийской драматургии, то следует отметить, что в последние годы она выдвинулась на позиции ведущего звена в современном национальном литературном процессе. Мощным стимулом в ее развитии стал республиканский конкурс на лучшее драматическое произведение, проводимый Министерством культуры, печати и по делам национальностей совместно с Марийским национальным театром драмы им. М.Шкетана. В 2003 г. в конкурсе приняли участие 11 авторов, а в 2004 г. – 14. И хотя цифры в искусстве не самый яркий показатель, но число участников говорит о том, что марийская драматургия востребована, что ее развитию в республике уделяется большое внимание. Как показал конкурс, значительно обогатился жанровый арсенал марийской драматургии. Наряду с традиционными формами бытовой драмы и комедии, идет освоение таких жанров, как психологическая драма, притча, легенда, фарс, водевиль, трагикомедия. Расширилась тематика современных пьес. В них поднимаются острые социальные и нравственно-этические проблемы, идет осмысление исторического прошлого марийского народа, его духовного наследия. Одной из центральных тем стала тема человека в современном мире, многих авторов волнует вопрос, как достойно прожить человеком среди людей. Пути сохранения личности и ее внутреннего мира они видят в просвещении, религии, в обращении к богатствам народной культуры.

Как свидетельствует театральная практика, долгие годы в нашей республике существовала ситуация, в которой театр по отношению к драматургии выступал в роли заказчика. Это не могло не сказаться на качестве драматургии: пьеса воспринималась преимущественно как сырье для спектакля. Лишь на рубеже веков драматургические произведения стали возвращать себе позиции самоценного художественного произведения. Победившие на конкурсе пьесы «Куку шагат» («Часы с кукушкой») и «Алиса, Анфиса, Аниса» В.Абукаева-Эмгака, «Куп» («Одинокая мелодия») Г.Гордеева, «Полдыранат ош пеледышан» («Белый цвет борщевика»), «Шудо шешке» («Сноха сенокоса»), «Пысман корем» («Пысманов овраг») З.Долговой, «Адакат омсашке тӱкалат» («Опять стучат в дверь») А.Петрова уже поставлены на сценах профессиональных театров. Именно республиканский конкурс на лучшее драматическое произведение открыл нового автора – Зинаиду Долгову.

Однако, национальный драматический коллектив не может полнокровно жить и развиваться только на основе своей национальной драматургии. Очевидно, пришло время освоения, причем, освоения на новом художественном уровне произведений русской и мировой классики.

Участники Международной театральной конференции «Состояние театрального процесса в России и проблемы развития финно-угорской драматургии», прошедшей в рамках V фестиваля, одобрили предложение провести следующий форум финно-угорских театров под знаком классической драматургии: «Шекспир и другие» – так прозвучал его девиз.

Итак, мировая и русская классика в национальном театре, то есть переводная пьеса. В связи с этим нельзя не остановиться на проблемах подхода к переводимому материалу. В театральной практике существует два пути в работе над переводом пьесы: либо прямой перевод текста произведения, либо адаптированный перевод с внесением национального колорита (черты жизненного уклада, обычаев, костюмов, имен и т.д.). В марийском языке, например, существует два различных глагола, разграничивающие принципы подхода к переводу: *кусараш* («прямой» перевод) и *марлаҥдаш* (буквально – «омарийчивание», т.е. перевод с внесением национального колорита). Оба подхода, как говорится, имеют право на существование, оба плодотворны, оба имеют свои «плюсы» и «минусы». История Марийского театра дает немало тому подтверждений. Перевод с внесением национального колорита был более характерен для работы над классической пьесой на ранних этапах развития нашего театра. Именно по такому пути в 1927 г. пошел режиссер Н.Календер в работе над постановкой пьесы Л.Толстого «Власть тьмы». Его спектакль «Пычкемыш лонгаште» – первое обращение Марийского театра к русской классической пьесе. Позднее, начиная с 30-х годов, пьесы русского и мирового классического репертуара, как правило, переводились без внесения элементов национального колорита: например, «Ромео и Джульетта» режиссера Е.Амантова (1951), «Булычов Йогор да молат» («Егор Булычов и другие») в постановке С.Иванова (1968), «Вуянче ава ден шочшыжо-влак» («Мамаша Кураж и ее дети») режиссера С.Кирилловой (1975) и многие другие. «Омарийчивание» закрепилось в практике перевода произведений современной многонациональной драматургии, на что были свои причины: стоило дать персонажам марийские имена, переодеть их в марийские одежды, внести знакомые географические названия, интонации речи – и нехватка пьес национального репертуара уже не столь сильно бросалась в глаза.

«Плюсы» «прямого» перевода состоят в том, что зритель получает возможность непосредственного знакомства с произведением писателя-классика, со своеобразием его творческой манеры. Однако при этом возникает некоторое отчуждение в отношении зрителя к спектаклю. Не секрет, что трудоемкие, затратные во всех отношениях постановки пьес клас-

сического репертуара на марийской сцене держатся очень не долгое время. Трагедия В.Шекспира «Ромео и Джульетта» была показана 9 раз, «Власть тьмы» Л.Толстого и «Бедность не порок» А.Островского – по 6. Так было в 50-е годы, но эта проблема остается острой и в настоящее время. Пожалуй, счастливым исключением стала сценическая судьба спектакля «Каче пазар» по пьесе Н.Гоголя «Женитьба», поставленного в 1994 г. режиссером В.Пектеевым, спектакль был в репертуаре несколько лет, и, что самое главное, на него шел зритель. Вероятно, режиссеру удалось, не прибегая к чисто внешним атрибутам, раскрыть в разыгрываемых коллизиях, в характерах героев черты понятные и близкие марийскому зрителю, вызвать его сопереживание (перевел пьесу драматург К.Коршунов).

Нельзя не признать, что перевод с внесением национального колорита несколько размывает представление зрителя о самобытности, неповторимости творческого «я» драматурга, но адаптированная таким образом пьеса понятнее и ближе тому же зрителю, дольше держится в прокате. В качестве удачных работ последних лет из этого ряда следует отметить комедию узбекского драматурга Ш.Башбекова «Кум кечылан у кува» («Железная женщина») в постановке режиссера Н.Корчакова, перевод В.Абукаева-Эмгака. Настоящим долгожителем марийской сцены (более десяти лет!) стала комедия чувашского драматурга А.Чебанова «Проска кокай ӳдыржым марлан пуа» («Тетушка Прасковья дочку замуж выдает») в постановке чувашских режиссеров В.Яковлева и Н.Корчакова (перевод В.Регеж-Горохова).

Одним словом, проблема отношения зрителя к переводной пьесе заслуживает отдельного разговора. Большую роль здесь играет менталитет драматурга, с одной стороны, и режиссера, переводчика, актера и зрителя – с другой. (Ведь не случайно Шекспир, например, стал «родным» автором на грузинской сцене). Однозначно, что в настоящее время без переводной пьесы полнокровно жить и развиваться национальный театр не может.

Фестиваль выявил широкий круг проблем, присущих всем финно-угорским театрам. Весьма остро стоит проблема режиссерского лидерства. Частая смена художественного руководства театров, в том числе режиссеров, осуществляющих разовые постановки, не способствует формированию неповторимого самобытного лица национального драматического коллектива. Это особенно важно в условиях, когда подготовка актерских кадров для национальных театров (в том числе и финно-угорских) ведется в различных учебных заведениях. Так, в настоящее время

на сцене Марийского национального театра драмы им. М.Шкетана работают выпускники Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского (1985) и Высшего театрального училища им. М.С. Щепкина, в 2005 г. труппу театра пополнят выпускники Санкт-Петербургской академии театрального искусства. Именно от лидера-режиссера зависит сплочение представителей различных актерских школ в единый творческий коллектив, сохранение индивидуального художественного почерка театра.

Международное фестивальное движение «Майатул», вступившее во второе десятилетие своего существования, накопившее определенный опыт и заложившее свои традиции, – это мощный стимул и опора в развитии театрального искусства финно-угорских народов на современном этапе.

Nataliya Kulbayeva

MODERN STATES OF MARI THEATRE ART IN THE CONTEXT OF THE «MAYATUL» FESTIVAL MOVEMENT

The V International theatre festival of Finno-Ugric people was held in Yoshkar-Ola in 19–28 November, 2004. The «Mayatul» festival movement existing from the beginning of the 90s is the important factor of modern Finno-Ugric theatre process. Particularly it applies to stage art of the f-u people of Russia. The festival promotes to the cultural unity of fraternal people, the definition of the main tendencies, perspectives and problems of the development of Finno-Ugric theatre and national drama.

«Финно-угроведение», 2004, №2.

Екатерина Берестова
Ижевск

РОЛЬ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА В РЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
(по материалам Удмуртии)*

Во второй половине XIX – начале XX вв. православная церковь, представляя государственную и господствующую идеологию, оказывала влияние на все сферы жизни населения России. По существу, православная церковь освящала и регламентировала жизнь человека от рождения до смерти. Церковь организовывала и личную жизнь людей путем строгого нормирования семейно-брачных отношений и формирования особого взгляда на жизнь и смерть. Церковное законодательство в сфере семейного права было введено в ранг государственных законов, поэтому церковь становилась своеобразным регулятором демографических процессов.

В отечественной историографии проблемы конфессионального влияния на демографические процессы изучены еще недостаточно. Отдельные аспекты этой темы поднимались в рамках этнографических исследований (1). Более подробно эти вопросы были рассмотрены в работах: «Население России в XX в.», «Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков», «Очерки русской культуры XIX в.», в монографии Б.Н. Миронова и некоторых других работах (2; 3; 4, с. 218–346; 5).

Согласно догматам православной церкви, только в христианской семье было возможно сочетать плотскую жизнь со служением Богу. Освященная таинством венчания семья являлась своего рода малой церковью. Проблема взаимоотношения полов в православии имела одно-единственное решение – вступление в брак.

---

*Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Этнокультурные взаимодействия в Евроазии».

В русской крестьянской среде взгляд церкви на брак как на моральный долг каждого человека получил полную поддержку. И действительно, холостой мужчина в деревне всерьез не воспринимался, он находился в полном подчинении у старших, не имел голоса в семье, не участвовал в сельском сходе. Незамужняя женщина также имела очень низкий общественный статус. Подобные взгляды на брак в определенной степени обуславливались и экономическими причинами. Только женатый крестьянин мог получить земельный надел, что автоматически включало его в число налогоплательщиков и давало ему личные права (6, с. 48). Кроме того, крестьянское хозяйство нормально функционировало лишь при наличии в нем и женских, и мужских рук, так как для него было характерно четкое разделение труда на исключительно мужскую и исключительно женскую работу.

Для всего населения Удмуртии, которое, как и по всей России, в рассматриваемый период было по преимуществу крестьянским, вне зависимости от национальности, был характерен высокий уровень брачности. В возрасте старше 17 лет среди мужчин холостые составляли только 20,6 %, а среди женщин 18,7 % (7, с. 28–35, 148).

У русских крестьян законным и священным признавался только брак, освященный в церкви. Долгое время обряд венчания воспринимался лишь как своеобразный способ юридического оформления брака. Однако с течением времени происходило все более прочное усвоение христианской догматики и ритуалов. Уже в XVI в. большая часть населения воспринимала вполне естественным и необходимым совершение церковного обряда, который становился составной частью традиционного свадебного ритуала.

У нерусского населения Удмуртии отношение к церковному браку было несколько иным. По сообщениям духовенства, еще в начале XIX в. подавляющее большинство удмуртских и марийских мужчин и женщин не спешили освятить свой союз в церкви. Да и на протяжении всего столетия сводное сожительство оставалось одним из наиболее часто встречающихся прегрешений нерусского населения против христианской веры и нравственности. Под воздействием миссионерской деятельности православного духовенства подобная практика постепенно изживалась. Однако даже в 1899 г. в Удмуртии насчитывалось около 1700 пар, живущих не венчанными (в Глазовском уезде – 93, в Малмыжском – 482, в Елабужском – 581 и в Сарапульском – 538) (8, с. 282–299). По мнению духовенства, существовало две основных причины сохранения сводных сожительств: первая – недостаточность средств у нерусского населения

и вторая – излишняя свобода в отношениях мужчин и женщин у удмуртов, марийцев и бесермян.

Для искоренения сводных сожительств духовенство предпринимало самые разные меры. Во-первых, священники должны были проводить беседы с населением и убеждать пары, живущие без церковного благословения, повенчаться. В помощь духовенству в 1897 г. в «Вятских епархиальных ведомостях» было напечатано поучение «Против безбрачных сожительств», составленное помощником епархиального миссионера священником Николаем Тихвинским. Поучение состояло из четырех частей: «Супружество в Ветхом Завете», «Брак в Новом Завете», «Благодать, сообщаемая через таинство брака», «Заключительное увещевание» (9, с. 1148–1169). Позднее это поучение было издано отдельной брошюрой и рекомендовано для обязательного прочтения во всех приходах с нерусским населением.

Во-вторых, Вятская духовная консистория неоднократно пыталась сократить расходы нерусского населения на оплату венчания. В частности, духовенству было приказано самим вести переписку о венчании несовершеннолетних, освободив от этого их родных (10). В указе от 5 февраля 1887 г. № 1772 говорилось, что священники, допустившие в своих приходах сводные сожительства по небрежности или из-за вымогательства платы за венчание, будут исключены из наградных списков и подвергнуты взысканию епархиального начальства. В распоряжении Вятской духовной консистории № 19712 от 11 ноября 1903 г. духовенству епархии строго запрещается при браке требовать от прихожан уплаты руги за прошедший год и денег за требы, исправляемые в долг. Кроме того, приказано «подтвердить духовенству всей епархии к исполнению прежде бывшего распоряжения Епархиального Начальства, касающегося причтов инородческих приходов, а именно: а) выдавать сведения о невестах без оплаты гербовым сбором по официальным удостоверениям о бедности их и венчать инородцев безвозмездно, в случае крайней бедности их (указы консистории от 25 августа 1898 г. № 11698 и от 15 октября 1902 г. № 15095); б) в видах освобождения инородцев от расхода на марки, затрудняющие браки несовершеннолетних, входить к Его Преосвященству не с прошениями от родителей жениха или невесты о повенчании несовершеннолетних, а с рапортами причтов, в которых излагались бы причины, побуждающие к венчанию, и справки о времени рождения» (11, л. 126–127 об.).

В-третьих, священникам инородческих приходов постоянно указывалось на недопустимость сводных сожительств: указ от 29 марта 1883 г.

№ 2491 «Об устранении в жизни инородцев сожительств без церковного венчания», указ от 6 декабря 1887 г. № 11637 «Об увещевании беззаконников к нравственной христианской жизни», указ от 30 апреля 1898 г. № 6004 «О распространении среди инородцев брошюры священника Николая Тихвинского "Против безбрачных сожительств"» и др. Для искоренения сводных сожительств в своих приходах духовенство должно было предпринимать все меры, вплоть до административных. В частности, на основании ст. 997 гл. 4 отд. 1 (действовала до 1902 г.) Уложения о наказаниях, за незаконное сожительство виновных подвергали церковному покаянию (12, с. 302). Кроме того, на основании п. 5 ст. 681 раздела II свода законов т. 2 издания 1892 г. духовенству разрешалось прибегать к помощи полиции при возвращении девиц, живущих без брака, в дом их родителей (13).

Но усилия епархиального начальства и проповеди духовенства не всегда давали желаемые результаты. В частности, священник села Крымская Слудка второго благочинного округа Елабужского уезда сообщает, что на территории его прихода находится д. Сартак-Пельга, где проживают удмурты (всего 80 домов). В этой деревне 16 пар живут не венчанными, при этом некоторые по несколько лет (5–6 и даже 13 лет). Увещевания и беседы, проводимые священником совместно с инородческим миссионером Стефаном Емельяновым, на эти пары никакого воздействия не оказали. Некоторые из них не только не хотят венчаться, но и не желают слушать уговоры священника. В связи с этим священник Дьяконов просит Сарапульское духовное правление посоветовать, какие еще меры можно предпринять, а также обращается за содействием к становому приставу 1 стана (14, л. 3–8).

В борьбе со сводными сожительствами своей паствы духовенство Удмуртии обращалось за содействием и к представителям других конфессий. Так, например, в 1894–1895 гг. Вятская духовная консистория вела переписку с Оренбургским магометанским духовным собранием по поводу прекращения безбрачного сожительства крестьянки Екатерины Смолиной с мусульманином Мухамед Рахим Гибасовым (15, л. 9–23).

Борьба православного духовенства со сводными сожительствами была составной частью его миссионерской деятельности. И дальнейшее сокращение, а затем и полное искоренение безбрачных сожительств священники связывали с христианским просвещением.

В России гражданское законодательство о браке полностью совпадало с церковным, поэтому православное брачное право имело силу государственного закона. В церковном законодательстве существовало две

основных категории препятствий к заключению брака: препятствия разрывающие и препятствия препятствующие (16, с. 354–367). Разрывающими препятствия данной категории назывались потому, что в случае заключения брака в обход существующих запретов он признавался недействительным. А если брак был заключен при наличии второй категории препятствий, то он сохранялся.

Разрывающими препятствиями являлись:

1. Неспособность или невозможность сознательного самоопределения воли вступающих в брак. 2. Отсутствие требуемого по закону возраста. Минимальный (по закону 1830 г.): для жениха – 18 лет, для невесты – 16 лет; максимальный (по закону 1744 г.) – 80 лет. 3. Физическая неспособность к супружескому сожитию. 4. Связанность существующими брачными узами. 5. Исчерпанность допускаемого законом числа последовательных браков. Запрещается четвертый брак. 6. Духовный сан и монашество. 7. Различие религий. Запрещается брак с нехристианами и раскольниками. 8. Преступление. Разведенный за вину прелюбодеяния осуждается на всегдашнее безбрачие. 9. Родство и свойство.

Препятствующими препятствиями являлись:

1. Отсутствие согласия родителей. 2. Отсутствие согласия опекунов и попечителей. 3. Некоторые степени родства и свойства. 4. Различия христианского вероисповедания. 5. Незнание «Символа веры» и основных молитв, небытие в предыдущем году на исповеди. 6. Гражданские воспрещения. 7. Запрещенные для брака место и время, некомпетентность венчающего священника. Вступление в брак запрещено: в Великий пост, начиная с мясопустной субботы перед Масленицей и заканчивая пасхальной неделей; в Рождественский пост до 6 января включительно; в Петров и Успенский пост; накануне воскресных и праздничных дней, сред и пятниц, дней коронации, в день Воздвижения креста (14 сентября) и в день Усекновения головы Иоанна Крестителя (29 августа).

На имеющихся статистических материалах хорошо прослеживаются лишь некоторые категории препятствий к браку. В частности, это касается брачного возраста, допустимых степеней родства и свойства вступающих в брак, а также сезонности браков.

Согласно крестьянским представлениям, в брак необходимо было вступать в молодом возрасте. В XVII – начале XVIII вв. наиболее распространенными были браки между 13–14-летней невестой и 15–16-летним женихом, а церковь ограничивала нижний предел бракоспособного возраста 12 годами для невесты и 15 годами для жениха. В 1774 г. церковь устанавливает бракоспособный возраст в 13 лет у женщин и в 15

лет у мужчин, в 1830 г. императорский указ повышает его – соответственно до 16 и 18 лет. Хотя традиция чрезвычайно ранних браков долго не была изжита, закон делал свое дело, и брачный возраст понемногу повышался. За 1780–1850-е гг. средний возраст невест в целом по России вырос с 15–16 до 18–20 лет, а женихов – с 16–18 до 20–21 (5, с. 165).

Для анализа демографических процессов в Удмуртии были выбраны несколько приходов, при церквях которых лучше сохранились метрические книги. Это приходы с. Полом, с. Ядгурецкого, с. Люк Глазовского уезда и с. Сосновка Сарапульского уезда, населенные преимущественно удмуртами, а также приходы с. Июльское и с. Полозово Сарапульского уезда, где проживали в основном русские. К сожалению, не удалось обнаружить метрических книг марийских и бесермянских приходов, что делает анализ неполным. Для сравнения конфессионального компонента демографических процессов были проанализированы метрические книги мечетей дд. Полочинской, Ижбайка, Сосновая и Кадыбаш Сарапульского и Глазовского уездов.

Приход села Полозово Сарапульского уезда основан в 1849 г. Численность населения в 1869 г. – 2629 человек (17, л. 414). Основная масса прихожан вступает в брак в возрасте до 30 лет. За изученный период вступили в брак до достижения возраста, указанного в законодательстве, только двое мужчин. Мужчины, вступившие в брак по достижению 18 лет, составляют 42 % от общего числа вступивших в брак. Женщины, вступившие в брак в 16 лет, составляют 6 % от общего числа вступивших в брак. В 1880 г. доля мужчин, вступивших в брак в возрасте до 21 года, составляла 66 %, в 1912 г. – 76 %, у женщин это соотношение выглядит как 57 % в 1880 г. и 84% в 1912 г.

Приход села Июльское Сарапульского уезда основан в 1850 г. Численность населения в 1900 г. – 2467 мужчин и 2609 женщин (18, л. 8 об.). На материалах этого прихода можно увидеть, что, несмотря на некоторые колебания, брачный возраст мужчин в целом повышается. Что касается женщин, то плохая сохранность метрических книг не позволяет сделать обоснованного вывода об изменении брачного возраста. Доля мужчин, вступивших в брак после 20 лет, возросла с 13 % в 1857 г. до 23 % в 1901 г. Число же женщин этого возраста сократилось с 65 % до 22 %.

Приход села Люк Глазовского уезда основан в 1844 г. Численность населения на 1857 г. – 1328 мужчин и 1249 женщин (19, л. 7 об.). Основная масса прихожан вступает в брак в возрасте до 30 лет. За исследуемый период число мужчин, вступивших в брак до 18 лет, составило три человека. На материалах этого прихода хорошо прослеживается обще-

российская тенденция второй половины XIX в. по повышению брачного возраста. Доля мужчин, вступивших в брак после 20 лет, возросла с 28 % в 1852 г. до 57 % в 1900 г., тогда доля женщин этого возраста незначительно снизилась с 60 % до 53 %.

Приход села Полом Глазовского уезда основан в 1747 г. Численность населения на 1850 г. – 2374 мужчины и 3592 женщины (20, л. 8 об.). Основная масса прихожан вступает в брак в возрасте до 30 лет. В этом приходе наблюдается тенденция к незначительному снижению брачного возраста как у мужчин, так и у женщин. Доля мужчин, вступивших в брак в возрасте 21–30, в 1852 г. составила 74 %, а в 1886 г. – 65 %, женщин 54 % и 50 % соответственно. В этом приходе за исследованные годы лиц, вступивших в брак до предусмотренного законодательством возраста, не обнаружено.

Приход села Сосновка Сарапульского уезда основан в 1851 г. Численность населения в 1915 г. – 6774 мужчины и 6693 женщины (21, л. 9 об.). Основная масса прихожан вступает в брак в возрасте до 30 лет. В приходе происходит снижение брачного возраста. Доля мужчин, вступивших в брак в возрасте до 21, возросла с 24 % в 1860 г. до 45 % в 1900 г., а у женщин с 20 % до 37 % соответственно. В этом приходе из двадцати трех мужчин, вступивших в брак до 18 лет, 13 человек вступили в брак в годы Первой мировой войны.

Как следует из вышеприведенных данных, происходит незначительное снижение брачного возраста, но для русского и удмуртского населения Удмуртии средний возраст вступления в брак находился в общероссийских пределах.

Необходимо также отметить, что хотя по закону было запрещено вступать в браки мужчинам ранее 18 лет и женщинам ранее 16, такие браки встречались. В таком случае родители жениха или невесты обращались к епархиальному начальству с прошением о разрешении венчания (22, л. 119). Без письменного разрешения епархиального начальства венчать несовершеннолетних было строго запрещено. Так, Сарапульский священник Михаил Суворов за венчание несовершеннолетних без разрешения от Сарапульского духовного правления был оштрафован и наказан наложением епитимии (23, л. 38). Чаще всего в качестве причины для заключения такого брака называлось отсутствие женских рук в доме жениха и необходимость вести хозяйство. Особенно часто браки несовершеннолетних заключались в период Первой мировой войны. Духовенство весьма неохотно давало разрешение на такие браки, но если дело касалось удмуртов или марийцев, они шли на уступки, опасаясь

распространения сводных сожительств. Всего в Удмуртии конца XIX в. в возрасте до 17 лет состояло в браке, овдовело или развелось 57 мужчин и 236 женщин, при этом в возрасте до 15 лет было всего 36 женщин (7, л. 28–35).

Интересный материал для сравнения брачного возраста у представителей разных конфессий дают статистические данные по Вятской епархии. Так, доля вступивших в брак в возрасте до 21 года у единоверцев (мужчины 49 %, женщины 61 %), раскольников (мужчины 49 %, женщины 49%) и язычников (мужчины 47 %, женщины 56 %) незначительно отличается от этих показателей православного населения (мужчины 48 %, женщины 50 %).

Иную картину представляет собой мусульманское население. Среди татар, как и среди других народов, исповедующих ислам, вступление в брак считалось священной обязанностью мусульманина. Согласно исламским представлениям, мужчины и женщины должны вступать в брак сразу же по достижению физической зрелости. Но, несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов, ранние браки были не характерны для татар. Во время переписи 1897 г. специально отмечалось: «Браки в более раннем или даже несовершеннолетнем возрасте, возможные среди магометан, как не противоречащие их обычаям и религиозным воззрениям, представляют собой в Казанской губернии исключительно редкое явление» (24, с. 315). В 1897 г. лишь 0,3 % женщин в возрасте 15–16 лет состояло в браке, женатых мужчин в этом возрасте не было совсем. Данные по Казанской губернии совпадают с вятскими материалами. Доля мужчин, вступивших в брак в возрасте до 21 года, крайне незначительна и составляет всего 6 %. Возможно, причиной этого являлась необходимость накопить средства для уплаты калыма за невесту. Однако то, что это не единичный случай, а определенная тенденция, подтверждается и другими данными.

Рассматривая возраст вступления в брак населения Удмуртии, можно сделать вывод о том, что конфессиональное влияние на его изменения было значительным. Большую роль в этом играли и другие факторы, такие как особенности половозрастной структуры и хозяйственная целесообразность.

Существенным препятствием для венчания служило также родство или свойство между желающими вступить в брак. По правилам православной церкви запрещались браки по кровному родству и свойству между одним супругом и родственниками другого до 7-й степени, между родственниками одного и другого – до 5-й степени и т. д. (5,

с. 164). Точно соблюдать эти правила было сложно. Но только в 1810 г. после долгих колебаний Синод принял достаточно либеральный закон о браках, который понизил требования к родству на три степени. Брак запрещался: в кровном родстве в первых четырех степенях, в свойстве двоюродном в первых четырех степенях, в свойстве трехродном – в первых трех степенях (16, с. 367). Но, несмотря на изменения в брачном законодательстве, приходское духовенство на протяжении всего XIX в. очень осторожно подходило к браку между родственниками. Если между вступающими в брак обнаруживалось какое-либо родство, даже разрешенное законом, священники обычно обращались за подтверждением к вышестоящему начальству. Прошение составлялось от имени лиц, вступающих в брак, или от их родственников, к нему прилагались выписки из метрических книг и краткая родословная. Так, крестьянин села Котловки Елабужского уезда Григорий Матавин просит разрешить ему брак в шестой степени родства трехродного свойства (25, л. 2). Из приведенной родословной видно, что невеста является вдовой шурина – родного брата жениха. Так как такое родство не противоречило законодательству, Сарапульское духовное правление дало разрешение на брак.

Браки между троюродными братом и сестрой также не встречали препятствий со стороны церкви. Тем не менее, даже при относительной либерализации, брачное право в этой сфере оставалось достаточно жестким. Католическая церковь была либеральнее православной, а протестантская – либеральнее католической: у протестантов запрещались браки только между родственниками по прямой линии. Позиция православной церкви в этом вопросе обеспечивала чрезвычайно низкую степень кровного родства среди населения.

Церковь оказывала влияние и на сезонность браков. В течение года браки распределялись неравномерно. Как уже указывалось, церковь воспрещала венчания на протяжении четырех постов. Кроме того, венчание было запрещено с 25 декабря до 6 января, во все дни Масленицы (неделя перед Великим постом) и пасхальной недели, в кануны и в самые дни церковных и государственных праздников, а также накануне среды, пятницы и воскресенья в течение всего года. Следовательно, в марте и декабре браки не должны заключаться, а для апреля, июня и августа должно быть характерно небольшое количество браков, что и наблюдается на примере выбранных приходов. Частые колебания числа венчаний в феврале объясняются переходящим характером Великого поста, который мог начинаться и в феврале, и в марте. По русским приходам сел Июльское и Полозово максимальное количество браков заключается в январе-фев-

рале и в октябре-ноябре. Многочисленные браки зимой и осенью были связаны также с аграрным циклом: с окончанием сельских работ в сентябре начиналось время свадеб (с перерывом в декабре в связи с Рождественским постом), достигавшее своего апогея в январе-феврале и замиравшее к началу нового цикла работ в марте-апреле. По приходам удмуртских сел максимум браков приходится на январь-февраль и июнь-июль.

Сезонность браков в целом по епархии определялась преобладанием среди населения православных. Благодаря этому максимум браков также приходился на январь-февраль и октябрь-ноябрь. В целом общеепархиальные материалы и данные по отдельным приходам вполне соотносятся с общероссийскими. Максимум браков приходится на январь-февраль и октябрь-ноябрь. Браки в марте и декабре почти полностью отсутствуют.

При сравнении сезонности браков православных с представителями других конфессий, можно увидеть, что распределение браков по месяцам у раскольников совпадало с православными, тогда как у язычников и мусульман оно отличалось. У мусульман не существовало строгой регламентации времени вступления в брак, кроме запрещения браков в месяц рамадан. В 1897 г. месяц рамадан продолжался с 22 января по 20 февраля. Но минимум браков приходится на апрель, а максимум – на осенне-зимний период.

На сезонность браков, помимо религиозного фактора, оказывали влияние и условия жизни. Вне зависимости от вероисповедания, максимум браков приходился на период окончания полевых работ. Сезонность браков у крестьянства оптимально соответствовала условиям их жизни. Сложившиеся в деревне традиции устанавливали между демографическими событиями, церковными требованиями и крестьянским трудом такую связь, которая обеспечивала максимальное число рабочих дней у женщин и максимализацию трудовых усилий у мужчин (5, с. 170).

Сезонность браков опосредованно влияла и на сезонность рождений. «Традиция заключать браки зимой была глубоко оправданной: по наблюдениям врачей и священников (уместно напомнить, что священники вели метрические записи в приходе, в семинариях получали медицинские знания и могли принять роды в случае необходимости), зимние свадьбы (и соответственно зачатия) в январе-феврале давали самых здоровых детей осеннего рождения. Поскольку у женщин вырабатывался биологический ритм зачатий и рождений в одно и то же время, время свадьбы обусловливало весь дальнейший цикл семейной жизни. Жен-

щина, вступившая в брак в «добрый час», будет рожать по 10–15 раз без проблем, а в «недобрый час» – будет иметь одни выкидыши» (5, с. 170). Помимо такого влияния в православии существовала практика ограничений времени возможного зачатия. Согласно учению о постах в этот период вступать в интимные отношения было грешно. Воздержание необходимо было соблюдать во все постные и праздничные дни. Особенно строго пост держали в период пасхальной недели и страстной недели Великого поста. «В XI в. митрополит Георгий предполагал, а вслед за ним поп Кирик (XII в.) утверждал, что у нарушивших правила воздержания родится ребенок «либо тать или разбойник, или блудник» (3, с. 37). Официально православная церковь не поддерживала эту точку зрения, однако, по сообщениям этнографов, она была широко распространена среди населения. Верующие считали, что наказанием за грех будет рождение неполноценного ребенка, имеющего физические или умственные отклонения. Иногда таких детей называли «праздничными» (3, с. 37).

Ниже рассмотрим, насколько население соблюдало запретные дни. Если предположить, что основная масса населения воздерживалась в периоды поста от интимных отношений, то должна сложиться определенная картина. Наименьшее количество рождений должно приходиться на декабрь-январь, отстоящие на срок естественной беременности от Великого поста, на конец мая – начало июня (Успенский пост) и на конец августа – начало сентября (Рождественский пост). Наибольшее число рождений должно приходиться на период, отстоящий на срок естественной беременности от времени максимума браков, т.е. на октябрь-ноябрь и июль – начало августа.

Однако максимум рождений в выбранных приходах обычно приходится на октябрь-ноябрь, июль и январь, минимальное количество рождений приходится на март-апрель, сентябрь и декабрь. Из этого можно сделать вывод о том, что роль церковных запретов в регулировании времени зачатия была невелика. В этом население Удмуртии не слишком отличалось от населения остальной России, так как на общероссийском материале прослеживалась лишь «*некоторая тенденция* к снижению рождаемости в месяцы, отстоящие на срок естественной беременности от Великого поста» (3, с. 37).

Что касается расторжения брака, то церковь всегда смотрела на него отрицательно. У христиан развод признавался возможным только по причине супружеской измены. Впоследствии церковное право увеличило количество законных оснований для развода. В России конца XVII – начала XVIII в. разводы не были редкостью. До 1730 г. для развода обо-

им супругам достаточно было сделать заявление своему приходскому священнику и получить от него так называемое разводное письмо. Но позднее духовные власти стали препятствовать разводам: Синод пытался поставить развод в жесткие рамки духовных законов, сделать развод прерогативой формального духовного суда при епископе. Однако это произошло не сразу. Даже в XIX в. в некоторых местностях священники по-прежнему расторгали браки своей властью. Об этом свидетельствует указ от 6 февраля 1850 г., в котором напоминалось запрещение «самовольного расторжения браков без суда, по одному взаимному согласию супругов» на основании «разводных писем», выданных местными священниками, либо актов, утвержденных гражданскими чиновниками (3, с. 170). Самовольное расторжение брака по взаимному согласию супругов ни в коем случае не допускалось. Священнослужители, составлявшие и подписывающие разводные письма, наказывались лишением сана (16, с. 392). Однако в первой половине XIX в. духовенству в основном удалось добиться того, что официальный развод стал возможен только с санкции духовного суда и при самом строгом соблюдении требований к основаниям развода. Это совпадало с другой тенденцией: со временем идея священности и вечности брака (считалось, что и на том свете, в стране праведников, муж соединится со своей первой женой) все более укоренялась в сознании крестьян. В результате, во второй половине XIX в. развод стал рассматриваться крестьянами как тягчайший грех (3, с. 26).

В конце XVII – начале XVIII вв. насчитывалось до 26 законных поводов для развода (3, с. 173). Но с 1723 г. число законных оснований сократилось до пяти: 1) прелюбодеяние; 2) неизвестное долгое отсутствие одного из супругов или ссылка и тюремное заключение; 3) уход в монастырь; 4) близкое родство; 5) вступление в брак при жизни супруга. Несогласие между супругами, физические недостатки, тяжелые болезни, побои не служили основанием для развода. В 1850 г. было разрешено разводиться также и в случае «физической неспособности к брачному сожитию. К концу XIX в. основаниями для расторжения брака служили: 1) прелюбодеяние одного или другого супруга, установленное бракоразводным процессом в духовном суде. Но прелюбодеяние с той и другой стороны подлежит зачету и основанием для развода не является; 2) неспособность к брачному сожительству, существовавшая до брака; 3) присуждение одного из супругов к каторжным работам, к ссылке на поселение или жительство в Сибирь; 4) двоебрачие; 5) безвестное отсутствие одного из супругов более пяти лет; 6) нежелание супруга, оставшегося в не христианстве, продолжать брачное сожитие с супругом,

принявшим православие, и дать подписку о не притеснении православной веры; 7) вступление в монашество обоих супругов (16, с. 389–391).

Но даже развод на законных основаниях был сильно затруднен. Например, чтобы прелюбодеяние могло служить основанием для развода, стороне, которая добивалась развода, необходимо было представить нескольких живых свидетелей. При безвестном отсутствии одного из супругов необходимо было представить копии запросов полицейского ведомства о его поисках. Даже в случае физической неспособности к браку процедура развода начиналась только спустя три года после венчания. Подобные сложности, сопряженные к тому же с дорогостоящей перепиской, делали процедуру развода недоступной для основной массы крестьян. За период с 1896 по 1904 г. Сарапульским духовным правлением было рассмотрено 35 дел о разводе, в подавляющем большинстве основной причиной для официального развода являлись уголовные наказания одного из супругов (26, л. 1–116). Трудности официального развода привели к появлению «самовольных разводов», которые церковью не санкционировались. Насколько они были распространены, неизвестно, т.к. они не регистрировались. Однако, согласно свидетельствам современников, на рубеже XIX–XX вв. «самовольные разводы» были более распространены, чем в предыдущий период.

В целом по России число официальных разводов было невелико. В 1841–1850 гг. церковь санкционировала всего 770 разводов, т.е. по 77 разводов в год, и это при 43 млн. православного населения. В пореформенный период число разводов стало возрастать, однако до 1917 г. оно оставалось на очень низком уровне: «за 20 лет, 1867–1886 гг., состоялось 16 945 разводов, по 847 разводов в год, за 8 лет с 1905–1913 гг. – соответственно 23 087 и 2565. На 1000 человек населения число разводов равнялось ничтожной величине: в 1841–1850 гг. – 0,002, в 1867–1886 гг. – 0,014, в 1905–1913 гг. – 0,029» (5, с. 175). На материалах Вятской епархии легко заметить, что число разведенных у православного населения значительно меньше числа разведенных у представителей других конфессий. Так, число разведенных, в процентах от общего числа жителей, у русских составляло 0,01 % у мужчин и 0,02 % у женщин, у удмуртов – 0,004 % и 0,006 %, у коми – 0,01 % и 0,01 %, у марийцев – 0,01 % и 0,02 %, у татар – 0,09 % и 0,28 %, у башкир – 0,07 % и 0,02 % (7, с. 148). Так как подавляющее большинство татарского и башкирского населения были мусульманами, можно допустить, что большее число разведенных у представителей этих национальностей объясняется конфессиональными отличиями. И действительно, развод у мусульман происхо-

дит намного проще, чем у представителей других конфессий (27, с. 453). По данным метрических книг мечетей можно увидеть, что в 1897 г. только в приходах деревень Ижбайка, Сосновая и Кадыбаш было разведено 12 супружеских пар (28). Эти данные подтверждаются и общероссийским материалом (6, с. 52). Крайне низкий процент разведенных у удмуртов можно объяснить особенностями их поведения в браке. Как отмечали приходские священники, вступив в брак, удмурты практически никогда не изменяют друг другу и не разводятся.

Помимо регулирования процесса вступления в брак и его расторжения, церковь пыталась влиять и на семейные взаимоотношения. В частности, церковью строго охранялась чистота брачных уз. Измена одного из супругов не только могла повлечь за собой развод, но и запрещение к вступлению в новый брак для виновной стороны. Помимо этих радикальных мер, широко практиковались такие наказания, как церковное покаяние или заключение в монастырь. Так, в 1896–1903 гг. заключению в Сарапульский женский монастырь сроком от 4 до 6 месяцев за прелюбодеяние были подвергнуты четыре крестьянки Сарапульского викариатства и две мещанки г. Сарапула (26, л. 2 об., 9, 24 об., 56 об., 63).

За восемь лет с 1896 г. по 1903 г. Сарапульским духовным правлением было рассмотрено 232 дела о наложении церковного покаяния, из них 18 – за вину прелюбодеяния, 59 – за незаконное сожительство, 35 – за покушение на самоубийство, 17 – за неосторожное убийство и 103 – дела неуказанной категории (26, л. 1–116).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что православная церковь действительно оказывала значительное влияние на демографические процессы в Удмуртии. Православие являлось государственной религией Российской империи, поэтому церковные нормы получили статус государственных законов. В связи с этим православная церковь получила возможность не только морального, но и юридического контроля за семейно-брачными отношениями. Вступление в брак и развод православного населения находились полностью в руках церкви. При определении брачного возраста, степени родства и свойства вступающих в брак, сезонности браков церковь также играла решающую роль. Это особенно хорошо прослеживается на материалах Удмуртии, где проживало значительное число неправославного населения. Однако в некоторых случаях, в частности, в сезонности зачатий, установленные церковью правила являлись для населения скорее рекомендательными, а не обязательными для исполнения. Православной церкви не удалось достичь полного контроля над семейно-брачными отношениями. На демографический

менталитет населения Удмуртии влиял не только конфессиональный фактор, но и образ жизни людей, экономические и бытовые условия. Тем не менее, православная церковь старалась привить населению христианские идеалы семьи. Уважение младших к старшим, верность брачным узам, гармония в супружеской жизни, любовь к детям являются не только православными, но и общечеловеческими ценностями, что и делает их особо значимыми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000.
2. Население России в XX в. Т.1. М., 2000.
3. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001.
4. *Кузнецов С.В.* Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. М., 1998.
5. *Миронов Б.Н.* Социальное развитие России периода империи (XVIII–XX в.). СПб., 2000.
6. Население России в XX в. Т.1. М., 2000.
7. Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятская губерния. Вятка, 1904.
8. Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 9.
9. Вятские епархиальные ведомости. 1897. № 23.
10. Указ Вятской духовной консистории № 3283 от 10 февраля 1903 г.
11. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 4988.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1913.
13. Указ Вятской духовной консистории № 8540 от 16 мая 1903 г.
14. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1363.
15. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 440.
16. *Суворов Н.* Развитие церковного устройства. СПб., 1898.
17. ЦГА УР. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1.
18. ЦГА УР. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1.
19. ЦГА УР. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1а.
20. ЦГА УР. Ф. 71. Оп. 1. Д. 34.
21. ЦГА УР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 23.
22. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 4. Д. 45.
23. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 4. Д. 56.
24. Татары. М., 2001.
25. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 382.
26. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 762.

27. *Ассагирджи Асгад Мухаммад Сагид.* Законоведение Абу Ханифы и его доводы. Т.2. Дамаск.

28. ЦГА УР. Ф. 169. Оп. 1. Д. 65, 91, 89.

Ekaterina Berestova

THE ROLE OF CONFESSIONAL FACTOR IN THE REGULATION OF FAMILY-MARRIAGE RELATIONS IN THE SECOND HALF OF 19 AND BEGINNING OF 20 CENTURIES (ACCORDING TO THE MATERIAL IN UDMURTIA)

The Orthodox Church was influenced on demography process in Udmurt. To marry and divorce of the orthodox population was in Church's influence. The Orthodox Church played the main part in determines age and relationship of people who got married and the time of conclude marriage.

«Финно-угроведение», 2004. №2.

Элина Лебедева
Йошкар-Ола

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Синтаксический анализ пословиц и поговорок предполагает исследование структуры (т.е. закономерностей построения) и выявление синтаксических особенностей пословичных и поговорочных конструкций. Структурный анализ марийских пословиц и поговорок как языковых единиц имеет теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет определить наиболее употребительные структурные схемы и синтаксические конструкции, рассмотреть общеупотребительные элементы в составе данных конструкций и закономерности организации элементов структуры, исследовать структуру на грамматическом уровне. Выявление синтаксических особенностей марийских пословиц и поговорок представляет несомненный интерес для финно-угорского языкознания, поскольку способствует выяснению своеобразия проявлений многих категорий синтаксиса в языке марийских пословиц и поговорок.

Исследование марийских пословиц и поговорок в синтаксическом аспекте позволяет выявить, что они выражают законченную мысль и представляют собой коммуникативные единицы со структурой предложения.

Пословицы и поговорки марийского языка, будучи предложениями, характеризуются теми же чертами, что и свободно организованные предложения, т.е. определенной синтаксической структурой, семантической структурой, порядком слов и интонацией. Под синтаксической структурой понимаются определенные формы слов, находящиеся друг с другом в определенных синтаксических отношениях, которые представляют собой предикативную основу. Предикативная основа предложения является отвлеченным образом, моделью, т.е. структурной схемой (1, с. 395). Структурная схема предложения включает в себя только те компоненты предложения, которые образуют его предикативную основу. Она реализуется в синтаксических конструкциях, которые образуются всеми конститутивными компонентами предложения. Одна и

та же структурная схема может быть представлена различными синтаксическими конструкциями.

По количеству предикативных основ (структурных схем) предложения бывают простые и сложные. Пословицы и поговорки марийского языка представлены структурой простого предложения – 62,3 % и сложного предложения – 37,7 %.

Предикативная основа (структурная схема) простого предложения может формироваться двумя формами слов, связанных синтаксическими отношениями (двусоставное предложение) или только одной словоформой (односоставное предложение).

Соотношение структуры марийских пословиц и поговорок и структуры свободно организованных предложений показывает, что все они построены по одним и тем же структурным схемам.

При исследовании структуры марийских пословичных и поговорочных предложений мы выявляем не только структурные схемы, но и определяем синтаксические конструкции, так как они открывают различные стороны предложения как синтаксической единицы. Понимая предложение как синтаксическую единицу, грамматическим значением которой является предикативность, и соответственно, структурную схему предложения как его предикативную основу, мы определяем структурные схемы предложения.

Понимая предложение как комплекс конститутивных компонентов предложения, необходимых для того, чтобы вне контекста предложение могло выразить смысл, мы выявляем синтаксические конструкции предложения или, как их называет В.А. Белошапкова, «расширенные структурные схемы предложения» (2, с. 648).

1. В зависимости от цели высказывания (интонации) марийские пословичные и поговорочные предложения представлены следующими типами: повествовательными – 94 %, побудительными – 5 %, восклицательными – 0,6 % и вопросительными – 0,4 %.

Абсолютное большинство пословиц и поговорок марийского языка представлено в форме повествовательных предложений, которые выражают обобщенный опыт людей, отражают закономерности объективной действительности, обобщенно фиксируют факты, явления, события объективной реальности: *Эн сай йолташ – шке кид ден уш* – «Самые лучшие друзья – свои руки и голова» (3, с. 309), *Уда ег порым ок шарне, сай ег осалымат монда* – «Плохой человек добра не помнит, хороший человек и зло забывает» (3, с. 256).

Пословицы и поговорки, имеющие форму побудительного предложения, выражают побуждение к действию, поучение, совет, предостережение, запрет: *Ен ойгылан ит куане* – «Чужому горю не радуйся» (3, с. 49), *Шӱдӧ тенгелан ит куане, шӱдӧ таиглан куане* – «Не радуйся ста рублям, радуйся ста друзьям» (3, с. 302).

Поговорки в форме вопросительного предложения содержат высказывание в форме вопроса, на который не ожидается ответа, т. е. они представляют собой риторический вопрос: *Шортмо дене мо ушна, ойгырымо дене мам муат?* – «Что слезами сделаешь, чему поможешь горем?» (3, с. 292).

Поговорки в форме восклицательного предложения произносятся с особой интонацией и представляют собой эмоционально-насыщенное выражение: *Теве тыланет турня муно!* – «Вот тебе журавлиное яйцо!» (3, с. 246).

2. Марийские пословицы и поговорки со структурой **простого предложения** представлены двусоставными предложениями – 70 %, односоставными предложениями – 30 %.

Двусоставное предложение характеризуется наличием двух грамматических центров, образованных двумя главными членами предложения: подлежащим и сказуемым. Марийские пословицы и поговорки со структурой простого двусоставного предложения делятся на две группы по способу выражения подлежащего.

К первой группе относятся пословичные и поговорочные предложения, в которых функцию подлежащего выполняет именное слово (имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение или причастие) в именительном падеже единственного или множественного числа или сочетание форм, заменяющее именительный падеж именного слова. Пословицы и поговорки данной подгруппы построены по следующим структурным схемам: Nl – Vf (neg) – 58, 4 %, Nl – Nl (neg) – 25,8 %, Nl – Pred (neg) – 4,6 %, Nl – Nl V cop (neg) – 3,2 %, Nl – Nl *гай/ дене иктак* (neg) – 2,5 %, Nl – Inf Vf (neg) – 1,3 %, Nl – Adv Vf (neg) – 0,4 %, Nl – Inf (neg) – 0,3 %.

Как видим, марийские пословичные и поговорочные конструкции, организованные по структурным схемам Nl – Vf (neg) и Nl – Nl (neg), являются самыми многочисленными и представлены большим количеством разнообразных синтаксических конструкций. Первая модель наиболее часто представлена трехчленными и четырехчленными синтаксическими конструкциями, из них самыми употребительными являются ПДС и ОпПОбС, например: *Паша айдемым ок локтыл* – «Труд человека

не испортит» (3, с, 206), *Кугу кол келгыште ила* – «Большая рыба обитает в глубине» (3, с. 152).

Среди паремий второй модели абсолютное большинство составляют двучленные и трехчленные синтаксические конструкции, а именно ПС и ОпПС, например: *Илыш йыжыган* – «Жизнь переменчива» (3, с. 78), *Ик пеледыш – аршаш огыл* – «Один цветок – не букет» (3, с. 75).

Ко второй группе относятся пословичные и поговорочные предложения, в которых в роли подлежащего выступает неопределенная форма глагола. Народные изречения данной подгруппы организованы по следующим структурным схемам: Inf – Adv (neg) – 2,5 %, Inf – Part гай (neg) – 0,6 %, Inf – Nl (neg) – 0,3 %, Inf – Inf (neg) – 0,1 %. Среди паремий данной группы распространены пословицы и поговорки со структурной схемой Inf – Adv (neg), имеющие четырехчленные синтаксические конструкции: *Самырык имньым туныкташ куштылго* – «Молодую лошадь приручить легко» (3, с. 234).

Односоставное предложение характеризуется наличием одного грамматического центра, образованного только одним главным членом предложения. Пословицы и поговорки марийского языка со структурой односоставного предложения представлены: 1) обобщенно-личными – 77,3 %; 2) безличными – 16,0 %; 3) инфинитивными – 4,3 %; 4) номинативными предложениями – 2,4 %.

Пословицы и поговорки марийского языка со структурой односоставного предложения широко используют структурные схемы обобщенно-личного предложения, в котором функцию главного члена выполняет глагол в личной форме. Основное назначение обобщенно-личных предложений связано с образным выражением общих суждений, широких обобщений и наставлений. Они построены по следующим структурным схемам: Vf 2s Imper (neg), Vf 1s (neg), Vf 2s (neg), Vf 3s (neg), Vf 1pl (neg), Vf 3pl (neg). Характерными являются конструкции, организованные по структурным схемам Vf 2s Imper (neg), Vf 2s (neg), Vf 3pl (neg). Распространены следующие трехчленные синтаксические конструкции ОбДС: *Теретым ончен, йолетым чумалте* – «По саням протягивай ноги» (3, с. 247), *Кӱрым кырен, чаҥам от лӱдыктӧ* – «Колотя по лубку, галок не напугаешь» (3, с. 160), *Чодырашке пуым огыт шупшыкто* – «В лес дрова не возят» (3, с. 275); ДОбС: *Сӧснам пӧртыш ит пурто* – «Свинью в дом не пускай» (3, с. 239), *Оҥгырым помышышет от шылте* – «Колокольчик за пазухой не утаишь» (3, с. 189), *Мӧрым кӱмыж годым кочкыт* – «Клубнику едят, пока она зрелая» (3, с. 178); ОпДС: *Шырчык мурым ит муро* – «Не подражай пению скворца» (3, с. 306), *Йогышо вӱдым*

от чаре – «Текущую воду не остановишь» (3, с. 89), *Малыше азам огыт рӱпшӧ* – «Спящего ребенка не качают» (3, с. 166).

Пословицы и поговорки со структурой безличного предложения построены по следующим структурным схемам: Inf Pred (neg), Pred (neg), Adv Vf 3s (neg). Здесь характерными являются паремии со структурной схемой Inf Pred (neg), имеющие трехчленную синтаксическую конструкцию ДОбС: *Моторлыкым пазарыште налаш ок лий* – «Красоту на базаре купить нельзя» (3, с. 177).

Среди инфинитивных предложений преобладают такие предложения, в которых сказуемое выражено неопределенной формой глагола на *-ман*, обозначающим необходимость совершения какого-либо действия. В их основе лежит структурная схема Inf (neg), представленная преимущественно трехчленной синтаксической конструкцией ДОбС: *Нерым пеш кӱшкӧ нӧлтыман огыл* – «Не следует слишком высоко задирать нос» (3, с. 39).

Структуру номинативного предложения используют только поговорки, построенные по структурной схеме NNI (neg). В марийских номинативных предложениях главным членом является подлежащее. Эти предложения могут распространяться только с определением, которое всегда предшествует определяемому слову. Поэтому поговорки со структурой номинативного предложения имеют только одну синтаксическую конструкцию ОпП: *Пире чонан шорык* – «Овца с волчьей душой» (3, с. 271).

Итак, марийские пословицы и поговорки со структурой простого предложения характеризуются краткостью и четкостью, поэтому они чаще всего представлены синтаксическими конструкциями из трех или четырех компонентов.

Одной из характерных черт марийских народных изречений является наличие особых, наиболее часто используемых синтаксических конструкций. По этим синтаксическим конструкциям можно установить особенности порядка слов в пословицах и поговорках и даже в целом в марийском языке. В пословичных и поговорочных предложениях наблюдается тенденция подлежащего к препозиции по отношению к сказуемому, а сказуемого – к абсолютной постпозиции предложения. В редких случаях, когда сказуемое является логически и интонационно выделяемым членом предложения, оно занимает другую позицию. Пословичные и поговорочные предложения распространяются, главным образом, за счет дополнения и обстоятельства, реже – определения.

Основными способами выражения главных членов пословичных и поговорочных предложений являются: подлежащее – имя существитель-

ное в форме именительного падежа единственного числа, сказуемое – глагол в личной форме. Наиболее употребительной формой является форма настоящего-будущего времени изъявительного наклонения. Преимущественное употребление данной глагольной формы объясняется ее способностью выражать постоянное действие, т.е. обобщенное действие. Для выражения назидания, поучения, совета, наставления, запрета, побуждения к действию главный член обобщенно-личных предложений чаще всего выражается глаголом в форме повелительного наклонения, так как данная форма соответствует выражению этих значений.

3. Марийские пословицы и поговорки, соотносимые со структурой **сложного предложения**, в разной степени используют все структурно-семантические типы сложных предложений: сложносочиненных – 9,1 %, сложноподчиненных – 30,7 %, бессоюзных сложных – 53,2 %, сложных предложений усложненного типа – 7,0 %.

На основе структурно-семантических признаков, когда семантическая организация предложения определяется синтаксическими средствами связи, нами выявлены следующие разряды **сложносочиненного предложения**: с соединительными союзами *да, -ат* – 18,8 %, противительными *да, но* – 57,3 %, сопоставительными *а* – 21,7 %, разделительным *ала* – 1,5 %. Самую большую группу образуют сложносочиненные предложения, части которого связаны противительными союзами *да* и *но*. *Пырыс колым йӧрата, да йолжым нӧрташ лӱдеш* – «Кошка рыбу любит, да боится лапки замочить» (3, с. 229), *Олмапум шынде,* но *олмажым эн ондак шке кочкаш ит вашке* – «Яблоню посади, но сам раньше других не спеши отведать яблоки» (3, с. 195).

Пословицы и поговорки со структурой **сложноподчиненного предложения** делятся на предложения расчлененной структуры – 77,4 % и нерасчлененной структуры – 22,6 %. Расчлененную структуру имеют пословицы и поговорки со структурой сложноподчиненного предложения с союзным подчинением, которые делятся на следующие группы: причины – 1,6 %, цели – 0,6 %, уступки – 15,4 % и условия – 82,4 %. Нерасчлененной структурой обладают пословичные и поговорочные конструкции со структурой сложноподчиненного предложения местоименно-соотносительного типа. Как правило, в сложноподчиненных пословичных и поговорочных предложениях придаточная часть находится в препозиции к главной. Распространены пословичные и поговорочные предложения с придаточными реального условия. Значение реального условия выражается союзом *гын* «если», находящимся в придаточной части: *Кайыкше весе гын, мурыжат весе* – «Если птица другая, то и песня другая» (3, с. 115).

Бессоюзные сложные предложения по характеру отношений между частями делятся на группы однородного состава и неоднородного состава. Преобладают предложения однородного состава, которые по структурно-семантическому признаку делятся на следующие группы: противопоставления – 35 %, сопоставления – 24 %, соответствия – 7 %, перечисления – 5 %. Предикативные части бессоюзных сложных предложений неоднородного состава выражают следующие отношения: причинно-пояснительные – 15 %, условно-следственные – 12 %, изъяснительные – 1 %, присоединительные – 1%. Части бессоюзного сложного предложения, как правило, состоят из двух или трех компонентов и строятся по одной и той же структурной схеме, т.е. они организуются по принципу *синтаксического* параллелизма: *Пиал корно кӱчык, ойго корно кужу* – «Счастье коротко, несчастье долго» (3, с. 213), *Нур шинчан, кожла пылышан* – «Лес с ушами, поле с глазами» (3, с, 188).

Пословицы и поговорки со структурой **сложного предложения усложненного типа** состоят из нескольких предикативных частей, представляющих собой эквиваленты двусоставных или односоставных предложений. Предикативные части соединяются между собой союзной или бессоюзной связью, из них чаще всего используются подчинение и бессоюзная связь. Самую большую группу образуют четырехкомпонентные конструкции, состоящие из двух частей, каждая из которых включает в себя по две предикативные части, соединенных однотипной связью: *Ушан дене шлет* **гын**, *ушым налат, ушдымо дене шлет* **гын**, *шкендынымат йомдарет* – «Если с умным живешь, то ума наберешься, если с глупым живешь, то и свой ум потеряешь» (3, с. 261).

Итак, жанровые структурные особенности пословиц и поговорок обусловили распространенность таких структурно-семантических типов предложений, как бессоюзные сложные предложения со значением противопоставления и сопоставления и сложноподчиненные предложения с придаточными условными.

Пословицы и поговорки со структурой сложного предложения, как правило, состоят из двух, тесно связанных в смысловом плане частей. Эти части представляют собой эквиваленты простого двусоставного предложения, структурные схемы которых реализуются двух- или трехчленными синтаксическими конструкциями. В качестве составных частей сложного предложения нередко выступают обобщенно-личные предложения, что объясняется как грамматическими особенностями данного типа предложений, так и обобщающим характером этих народных изре-

чений: *Чарныде ончыко кает гын, мӱндыркӧ шуат* – «Если, не останавливаясь, будешь идти вперед, то далеко пойдешь» (3, с. 277).

Пословицам и поговоркам свойственно использование в качестве частей сложных предложений неполных и эллиптических построений, что обусловлено стремлением народных изречений к лаконичности: *Моторлык – кас марте, порылык – ӱмыр мучкылан* – «Красота до вечера, доброта на всю жизнь» (3, с. 177).

Характерной чертой пословиц и поговорок со структурой сложного предложения является их структурная однотипность, т.е. лексико-грамматический параллелизм построения частей.

Для выражения различных значений между частями сложного предложения, а также для усиления эмоциональности и экспрессивности используются такие лексико-грамматические средства, как антонимы и контрастные слова, тематическая лексика и повторы слов, антонимичное употребление отрицательной и утвердительной формы глаголов: *Поро мут – эм, шакше мут – аяр* – «Доброе слово – лекарство, злое слово – яд» (3, с. 221), *Пӱсӧ йылме – пӧлек, кужу йылме – омыта* – «Острый язык – подарок, длинный язык – хомут» (3, с. 228), *Ужшыжо ок шинче, уждымыжо шинча* – «Видевший не знает, не видевший знает» (3, с. 256).

Таким образом, основной синтаксической отличительной чертой марийских пословичных и поговорочных предложений является избирательное использование структурных схем и синтаксических конструкций. В целом марийские пословицы и поговорки представляют собой предельно лаконичные изречения с совершенной синтаксической организацией.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

П – подлежащее

С – сказуемое

Д – дополнение

Об – обстоятельство

Оп – определение

Nl – именное слово (имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение) в именительном падеже или сочетание форм, его заменяющее

Vf – личная форма глагола

Vcop – глагол-связка

Inf – инфинитив

Pred – безлично-предикативное слово

Adv – наречие

Part – причастие

Imper – повелительное наклонение
neg – отрицательная форма
1s – форма 1 лица единственного числа
2s – форма 2 лица единственного числа
3s – форма 3 лица единственного числа
1pl – форма 1 лица множественного числа
3pl – форма 3 лица множественного числа

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
2. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989.
3. *Китиков А. Е.* Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола, 1991.

Elina Lebedeva

SYNTACTICAL CHARACTERISTIC FEATURES OF MARI PROVERBS AND SAYINGS

The author of the report gives an analysis of the structure and syntactical peculiarities of Mari proverbs and sayings. Structural analysis of the proverbs and sayings as a language unit has theoretical and practical importance because it allows to define the proverbs and sayings as a structural scheme widely used in grammatical level. This analysis has scientific interest for the Finno-Ugric linguistics. The author notes that Mari proverbs and sayings are utmost laconic aphorisms with the modern syntactical constructions.

«Финно-угроведение», 2004, №2.

ПЕРСОНАЛИИ

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

СЕППО ЛАЛЛУККА
(к 60-летию со дня рождения)

Директор Института России и Восточной Европы (Хельсинки), доктор общественных наук Сеппо Лаллукка – видный ученый-демограф, этнолог, финно-угровед, действительный член Российской Академии гуманитарных наук, известный исследователь этнических процессов народов Поволжья и Приуралья, автор многочисленных статей, в том числе и нескольких монографий, опубликованных во многих странах мира и в России.

Родился он 22 марта 1944 года в небольшом городе Антреа недалеко от г. Выборга. Высшее образование получил на факультете общественно-политических наук университета Хельсинки, завершив образование в 1970 году. Свою научно-преподавательскую деятельность Сеппо Лаллукка начал в качестве ассистента кафедры социальной политики университета Хельсинки, где проработал с 1971 по 1975 год. Затем его приглашают на работу в Институт России и Восточной Европы (Институт Советского Союза), где он начинает работать научным сотрудником (1975–93 гг.), старшим научным сотрудником (1995–2003 гг.). С 2003 года Сеппо Лаллукка назначается директором этого института.

С.Лаллукка, будучи студентом университета, заинтересовался историей финно-угорских народов и мечтал увидеть и познакомиться с культурой этих родственных по языку этносов, проживающих в России. Его кандидатская диссертация, защищенная в 1978 году в университете Хельсинки, была посвящена демографии финно-угорских народов. Однако, в период «железного занавеса» в Советском Союзе зарубежным исследо-

вателям было сложно попасть на этнические территории этих народов. Желание Сеппо Лаллукки осуществилось в 1988 году, когда он приехал в г. Йошкар-Олу, связав свою поездку с творчеством и столетним юбилеем основоположника марийской литературы С.Г. Чавайна. Поездка для него была очень интересной и полезной, так как он впервые увидел представителей марийского этноса и услышал их язык. Следующий его приезд в 1989 году в г. Йошкар-Олу был связан с Первым международным конгрессом финно-угорских писателей, проведенным по инициативе Председателя Союза писателей Марийской АССР Н.Ф. Рыбакова. В дни конгресса Сеппо Лаллукка познакомился со многими представителями творческой интеллигенции финно-угров Советского Союза, что расширило его знания об этносах. В этот период он продолжал работать над своей монографией, посвященной демографическим процессам у коми, марийцев, мордвы, удмуртов. Исследование было опубликовано в 1990 году на английском языке (The East Finnic Minorities in Soviet Union. Helsinki, 1990) в научной серии Финской Академии Наук (1).Эта работа за высокий научный уровень была награждена специальным призом университета Хельсинки в 1991 году как одно из выдающихся диссертационных исследований в области демографии. Характерной особенностью является то, что книга написана на стыке различных исторических дисциплин, но предпочтение отдано демографическим процессам, происходившим у восточно-финских народов за длительный хронологический период. Монография содержит десять глав: введение; теоретический взгляд на этничность и этническую эрозию; исторический очерк; советские переписи населения как источник сведений о национальности и языке; динамика численности и расселение восточно-финских народов; демографический обзор; языковые предпочтения и распространение двуязычия; национально-смешанные браки и семьи; измерение ассимиляции: мониторинг когорт; общие итоги исследования. Основной целью данного исследования автор считал расширение спектра зрения на изучение финно-угорских народов, обойденных вниманием западной общественной наукой. В истории науки – это первое исследование о четырех финно-угорских народах на основе широчайшего круга разнообразных источников: теоретических, исторических, статистических данных переписей, анализа социально-экономических, культурных, языковых и семейно-брачных и других процессов.

Это исследование привлекло внимание не только финно-угорских, но и многих других ученых своим глубоким научным анализом и выводами. 90-е годы характеризуются тем, что для зарубежных ученых стали

доступными регионы проживания малочисленных российских народов, в том числе финно-угорских. У Сеппо Лаллукки появилась возможность расширить свою источниковедческую базу исследования и выезжать в экспедиции для сбора полевого материала. Ему удалось собрать значительный материал, который дополнил общую картину этнодемографических процессов у этих этносов.

В 1997 году переработанное издание о восточно-финских народах вышло на русском языке (Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997) при финансовой поддержке Института России и Восточной Европы и Министерства просвещения Финляндии по инициативе Российской Академии гуманитарных наук (2). Издание этого исследования сделало книгу доступной для российских ученых. Автор, делая выводы, подчеркнул, что перспективы развития восточно-финских народов представляются малоутешающими. Опасность, которая размывает их самобытность и демографическую базу, тесно связана с общими неизбежными процессами модернизации, урбанизации и индустриализации. Восточно-финским народам предстоит оставаться открытыми внешним влияниям, которые постепенно подвергают их деэтнизации. Положение усугубляется и тем, что немалая часть этих народов довольно равнодушно относится к своей национальной культуре и даже смирилась с тихой ее гибелью. Сеппо Лаллукка отметил, что национальные движения, характерные для 90-х годов, характеризуются как весьма умеренные, которые пережили как подъем, так и спад (2, с. 303, 305). Автор на основе анализа многочисленных и разнообразных источников раскрыл общее представление о современной этнодемографической ситуации и об эрозийных тенденциях у коми, марийцев, мордвы и удмуртов. Эта монография – несомненно, значительный научно-теоретический вклад в изучение социально-демографического развития финно-угорских этносов России.

90-е годы XX в. для Сеппо Лаллукки были очень насыщенными в плане научных командировок и экспедиций, участия в международных, региональных конференциях и симпозиумах. Он очень плодотворно работает. Ученый ставит перед собой задачу исследования крупных диаспорных групп финно-угорских народов. Его научный проект «Коми-пермяки: территория, демографическое развитие и трансформация этничности» был поддержан исследовательским грантом Академии наук Финляндии в 1993–95 годах. В первой половине 90-х годов он совместно с этнографами из Коми научного центра УрО РАН проводит экспедиции к коми-пермякам и собирает богатый этнологический, демографи-

ческий материал, который был использован в монографии, посвященной этому этносу. Книга на финском языке вышла под названием «Коми-пермяки – народ окраинной земли. Периферизация, ассимиляция и постkоммунистический перелом» (3). В предисловии автор отмечает, что обратиться к исследованию коми-пермяков его побудили новые возможности для зарубежных исследователей, открывшиеся в последние десятилетия, – возможности изучения финно-угорских народов непосредственно в их этнической среде. Монография состоит из 6 глав. Первая глава посвящена теме исследования, в ней дается общая характеристика этноса, демографические данные. Вторая глава включает обобщающе-теоретический анализ и называется «Родина, периферия национальных меньшинств и политизация этничности». По мнению С.Лаллукки, Коми-Пермяцкий округ по классификации западноевропейских этнологов подходит по типу периферий к внешней колонии. В данной главе автор рассмотрел факторы национальной и региональной мобилизации, которая происходила в России как следствие и результат посткоммунистического перелома.

Третья и четвертая главы посвящены истории, языку, культуре, типам расселения, демографической характеристике коми-пермяков. Пятая глава посвящена социально-экономическому положению этноса в первой половине 90-х годов. В завершающей шестой главе автор констатирует сложность этнического развития народа, подтверждая анализом демографических, социологических, статистических и других данных. Это исследование С.Лаллукки – фундаментальный труд по этнодемографии коми-пермяков.

После завершения работы над монографией, посвященной коми-пермякам, ученый продолжает свои полевые экспедиции, его внимание привлекли восточные марийцы – одна из крупнейших диаспорных групп, проживающих на большой территории в Пермской, Свердловской областях, в Республиках Башкортостан и Татарстан. Во второй половине 90-х годов ученый ежегодно выезжает в длительные командировки в регионы проживания восточных марийцев для сбора статистического, этнологического, социологического и другого материала. Для сбора массового материала исследователь пользовался анкетами.

Изучая восточно-финские народы, Лаллукка разрабатывал и научно-теоретические вопросы, связанные с типологией диаспорных идентичностей финно-угров России. В одной из своих статей он отметил, что большой удельный вес диаспоры в совокупности всех российских финно-угров говорит о том, что судьбы этих народов в значительной степе-

ни связаны с процессами в диаспорных группах. Диаспоры более подвержены эрозийным процессам, так как поддержка национальной культуры и языка в основном сосредоточена в титульных автономиях (4, с. 55). С конца 80-х годов прошлого века произошло «обретение» финно-уграми своей диаспоры. В частности, оно проявлялось в росте количества научных публикаций и познавательных материалов, посвященных диаспорным группам финно-угорских этносов. Однако, ощущается явный недостаток научно-теоретических исследований, нет и подробных карт по современному расселению диаспор. Исследователь неоднократно в своих работах подчеркивал, что подход к истории того или иного народа должен отличаться целостностью, т.е. охватывать все его группы. А применительно к изучению диаспор это означает необходимость рассмотрения каждой группы не изолированно, а в контексте истории всего народа (4, с. 56).

Собрав значительный полевой, исторический, архивный, статистический, социологический материал по диаспорной группе восточных марийцев, Сеппо Лаллукка проанализировал его в следующем монографическом исследовании, вышедшем в 2003 году в академической серии на английском языке (5) под названием «От беглых крестьян к диаспоре. Восточные марийцы в царской и федеральной России». Необходимо отметить, что все работы финского ученого отличаются разнообразным и обширным количеством источников, рассматриваемых вопросов и проблем, исследовательским анализом, интересными выводами на перспективное развитие финно-угорских народов. И эта книга также написана в лучших традициях финской этнологической науки. Монография содержит десять глав: введение; внутригосударственная диаспора и этнические мобилизации; 16 век и начало восточного давления; восток Вятки: миграционный толчок; национальное движение, территориальное разрешение и укрепление отношений диаспора-родина; текущее распределение поселений, населенных пунктов, этнических округов; деревенские общины, тенденции роста населения XX века; переход к постсоветскому пути; отношения диаспора-родина: перспектива востока; заключение. Автор показал развитие этнических процессов у восточных марийцев за длительный исторический период с момента переселения на восток до современных дней. В начале книги С.Лаллукка анализирует теоретические работы, посвященные структуре диаспорных групп, выделяет типологию диаспорных групп марийцев. Для этого исследования характерен широкий хронологический диапазон – с позднего средневековья по современный период. Автор рассматривает различные вопро-

сы, связанные с этнической историей марийского этноса: территорию расселения в различные эпохи, межэтнические контакты со славянами, тюркскими народами, вхождение в состав Русского государства, черемисские войны – трагичный период для народа, положение марийцев в составе Русского государства и др. Исследователь характеризует причины и предпосылки миграционных волн на восток в Башкирию и Приуралье, возникновение разных территориальных групп восточных марийцев. Сеппо Лаллукка привлек значительный статистический материал для показа демографических процессов у данной диаспоры в различные исторические периоды. Он раскрывает характер взаимоотношений диаспоры с прародиной как в дореволюционное, так в советское и постсоветское время. Он подробно останавливается на процессах этнической мобилизации, характерной для 20–30-х, 80–90-х годов прошлого столетия, и связях между диаспорой и родиной, на общественно-демократическом движении марийцев (Марий ушем, Конгресс марийского народа). С.Лаллукка характеризует и культурное сотрудничество диаспоры и Республики Марий Эл. Книга богато иллюстрирована картами, картосхемами, статистическими таблицами, диаграммами, демонстрирующими расселение, миграционные потоки, демографические показатели восточных марийцев за длительный исторический период, что обогащает исследование. Эта книга – несомненно, значительный вклад в изучение истории, этнических процессов восточных марийцев. МарНИИЯЛИ, научные круги Республики Марий Эл рассматривают возможность авторизованного переиздания этой книги на русском языке для широкого круга читателей.

Очевидно, немалую роль в удавшейся научной карьере С.Лаллукки сыграла его жена Габриэлла Лаллукка – преподаватель русского языка университета Хельсинки. Она всегда поддерживала супруга во всех научных поисках, неоднократно помогала ему в экспедициях, проводившихся среди финно-угорских народов России, давала советы и была «критиком» его исследовательских работ.

Сеппо Лаллукка – один из инициаторов развития финно-угорских связей в постсоветский период и создания финского Общества им. М.А. Кастрена в 1990 году, является членом правления этой организации. Основная цель общества – укрепление и поддержка культурных связей с финно-угорскими народами России. С.Лаллукка оказывал и оказывает большую научно-методическую и консультативную помощь многим финно-угорским ученым. В финно-угорском мире он хорошо известен и заслужил глубокое уважение среди исследователей как талантливый,

скрупулезный ученый-демограф, внесший значительный вклад в изучение этнических процессов восточно-финских народов России. Несмотря на занятость, он до сих пор ведет большую общественную работу. Сеппо Лаллукка являлся членом правления Финского демографического общества (1977–80, 1983–87 гг.), он член Совещательной комиссии по осуществлению финляндской Программы поддержки финно-угорских народов России при Обществе им. М.А. Кастрена с 1994 года, член Международного программного комитета шестого Мирового конгресса по изучению России и Восточной Европы с 1997 по 2000 год, член правления Финляндского общества по изучению России и Восточной Европы с 1989–93 и с 2003 года.

Сеппо Лаллукка отличается тем, что всегда неустанно трудится не только на научной ниве, но и с удовольствием изучает языки. Кроме своего родного финского языка, он хорошо говорит по-английски, по-шведски, по-русски. Читает на немецком, эстонском, венгерском языках, преуспел он и в изучении марийского языка. На марийском языке Сеппо Лаллукка несколько раз выступал с докладами на научных конференциях в г. Йошкар-Оле. Он очень одаренный, трудолюбивый и увлеченный исследователь. Научная общественность Республики Марий Эл, научный коллектив МарНИИЯЛИ, редколлегия журнала «Финно-угроведение» сердечно поздравляют Сеппо Лаллукку со славным юбилеем, сердечно желают крепкого здоровья, творческих успехов во всех делах!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Lallukka S.* The East Finnic Minorities in the Soviet Union // Annales Academiœ Scientiarum Fennicœ. Vol. 252. Helsinki, 1990.

2. *Лаллукка Сеппо.* Восточно-финские народы России. СПб., 1997.

3. *Lallukka S.* Komipermjakit – peramaankansa. Syrjatyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros. Helsinki, 1995.

4. *Лаллукка С.* К типологизации развития диаспорных идентичностей финно-угров России // Финно-угроведение. № 1. 1999.

5. *Lallukka S.* From Fugitive Peasants to Diaspora: The Eastern Mari in Tsarist and Federal Russia // Annales Academiœ Scientiarum Fennicœ, Humaniora. Vol. 328. Helsinki, 2003.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ С.ЛАЛЛУККИ*

From Fugitive Peasants to Diaspora: The Eastern Mari in Tsarist and Federal Russia. Annales Academiœ Scientiarum Fennicœ, Humaniora, vol. 328 (2003).

Финские исследователи народов коми в XIX в. и их деятельность в финском национальном движении // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья. Пермь, 2002. С. 54–60.

Чердынско-язьвинский край в конце XIX в. глазами финского студента Севери Ньюмана // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья. Пермь, 2002. С. 61–73 (в соавторстве с Г.Чагиным).

Ассимиляционные процессы среди финно-угорских народов России во второй половине XX века // АЭМК. Вып. 26. Йошкар-Ола, 2002. С. 34–44.

Incidence of and trends in Finnic-Slavic-Turkic marital contacts. Current evidence from the lower Kama region // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7. 13.8.2000 Tartu. Pars VII. Tartu, 2001, s. 385–92.

Ural Mari settlement patterns in the pre-revolutionary period // Finno-ugrovedenie, 2001, No.1, pp. 66–76.

Finno-Ugrians of Russia: Vanishing Cultural Communities? // Nationalities Papers, vol. 29 (2001), no.1, pp. 9–39.

Continuing with Perm", Turning to Syktyvkar, or Standing on One's Own? The Debate about the Status of the Komi-Permiak Autonomous Okrug // Nationalities Papers, vol. 29 (2001), no.1, pp. 129–51 (in coauthorship with Liudmila Nikitina)

Minoritätssplinter am Ural: Bevölkerungs- und Sprachentwicklungstendenzen in tscheremissischen Dorfgemeinschaften // Ural-Altaische Jahrübcher, Neue Folge, Bd. 16 (1999/2000), pp. 76–109.

Диаспора. Теоретический и прикладной аспект // Социологические исследования. 2000. №7. С. 91–98.

Формирование национальных движений на окраинах империи. Вводные заметки // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX в. / Под ред. С.Лаллукки и Т.Молотовой. Ижевск. 2000. С. 5–13.

К типологизации развития диаспорных идентичностей финно-угров России // Финно-угроведение. 1999. №1. С. 44–56.

Below the Republican Level: Political Origins and Social Status of the Literary Komi-Permiak Language // Language and Society in Post-Communist Europe, ed. by J. A. Dunn. London: Macmillan, 1999, pp. 47–69.

Die finnisch-ugrischen Völker in Rußland aus bevölkerungsstatistischer Sicht // Göttinger Bibliotheksschriften, Bd. 10 (Sibirien, Finnland, Ungarn. Finnish-ugrische Sprachen und Völker in der Tradition eines Göttinger Sondersammelgebietes, 1998), pp. 308–21.

Volgalais-permiläiset kansatja venäläistymisen ongelma // Ison karhun jälkeläiset. Ed. by Pekka Hakamies (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 697). Helsinki: SKS, 1989, pp. 85–98.

---

*Сведения взяты из Интернета, сайт http://www.rusin.fi/eastmari/eng/seppo/pb.htm.

Suomalais-ugrilaiset kansanliikkeet ja uusi Venäjä // Studia Exotica. Kadonneet kulttuurit. Helsinki: Helsingin yliopiston vapaan sivistystyön toimikunta, 1998, pp. 35–50.

Штрихи к этнической карте Северо-Запада России (1926–1959 гг.) // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т.Викхавайнена и И.Такала. Петрозаводск, 1998. С. 42–65.

Некоторые наблюдения о сылвинских марийцах Пермской области // Пермский край: прошлое и настоящее (к 200-летию образования Пермской губернии). Пермь, 1997. С. 30–32.

Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997.

"The breakdown of Tver" Karelian demographic continuity // Ethnic and Racial Studies, vol. 19 (1996), no.2, pp. 316–38.

Komi-Permiak and Russian: Changing Patterns in Linguistic Attachment of a Small Finno-Ugric Group // Eurasian Studies Yearbook, vol. 68 (1996), pp. 145–65.

National-Russian Linguistic Patterns in Komi-Permiak Age and Residential Groups // Specimina Sibirica, vol. 12 (1996), pp. 103–19.

Komipermjakit – perämaan kansa. Syrjäytyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros . Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti, 1995, ix+198 p.

Assimilation and Its Measurement: Finno-Ugrian Peoples of Russia // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Orationes plenariae et conspectus quinquennales. Redegit Heikki Leskinen. Jyväskylä, 1995, pp. 83–96.

Territorial and Demographic Foundations of Komi-Permiak Nationality // Nationalities Papers, vol. 23 (1995), no.2, pp. 353–71.

Ассимиляция и численное развитие коми-пермяков // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995. С. 122–24.

Наследие академика Шегрена и некоторые задачи изучения финно-угорских народов России // Финно-угроведение. 1995. №1. С. 55–61.

Maris // Encyclopedia of World Cultures. Volume VI. Russia and Eurasia/China. Ed. by Paul Friedrich and Norma Diamond. Boston: G. K. Hall & Co., 1994, pp. 255–58.

The Status of the Volga-Finnic Languages in the Soviet Comprehensive School // NSL.7. Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics. Ed. by Howard I. Aronson. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1994, pp. 187–210.

Valtakunta ja vähemmistöperiferia Venäjän muuttoliikkeessä // Idäntutkimus, vol. 1 (1994), no.1, pp.56–69.

Казанская семинария учителей и пробуждение финских народов в регионе между Волгой и Уралом // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 7. С. 38–50.

Between Assimilation and Accomodation: Problems of Komi-Permiak Identity Maintenance // Studia Slavica Finlandensia, vol. 11 (1994), pp. 101–18 (in coauthorship with Iu. P. Shabaev and V. S. Derjabin).

East Finnic Population Trends Since 1959 // Specimina Sibirica, vol. 8 (1993), pp. 83–93.

Tverinkarjalainen väestöromahdus // Suomen Antropologi, 1992, no.3, pp. 59–71.

Venäjän uralilaisten kansojen tilastoa. Venäjän ja Itä-Euroopan instituutin julkaisusarja A, 16 (1992), 40 p.

Assimilation of the Karelians in the Soviet Union: A Demographic Appraisal // The Politics of Nationality and the Erosion of the USSR. Ed. by Zvi Gitelman. London: St. Martin's Press 1992, pp. 102–25.

100 лет со дня рождения марийского классика // Живое наследие. Йошкар-Ола, 1992. С. 128–135.

Volgalais-permiläisten kielten nykytilanne ja tulevaisuus // Kieliposti, 1991, no.4, pp. 16–23.

Befolkningserosionen // Nordisk Østforum, 1991, no.2, pp. 45–49.

Volgalais-permiläisten kansojen väestöllinen eroosio // Historiallinen aikakauskirja, 1991, no.1, pp. 15–19.

The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends. Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ, ser. B, vol. 252 (1990), 344 p.

Karjalaisasutuksen eroosio Neuvosto-Karjalassa // Suomen Antropologi, 1990, no.3, pp. 3–14.

Kazan Teacher's Seminary and the Awakening of the Finnic Peoples of the Volga-Urals Region // Studia Slavica Finlandensia, vol. 4 (1987), pp. 143–65.

Changing Age-Sex Composition as an Indication of Ethnic Reidentification: the Mordvins // Nordic Journal of Soviet and East European Studies, vol. 4 (1987) no.4, pp. 35–55.

Imeväiskuolleisuuden kehitys Neuvostoliitossa 1970-luvulla // Sosiaalilääketieteellinen Aikakauslehti, vol. 22 (1985), pp. 68–80.

Työvoiman tarjonnan ja väestöpolitiikan näkymiä Neuvostoliitossa vuoteen 2000 // Näkökulmia nykypäivän neuvostoyhteiskuntaan. Ed. by Jyrki Iivonen. Tampere: Finnpublishers, 1985, pp. 25–50.

A Demographic Outline for the Development of Soviet Society // Nordic Journal for Soviet and East European Studies, vol. 1 (1984) no.3, pp. 71–104.

Neuvostoliiton suomalais-ugrilaiset kansat uusimpien väestönlaskentojen valossa // Virittäjä, vol. 86 (1982) no.2, pp. 187–205.

Suomalais-ugrilaiset kansat Neuvostoliiton uusimpien väestönlaskentojen valossa // Neuvostoliittoinstituutin julkaisusarja A, vol. 11 (1982), 131 p.

Some Demographic and Linguistic Trends among Soviet Nationalities According to Census Data // Bidrag till öststatsforskningen, 10 (1982) No.1, pp. 86–110.

***

Nationalities Papers / Co-edited with Paul Fryer, vol. 29 (2001), no. 1.

Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX в. / Под ред. С.Лаллукки и Т.Молотовой. Ижевск, 2000.

Proceedings of the First Finnish-Soviet Seminar on Demography. Publications of the Finnish Demographic Society / Ed. S.Lallukka, vol. 8 (1984).

«Финно-угроведение», 2004, №2.

Валерий Никитин
Йошкар-Ола

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОЛЬШОВ
(к 50-летию со дня рождения)

Сергея Большова я знаю давно. Будучи студентом историко-филологического факультета Марийского государственного университета, он с 1977 года ежегодно принимал участие в моих экспедициях. Появился он как-то внезапно, без предварительных договоренностей, красивый, модно одетый, всегда аккуратный и приветливый, приятный в общении, исполнительный и надежный. Мне приходилось поручать ему различные работы: организацию полевого лагеря, хозяйственно-бытовое обеспечение, организацию досуга для студентов-практикантов, руководство раскопом. Все поручения он выполнял с присущей ему добросовестностью.

Сергей Владимирович Большов родился 12 сентября 1954 г. в г. Сольцы Новгородской области в семье военнослужащего. После окончания средней школы в г. Бобруйске проходил срочную службу в авиационном полку в Подмосковье. С 1975 г. он студент Марийского государственного университета, который закончил в 1981 г. по специальности «история». Со студенческих лет у него проявился интерес к археологической науке. Он активно работает в археологическом кружке университета. Как староста кружка планирует его работу, ведет подготовку научных студенческих докладов, постоянно участвует в студенческих региональных и союзных конференциях. В составе Марийской археологической экспедиции проводит самостоятельные разведки в зоне затопления Чебоксарского водохранилища. В эти годы формируется круг его научных интересов – древнейшая история населения Среднего Поволжья и Прикамья.

Став сотрудником Марийского республиканского научно-краеведческого музея в 1981 году, он продолжает заниматься полевыми археологическими работами в составе Марийской археологической экспедиции, а вскоре организовывает свою экспедицию при музее. Работая в музее, он

создает детскую археологическую школу, в которой готовит 12–13-летних ребятишек для полевых археологических работ. Эту школу прошли десятки учеников, некоторые из них навсегда влюбились в археологию и, став взрослыми, продолжают помогать Сергею Владимировичу «на лопате» или в организации экспедиционного быта и досуга. Совместно с учениками, ставшими студентами историко-филологического факультета Марийского государственного университета, опубликовано несколько научных статей в археологических сборниках по проблемам абашевской культуры.

Начав заниматься профессионально археологией, темой своего исследования Сергей Владимирович выбирает эпоху бронзы и, в частности, проблему формирования и развития абашевского населения в Среднем Поволжье. Но круг его полевых изысканий значительно шире: от поселений эпохи неолита до могильников раннего железного века. Благодаря его усилиям, был исследован уникальный для нашего региона некрополь раннего железного века на острове в Чебоксарском водохранилище, катастрофически разрушавшийся в результате расположения его вблизи фарватера р. Волги. Материалы могильника опубликованы в монографии: «Могильник на острове Мольбищенский» в 1988 г. Он с одинаковым интересом исследует энеолитические поселения в устье р. Ветлуги и на р. М. Кокшага. В результате нескольких сезонов он полностью исследует абашевский могильник у д. Пеленгер, ведет работы на Виловатовском II могильнике, собирая материал для будущей диссертации. Без отрыва от производства, он в 1993 году окончил аспирантуру при Казанском филиале АН СССР под руководством доктора исторических наук, профессора Альфреда Хасановича Халикова, а в 1994 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Средневолжская абашевская культура» в Удмуртском государственном университете.

С 1996 года Сергей Владимирович работает в Марийском научно-исследовательском институте сначала научным сотрудником, а затем старшим научным сотрудником отдела археологии. Сергей Владимирович – автор более 40 научных статей, монографии «Средневолжская абашевская культура» (2003 г.) и учебного пособия «В гостях у наших предков» (2001 г.).

Сергея Владимировича интересуют проблемы культурогенеза Среднего Поволжья эпохи бронзы. Совместно с учеными Марийского государственного технического университета этой проблемой он занимался по гранту РФФИ. Ими создана база данных и разработана программа системного анализа памятников эпохи бронзы средневолжского региона.

Неоднократно Большов С.В. выступал с научными докладами на региональных, всероссийских и международных конференциях и симпозиумах (гг. Казань, Ижевск, Пермь, Оренбург, Самара, Саратов, Чебоксары, Киров, Воронеж и др.).

При активном участии Сергея Владимировича создан Музей истории МарНИИЯЛИ, который открылся к III Международному историческому конгрессу финно-угроведов. Экспозиция музея вызвала большой интерес участников конгресса.

В настоящее время Сергей Владимирович полон энергии и решимости вести дальнейшие исследования сложной проблемы соотношения различных территориальных групп абашевского населения. Желаем ему быстрейшего разрешения этих вопросов и надеемся в ближайшем будущем увидеть его следующую монографию – основу докторской диссертации.

«Финно-угроведение», 2004, №2.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Сборник документов и материалов. 2-ое издание, дополненное и переработанное. Коми книжное издательство. Сыктывкар, 2004. 288 с.

Сборник документов и материалов «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», вышедший в преддверии 60-летия Победы вторым изданием, является результатом большой и углубленной работы историков Республики Коми, подготовивших и выпустивших немало тематических сборников документов и источников по истории республики. Рассматриваемый сборник не является простым переизданием 1982 года. За двадцать с небольшим лет в отечественной исторической науке произошли кардинальные перемены, позволившие приоткрыть завесу умолчания вокруг немалого круга проблем: ГУЛАГ, спецпереселенцы, трудпоселенцы, беспризорные, заключенные, военнопленные.

Расширившаяся за последнее время источниковая база позволила современным исследователям по-новому рассмотреть и оценить уже известные науке факты и в контексте ранее недоступных материалов и источников увидеть во всей перспективе и глубине небывалый подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Труд историков Коми существенно обогащает наше представление о вкладе в победу в Отечественной войне тружеников тыла.

Первый раздел «Мобилизация людских, материальных и финансовых ресурсов на борьбу с врагом» рассказывает о начальном периоде войны. Материалы газет, среди которых наиболее интересные – «За новый Север» и архивные документы, воссоздают атмосферу первых дней Великой Отечественной войны в Коми АССР. Патриотическое движение, запись добровольцев на фронт, создание народного ополчения, перестройка всего народного хозяйства на военный лад – всего лишь небольшая часть проблем, вставших перед партийным и советским руководством.

Мы можем видеть, каким широким и многоотраслевым комплексом была экономика этой финно-угорской республики, дававшей стране лес, уголь, нефть, газ, оленей, сани, лыжи, продукты сельского хозяйства. Все было поставлено на поддержку Красной Армии: и военное обучение, и спорт, и сбор средств на строительство танков и самолетов.

Республика Коми гордится и тем, что ее сыновья принимали участие в партизанской войне против врага в лесах Карелии.

Второй раздел сборника – «Труд во имя Победы. Материальное положение трудящихся республики» – наиболее обширный: он содержит 78 документов, дает возможность оценить величие подвига тружеников тыла. Среди тех, кто отдавал все силы победе над гитлеровской Германией и создавал могучую экономику, мы видим стахановцев, комсомольцев, труд- и спецпоселенцев, женщин, детей и подростков, заключенных. Документы показывают, как рабочие поселки Воркута и Ухта превращались в промышленные города, какими человеческими жертвами оплачивалось строительство промышленных предприятий, какими материальными затратами достигалось выполнение плановых заданий. Данные по Северо-Печорской железной дороге, показывающие уровень аварийности и низкого качества работ, как бы оттеняют, делают более выпуклыми факты трудового героизма, как, например, машинист Елена Чухнюк, водившая поезда по неосвоенной трассе в 50–60-градусные морозы. Не случайно ее трудовой героизм был отмечен Золотой Звездой Героя Социалистического Труда.

Подвиг тружеников сельского хозяйства Коми АССР, часто отдававших фронту последнее, показан в сборнике с разных сторон. Очень важно, что читатель получает возможность благодаря скупым строчкам документов ощутить суровый и аскетический быт военного времени, тем самым оценить и почувствовать меру тех жертв и лишений, которые преодолели люди ради спасения Отечества.

Свидетельства военных лет ясно говорят о том, что основная тяжесть в тылу легла на плечи женщин. Женские тракторные бригады, лесозаготовки, социалистическое соревнование стахановцев – все это отражено в материалах настоящего сборника.

Помимо трудностей, связанных с функционированием военной экономики, республике приходилось решать острые социальные проблемы, среди которых – устройство эвакуированных семей, помощь семьям военнослужащих, борьба с детской беспризорностью и связанной с нею

преступностью. Документы не скрывают имевшихся недостатков в использовании рабочей силы и в незаконном увеличении рабочего времени, например, на Сыктывкарском лесозаводе в конце 1942 – начале 1943 года.

Третий раздел сборника документов «Помощь фронту и освобожденным районам, забота о семьях военнослужащих» содержит сведения о пособиях и материальной помощи семьям солдат и офицеров, о сборе теплых вещей и подарков для воинов Красной Армии, письмах на фронт.

Фронту отдавали рабочих лошадей и скот, на нужды армии собирали немалые средства. Школьники собирали средства на постройку звена авиаэскадрильи «Коми пионер», а взрослые – на танковую колонну «Колхозник Коми АССР». Сбор растений, грибов и ягод в то трудное время также служил выполнению главной цели – дать фронтовикам все необходимое.

В фонд обороны выделялись специальные гектары посевов, существовал особый хлебный фонд Красной Армии. В фонд здоровья колхозники сдавали молоко.

О помощи жителей Коми освобожденным от фашистских оккупантов районам страны говорит множество документов. Ничего не жалели для этого. Рабочие ехали на восстановление Сталинграда, колхозники сдавали скот. В освобожденные районы шел сверхплановый уголь Воркуты, древесина направлялась на восстановление шахт Донбасса.

В последнем разделе книги «Ратные подвиги земляков» читатель найдет письма, наградные листы, указы о награждении Героев Советского Союза – уроженцев Коми АССР, сведения о подвигах партизан, прочтет волнующие сведения о том, как в республике встретили великий День Победы – 9 мая 1945 года.

В приложении книги содержится список районов, учреждений, ведомств, колхозов, школ и отдельных лиц, получивших от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина приветственные телеграммы с выражением благодарности за помощь фронту.

Замечательный подарок к 60-летнему юбилею Победы получили жители Республики Коми от коллектива ученых Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Можно лишь посетовать на ограниченный тираж этой необычайно емкой и значительной по своему содержанию книги: 1000 экземпляров делает ее настоящей редкостью уже при выходе в свет.

Конечно, не остался незамеченным ряд недостатков, как-то: отсутствие в конце сборника списка документов, а в географическом и

именном указателе – страниц. Но, думается, в целом эти погрешности не могут повлиять на общее впечатление от выдающегося достижения историков Коми, существенно обогативших отечественную научную литературу о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Василий Востриков
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2004, №2.

Рец.: БОНДАРЕНКО О.Е., КНЯЗЕВА Г.А., ТУРУБАНОВ А.Н. Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2004. 183 с.

Настоящая коллективная монография посвящена изучению развития лесного комплекса Республики Коми и охватывает широкие хронологические рамки – весь XX век.

Авторы книги «Лесной комплекс Республики Коми в XX веке» поставили перед собой задачу выявить степень изученности основных этапов истории развития этой отрасли народного хозяйства республики, рассмотреть количественные и качественные изменения в составе работающих, вопросы технического прогресса и материального уровня тружеников лесного комплекса, особенности развития отрасли в специфических условиях Севера.

В основу конкретно-исторического изучения положены объективность, историзм, достоверность. Отмечая важность изучения лесной отрасли, авторы справедливо относят ее к одному из «валютных цехов» нашей страны.

Структурно книга состоит из введения и двух частей, включающих в себя шесть глав.

Во введении рассматриваются степень изученности проблемы и источниковая база исследования. Указывается, что проблемы развития лесного комплекса Коми в XX веке освещались историками, экономистами и специалистами отрасли. Однако многие работы носили фрагментарный, идеологизированный характер. Наибольшее внимание уделялось общим вопросам развития индустрии края, а также узким вопросам функционирования лесного комплекса. Следует отметить то, что работы охватывали сравнительно небольшие хронологические рамки, поэтому уровень изученности вышеназванной проблематики был недостаточен. Совершенно (до 90-х годов XX века) не исследована была такая проблема, как вклад спецпереселенцев и заключенных в развитие этой отрасли народного хозяйства. Следует отметить, что авторы используют труды своих предшественников, опираясь на большой статистический и фактический материал.

Хотелось бы обратить внимание на солидность источниковой базы. Основой работы является обширный комплекс архивных документов,

извлеченных из архивов г. Сыктывкара, г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, г. Вологды, г. Архангельска, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Широко использованы документы и материалы КПСС и Советского правительства, сессий Верховных Советов СССР, РСФСР, Коми АССР, материалы периодической печати, социологические исследования и др. Все это позволило авторам реализовать основной замысел работы, раскрыть сложные процессы развития лесного комплекса Республики Коми в XX веке.

Первая часть книги посвящена истории лесной промышленности Коми края в первой половине XX века. В первой главе исследуется развитие отрасли в дореволюционный период. Авторы приходят к выводу, что в начале XX века лесные массивы края начали подвергаться интенсивной эксплуатации. Это было вызвано спросом на лес, как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Деревообработка же в исследуемый период не получила широкого развития. Лесные богатства Коми края использовались в основном в необработанном виде.

Вторая глава охватывает период с окончания Гражданской войны и до начала Великой Отечественной войны. В эти годы государственные капитальные вложения на развитие лесного комплекса Коми возрастали из года в год. Лесной комплекс стал ведущей отраслью народного хозяйства республики. Поступления от лесной промышленности составляли около 60 % доходной части бюджета. За этот период в регионе сформировались кадры постоянных рабочих, начались крупномасштабные работы по созданию социальной инфраструктуры отрасли. Следует отметить, что авторы каждый свой вывод, заключение, обобщение, положение аргументируют достоверными фактами. Об этом свидетельствуют и многочисленные таблицы, посвященные порайонному размещению рабочих лесной промышленности, объемам заготовки древесины и др. Значительный интерес представляют собой данные, свидетельствующие о работе в лесной промышленности спецпереселенцев и ссыльных (табл. на с. 37–41). Кроме того, в данной главе большое внимание уделяется материальному уровню жизни работников леса, их бытовым условиям. Исследователи приходят к выводу, что становление лесного комплекса в этот период осуществлялось с большими издержками как экономического, так и социального характера, что впоследствии отразилось на его развитии.

Особый интерес представляет третья глава, посвященная периоду Великой Отечественной войны. Исход борьбы с фашизмом решался не только на полях сражений, но и в тылу. Ни одно предприятие, ни одна

отрасль промышленности не остались в стороне от той колоссальной работы, которая была проведена по обслуживанию потребностей фронта. На предприятиях лесной промышленности Коми республики были размещены заказы многих министерств оборонной промышленности СССР. В главе подробно рассмотрены вопросы подготовки кадров для предприятий лесного комплекса республики, изменения в численности постоянных кадров отрасли, результаты работы по заготовке древесины и производству продукции лесного комплекса. Приводится динамика численности заключенных, спецпереселенцев и ссыльных в Коми АССР не только в лесозаготовительной отрасли, но и в строительных, угольных и нефтегазодобывающих лагерях. По данным исследователей, на начало 1942 г. в Коми АССР насчитывалось около 50 тыс. спецпереселенцев и ссыльных, подавляющее большинство которых работали в лесном комплексе республики. Материальное положение их было наиболее тяжелым. Скудный паек и повышенные производственные нагрузки вели к высокой заболеваемости и смертности среди этой категории работающих. В конце главы делается вывод, что вследствие снижения работоспособности рабочих, а также недостаточной материальной базы произошло значительное сокращение производственных мощностей лесной промышленности. Однако, несмотря на невероятные трудности военной поры, социально-экономический потенциал отрасли удалось сохранить, что явилось основой его развития в послевоенные годы.

Во второй части книги рассматривается развитие лесного комплекса Республики Коми во второй половине XX века. В центре внимания исследователей – вопросы укрепления производственно-технической базы лесного комплекса, особенности решения кадровых вопросов, инвестиционные процессы, уровень жизни работников.

В исследуемый период Республика Коми занимала достойное место в общих объемах экспортных товаров лесного комплекса Российской Федерации. В этой отрасли наблюдались важные структурные изменения: доля продукции лесопереработки превысила удельный вес лесозаготовительной промышленности. Завершая анализ результатов деятельности предприятий лесного комплекса в период становления и развития рыночных отношений в России, авторы приходят к выводу, что эта важнейшая отрасль народного хозяйства республики постепенно выходит из кризисного состояния.

Хотелось бы отметить, что широкие хронологические рамки исследования, на наш взгляд, сказались на том, что работа в некоторой степени носит очерковый характер, не всегда прослеживается связь между главами.

Третья глава «Лесной комплекс Республики Коми в 90-е годы XX века» чрезмерно перегружена таблицами. Нет однообразия в их расположении. В предыдущих главах таблицы расположены в самом тексте, а в третьей они сгруппированы в одном месте.

К сожалению, в книге отсутствует заключение, в котором должны быть подведены основные итоги развития ЛПК республики за исследуемый период. Нельзя умолчать и еще об одном замечании, связанном с многонациональностью Республики Коми. Подробно рассматривая изменения в составе лесных рабочих (по полу, возрасту, стажу работы), авторы совершенно не затрагивают национальный состав работников лесопромышленного комплекса, не указывают долю коренного населения среди этих рабочих.

Вышеназванные замечания не умаляют значения работы. В целом монография современна и своевременна и вносит весомый вклад в изучение истории Коми.

Сергей Исанбаев,
Владимир Сухин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение». 2004. №2.

Рец.: КУДРЯВЦЕВ В.Г. Деревянное зодчество марийцев. Йошкар-Ола, 2004. 120 с., ил.

Исследование В.Г. Кудрявцева посвящено изучению традиционного пласта народной культуры марийцев – деревянному зодчеству. В монографии проанализированы планировочные и архитектурные особенности деревень и усадеб, жилищ и хозяйственных построек, культовых мест, также говорится о формировании, становлении и развитии основных архитектурно-строительных приемов, эволюции художественных вкусов и мировосприятия.

Автор считает, что необходимость изучения проблем народного зодчества важна и актуальна, так как сегодня многие традиции деревянной архитектуры забыты, в современной строительной практике мало используются традиционные постройки с характерными для марийского этноса конструкциями и формами. Зачастую сооружения и постройки располагаются отдельно, архитектурные ансамбли не вписываются в естественный природный ландшафт.

Особенно ценным, на мой взгляд, является разработанный автором комплексный подход к изучению народного зодчества, объединяющий все три главы книги. Эта важная концептуальная идея является основной, что положительно скажется как при реконструкции, так и при модернизации деревянного строительства.

Первая глава, которая называется «К проблеме ансамбля в деревянном зодчестве (поселения, планировка и застройка усадеб и дворов, архитектура ворот и ограждений)», посвящена целостной организации поселений. В ней представлен характеризующий планировку и застройку усадеб и дворов архивный и полевой материал, также включены оригинальные конструкции традиционных марийских ворот и ограждений, дополненные сведениями о строительных обрядах. Автор убедительно обосновывает свои суждения, утверждая то, что ансамблевая организация народной архитектуры определялась во взаимодействии с окружающим природным ландшафтом и формировалась комплексно. Сюда вписывались река – овраг – деревня – священная роща *(кӱсото)* – кладбище. Другие составляющие параметры были связаны с жилым и

хозяйственно-бытовым назначением, например, дом – двор – *кудо* (летняя кухня, изначально культовая постройка) – навес – клеть – баня – огород – гумно. В такой естественной пространственной организации расселения непременным атрибутом являлась граница, функции которой выполняли овраг с родником, река, ров, система ограждений в усадьбах, в священных рощах, кладбищах, также типичные и своеобразные марийские ворота – *марла капка.* Рациональный смысл и чувство соразмерности народных зодчих способствовали органичной застройке в природном ландшафте, включая и существующую ранее застройку.

Народное зодчество марийцев как историко-этнографический и архитектурно-художественный феномен проявляется в строительных традициях народных умельцев создавать уникальные архитектурные конструкции и сооружения при комплексной организации среды жизнедеятельности человека в окружающем пространстве, где функциональное и эстетическое начала тщательно соизмерялись. Тенденция к беспорядочной планировке ансамбля марийских деревень, усадеб и стремление к рациональному использованию природных условий объясняются древними традициями, являются проявлением самобытных национальных особенностей.

Во второй главе «Строения» рассматриваются жилища и хозяйственные постройки. В ней показана эволюция развития жилища от шалаша к курной избе и собственно дому. Выразительностью архитектурного облика, простотой конструкций охарактеризованы присущие марийскому этносу такие постройки, как наиболее старинный образец построек марийского двора *кудо,* имевший в прошлом культовый характер, а с XIX века используемый в качестве летней кухни. Также плодом творческой фантазии народных зодчих отмечена другая постройка – двухэтажный амбар. В ансамбль крестьянской усадьбы марийцев органично вошло и небольшое коническое сооружение из тонких жердей – *марла агун, шиш* – овин. Автор совершенно справедливо отмечает, что, к сожалению, исторически сложившиеся традиции в современной планировке двора нарушены и мало используются в сельской строительной практике.

В ансамбле марийской усадьбы существовали определенные традиции функционального деления: двор, огород, гумно. Размещение таких построек, как клеть, амбар, погреб, предусматривалось в передней части двора, а построек для скота – в задней. Они отличались простотой оформления и соразмерностью пропорций, четкими формами, сдержанной орнаментацией малых архитектурных форм.

«Культовые места как феномен этнической культуры» – так названа третья глава. В ней рассматриваются ансамбли культовых мест, священных рощ, конструкции постройки *кудо*, надмогильные памятники. Традиции организации культовых мест взаимосвязаны с религиозными воззрениями народа, естественный природный ландшафт способствует их целостной пространственной организации.

Таким образом, современные архитекторы, изучая особенности и закономерности развития народного зодчества, могут творчески переосмыслить выявленные В.Г. Кудрявцевым народные традиции и повлиять на модернизацию строительных процессов, происходящих в сельской местности.

Монография является обобщающим трудом по деревянному зодчеству марийцев, иллюстрирована графическими схемами, чертежами и цветными фотографиями. Она рекомендована архитекторам, искусствоведам, этнографам, студентам вузов и средних учебных заведений, а также всем, кто интересуется прошлым и современным состоянием традиционной культуры марийского народа.

Дамир Шайдуллин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2004, №2.

ХРОНИКА

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 50-ЛЕТИЮ УДМУРТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И 80-ЛЕТИЮ В.Ф. ГЕНИНГА

Всероссийская научная конференция «Археологические памятники Волго-Камья и Урала как объект историко-культурного наследия этносов», посвященная 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения ее основателя и первого руководителя Владимира Федоровича Генинга, состоялась в г. Ижевске 16–18 июня 2004 г. В работе конференции приняли участие 45 исследователей из 18 научных центров. Доклады на заседаниях были объединены по проблемам, предложенным для обсуждения в информационных письмах: проблемы историографии, истории изучения эталонных памятников Волго-Камья и их использования в качестве источников для этнокультурных и социально-экономических реконструкций, проблемы формирования археологических коллекций, сохранения археологического наследия и музеефикации памятников, применения компьютерных технологий в археологии.

Удмуртская археологическая экспедиция была организована в 1954 г. по ходатайству Удмуртского института истории, языка и литературы при Совете Министров Удмуртской АССР, но первые 15 лет функционировала при Удмуртском республиканском музее. В 1969 г. с созданием отдела археологии и этнографии в УдНИИ название перешло к экспедиции Института. Поэтому основными организаторами конференции выступили Удмуртский Институт истории, языка и литературы УрО РАН и Национальный музей Удмуртской Республики при участии Управления по охране и использованию памятников истории и культуры УР, Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел УР, Историко-культурного музея-заповедника УР «Иднакар». Финансовую поддержку оказали Правительство Удмуртской Республики и Российский гуманитарный научный фонд (проект 04-01-80710г/У).

В экспозиционных залах Национального музея Удмуртской Республики к конференции была организована выставка наиболее ярких и значимых коллекций из фондов Национального музея Удмуртской Республики, Удмуртского ИИЯЛ, Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар», полученных в последние десятилетия, под общим названием «Древние сокровища Прикамья».

В зале заседаний была развернута фотовыставка, отражающая этапы работы экспедиции и представляющая ее основных сотрудников и руководителей. Здесь же демонстрировались работы реставратора высшей категории В.А. Михеева: отреставрированные предметы из коллекции городища Иднакар и изделия, выполненные им по древним образцам с соблюдением их конструкции и технологии.

Внимание участников и гостей привлекли исключительно яркие материалы выставки произведений декоративно-прикладного искусства, выполненных на основе археологических материалов: предметы из бересты, кости, дерева, соломки, текстиля (полотенца, панно, батик, гобелены) из фондов Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел УР. В фойе была развернута выставка-продажа книг, изданных Удмуртским ИИЯЛ УрО РАН. Кроме того, участники имели возможность познакомиться с археологическими фондами Национального музея Удмуртской Республики, Удмуртского университета и Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН.

Работу конференции открыл директор Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН *К.И. Куликов*. Поблагодарив прибывших участников и организаторов, Российский гуманитарный научный фонд и Правительство Удмуртской Республики, он отметил исключительное важное значение предстоящего разговора ученых. В последние десятилетия в Удмуртии достигнуты немалые успехи в развитии археологических исследований и практического применения их результатов, в использовании компьютерных технологий, естественно-научных методов. Археологическая наука вступает в новый этап своего развития, который требует коллективного осмысления, отбора наиболее перспективных методик и разработки новых путей развития. Именно с этой целью собрались ведущие ученые России, научная молодежь, специалисты других отраслей, связанные с археологической наукой.

С приветствием выступил председатель Удмуртского научного центра академик *А.М. Липанов*, одобривший настойчивую и последовательную деятельность руководства УИИЯЛ по внедрению естественно-научных методов в гуманитарные исследования, особенно – в археоло-

гию. Одним из интересных опытов совместных исследований гуманитариев и физиков явилась разработка специального прибора для изучения археологических памятников без разрушения культурного слоя, получившего признание ведущих ученых страны и используемого сегодня в крупнейших экспедициях. Он также с удовлетворением отметил начало совместной работы по использованию физико-химических методов в реставрации и консервации предметов археологии.

В приветствии заместителя министра культуры Удмуртской Республики *Н.М. Собиной* отмечена тесная связь археологов Удмуртии со сферой культуры. Это и передача Институтом своих коллекций Музею, создание Республиканского музея-заповедника «Иднакар», совместные с Управлением по охране и использованию памятников истории и культуры МК УР работы по государственному учету, историко-культурной экспертизе. В последние годы Институтом много внимания уделяется использованию археологических материалов в современном профессиональном и народном искусстве. Директор НМУР *Р.Ф. Мартынова* познакомила с основными направлениями деятельности музея, рассказала о роли археологической экспедиции в пополнении фондов.

О.М. Мельникова (г. Ижевск, Удмуртский госуниверситет) посвятила доклад анализу деятельности Удмуртской археологической экспедиции в первые годы ее работы под руководством В.Ф. Генинга, в результате которой была создана первая археологическая карта Удмуртии, разработана обобщенная схема формирования удмуртского народа от эпохи камня до позднего средневековья, опубликована серия статей и монографий. Она подчеркнула системообразующую роль УАЭ в становлении профессиональной археологии в Удмуртии.

В докладе *М.Г. Ивановой* (г. Ижевск, Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН) раскрыты особенности работы экспедиции в период ее деятельности при Удмуртском Институте истории, языка и литературы УрО РАН (1970–2003 гг.), когда основное внимание было сосредоточено на изучении северных районов Удмуртии, в большей степени Варнинского могильника V–X вв. и городища Иднакар IX–XIII вв., ставших эталонными памятниками в медиевистике Урала и Поволжья, лесной зоны Восточной Европы.

В результате целенаправленной деятельности УАЭ верхнее и среднее течение р. Чепцы составляет сегодня своеобразный археологический микрорайон, который стал символом удмуртских древностей, поэтому организация здесь музея-заповедника «Иднакар» была исторически оправдана. Активное введение материалов в научный оборот, в

практику культурной жизни дали импульс для использования богатейших археологических коллекций в современном искусстве. В целом деятельность археологов Удмуртии в последние десятилетия направлена на приближение к идеальной модели изучения, хранения и использования археологического наследия в практике культурной жизни современного общества, заложенная еще В.Ф. Генингом.

Т.И. Останина (г. Ижевск, Национальный музей) осветила основные направления исследований Национального музея Удмуртской Республики и формирования археологического фонда. В 1970–1990-е гг. шло интенсивное накопление материалов по мазунинской культуре и постмазунинскому времени (памятники именьковской, кушнаренковской, караякуповской культур): продолжались разведки, раскопки погребальных памятников, впервые большими площадями исследовались поселения.

В результате многолетней работы, в фондах представлены коллекции всех эпох и культур Прикамья, сформированные учеными, внесшими значительный вклад в развитие археологии Удмуртии (А.П. Смирнов, В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина, М.Г. Иванова, Т.И. Останина). Почти все крупные коллекции опубликованы в печати в виде статей, каталогов, монографий и доступны как для специалистов, так и для краеведов.

Доклад *Н.И. Шутовой* (г. Ижевск, Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН) был посвящен истории археолого-этнографического изучения культовых памятников (святилищ, кладбищ, предметов) от эпохи средневековья до нового и новейшего времени. Подобные комплексные изыскания культовых объектов были впервые предприняты УАЭ в 1980–1990-е гг. для изучения проблемы становления и развития духовных традиций удмуртского народа. Автором проведен анализ предпосылок, основных этапов, приемов и методов этноархеологического изучения священных мест в Камско-Вятском междуречье, определены возможные перспективы дальнейших разработок в этом направлении исследований.

К.И. Куликов (г. Ижевск, Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН) раскрыл перспективы сотрудничества Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН с музеями Удмуртской Республики, а также рассказал об истории этого сотрудничества с первых лет существования Института, когда сотрудники вели совместные научные экспедиции по этнографии, археологии, фольклору и лингвистике. Наиболее плодотворная совместная работа началась в конце 1980-х гг. при разработке научной концепции Этнографического музея под открытым небом в д. Лудорвай, при подготовке постоянной экспозиции «Гражданская война в Удмуртии» в Национальном музее УР. Уникальным стал опыт создания Историко-куль-

турного музея-заповедника «Иднакар», когда Институт выступил не только инициатором его создания, но и передал коллекции памятников, насчитывающие около 30 тыс. предметов. Ныне Институту принадлежит ведущая роль в разработке и использовании новых методов археологических исследований и создании музейных фондов.

Каримов Р.М. (г. Ижевск, Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел) рассказал о целенаправленной работе, проводимой Центром по использованию археологических материалов, и особенно городища Иднакар, в реализации основной цели, поставленной перед мастерами, – создание этнически узнаваемых, высокохудожественных произведений.

Специальное заседание, посвященное осмыслению научной деятельности Владимира Федоровича Генинга – основателя и первого руководителя УАЭ, впоследствии выдающегося ученого-археолога, педагога, организатора науки, было открыто докладом *О.М. Мельниковой* (г. Ижевск, Удмуртский госуниверситет) «В.Ф. Генинг в Удмуртии: взгляд с точки зрения исторической антропологии науки». Ею было отмечено, что работа в г. Ижевске стала определяющей в процессе формирования В.Ф. Генинга как самостоятельного ученого. Докладчиком предложено три сюжета: историко-биографические сведения об исследователе; соотнесенность самостоятельной деятельности ученого в г. Ижевске с пермской археологической школой и формирование его собственной исследовательской позиции в науке.

С.В. Кузьминых (г. Москва, Институт археологии РАН) в исследовательской деятельности В.Ф. Генинга в области изучения эпохи раннего металла выделяет следующие направления: обоснование предананьинской и ананьинской общности как археологического аналога пермской языковой общности и создание культурно-хронологической периодизации древностей лесостепи и южнотаежной зоны Западной Сибири. Изучение им комплекса памятников на р. Синташта стимулировало разработку процессов культурогенеза начальной поры позднебронзовой эпохи.

Н.Н. Балина (Сыктывкарский университет) сообщила об опыте типологизации раннесредневековой керамики в Северном Приуралье по программе статистической обработки, разработанной в начале 1970-х гг. В.Ф. Генингом.

В докладе *О.В. Игнатьевой* (г. Пермь, педагогический университет) «Место В.Ф. Генинга в истории изучения пермского звериного стиля» обращено внимание на использование ученым анимистической теории

и привлечение этнографических материалов для семантической интерпретации произведений культового литья.

Н.А. Лещинская и *Л.Д. Макаров* (г. Ижевск, Удмуртский университет) обратили внимание на изучение Удмуртской археологической экспедицией финно-угорских и древнерусских памятников в Вятском бассейне. По подсчетам Л.Д. Макарова, за 50 лет силами сотрудников УАЭ было исследовано более 80 объектов с русскими материалами.

Г.Н. Журавлева (г. Ижевск, Удмуртский университет) на материалах Тарасовского могильника, одного из крупнейших погребальных памятников Приуралья начала I тысячелетия н.э., представила характеристику детских захоронений, позволивших реконструировать уровень рождаемости, фертильный период женщин, возрастной состав семьи в I–V вв.

Отдельный блок докладов был посвящен результатам исследований эталонных памятников Волго-Камья. Итоги изучения Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье в 1997–2003 гг. подведены в докладе *Е.М. Черных* (г. Ижевск, Удмуртский университет). Основное внимание в последние годы уделялось совершенствованию полевой методики, реализации комплексного подхода и, прежде всего, использованию естественно-научных методов прочтения культурного слоя. Раскопками выявлена плотная застройка площадки в ананьинское время, где изучено около 50 жилищных объектов, из них на пьяноборское время приходится не более десятка. Вскрыты также святилище, остатки сооружения производственного характера. Анализ планиграфии и вещевого комплекса позволяет предполагать, что в ананьинское время городище представляло собой довольно крупный центр с регулярной застройкой и функционально продуманной структурой основных зон площадки.

О.А. Казанцева (г. Ижевск, Удмуртский госуниверситет) представила материалы Кудашевского могильника IV–V вв. н.э. – уникального памятника Прикамья, отражающего сложный процесс взаимодействия местного и пришлого населения в эпоху великого переселения народов. Полученные материалы позволяют автору предполагать, что пришлая группа имела «западные» истоки и была связана с именьковской культурой.

Р.Д. Голдина, В.А. Бернц (г. Ижевск, Удмуртский университет) познакомили с материалами еще одного значительного памятника той же эпохи – Тураевского I могильника, курганная часть которого была исследована В.Ф. Генингом. Изучение грунтовых захоронений в 1986–1990 гг. выявило своеобразие материалов, которое заключается в одновременном сосуществовании курганного и бескурганного обрядов захоронения.

Анализ погребального инвентаря показал, что первоначально могильник возник как грунтовый, позднее рядом появляются курганы. Пришельцы не нарушают традиции местного населения, а, наоборот, перенимают их, что может свидетельствовать о мирном характере их взаимоотношений. Кроме того, вновь прибывшая группа была, вероятно, малочисленной и быстро ассимилировалась.

К.А. Руденко (г. Казань) представил материалы городища Кашан и его округи как источник для исследования сложного процесса адаптации пришлых (тюркских, угорских) и коренных (финно-пермских) этносов в рамках Булгарского государства, а также социально-экономического развития средневекового общества в Волго-Камье.

В докладе *Т.Б. Никитиной* и *А.И. Михеевой* (г. Йошкар-Ола, Марийский НИИЯЛИ) показаны результаты изучения конструкции оборонительных сооружений (вала с башней и рва) Важнангерского городища XIV–XV вв. По стратиграфии раскопов выявлено два периода функционирования городища, в обоих слоях зафиксированы следы пожара, первый из которых авторы с определенной долей вероятности связывают с походом ушкуйников 1374 г., второй – с событиями русско-казанской войны 1477–1478 гг.

В докладе *А.Н. Кириллова* (г. Глазов, музей «Иднакар») привлекли внимание результаты изучения эскарпа на мысовой части городища Иднакар и предпринятая автором попытка моделирования его виртуального образа в древности.

Цикл докладов был посвящен опыту использования естественно-научных методов и компьютерных технологий в археологии. *В.В. Туганаев* и *А.В. Туганаев* (г. Ижевск, Удмуртский университет) изложили результаты многолетнего изучения почвенных образцов и набора культурных и сорных растений древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. – единственного, по мнению исследователей, на востоке европейской России в подзоне южной тайги таёжной зоны памятника, где палеоэтноботанические материалы представлены в большом количестве, позволяющем моделировать агроэкосистемы средневекового земледелия. Палеоэнтологические исследования 28 образцов почвы подтвердили точку зрения о распространении в рассматриваемое время более тёплого климата. Набор семян, представляющий 17 видов возделываемых культур и 58 сорных растений, позволил раскрыть агротехнические аспекты земледелия как подсечно-огневого, возможно, с элементами перелога.

И.В. Журбин (г. Ижевск, Физико-технический институт УрО РАН) познакомил с основными итогами разработки методики и технологии

геофизических измерений, ориентированных на решение исследовательских задач археологии, которые должны осуществляться на базе моделирования измерений и формирования пространственного образа объекта поиска. В процессе реализации археологических задач выявилась различная степень значимости выделенных характеристик методики измерений (чувствительность, точность, достоверность и т.д.) на каждом этапе исследований. Разработка оптимальных методик измерений предполагает выбор значений параметров измерительной установки, алгоритмов коммутации и сети измерений, которые определяют заданные значения характеристик для каждого компонента методики.

М.Г. Иванова, Г.А. Степанова (г. Ижевск, Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН) продемонстрировали возможности использования ГИС-технологий в обработке полевого материала по раскопкам городища Иднакар 1999 г. Место раскопа впервые определялось по результатам электрометрического изучения слоя, поэтому в сетке раскопа оказался целиком комплекс сооружений с ямами, очагами (двух разновременных). Кроме того, работы были ориентированы на решение проблем формирования единого археологического источника, отработки процедуры компьютерной обработки полевого материала: выбор и апробирование методик полевых исследований, формата документирования, удобного для ввода их в компьютер и отработка технологических приемов компьютеризации.

В.И. Завьялов (г. Москва, Институт археологии РАН) представил результаты широкомасштабных археометаллографических исследований предметов из чёрного металла поломской культуры, которые позволяют утверждать, что до конца VIII в. в технико-технологическом строе древнеудмуртского кузнечества заметных изменений не произошло. В железообработке преобладали простейшие приёмы изготовления железных изделий – целиком из железа или сырцовой стали при доминировании стальных орудий. В IX в. начинают активно применяться сварные технологии, приоритет среди которых занимает трёхслойный пакет. При этом освоение новых технологий идёт при сохранении традиционных для поломской культуры форм железных поковок. С середины X в. в Прикамье распространяются восточноевропейские (древнерусские) типы железных изделий. Кузнечное ремесло древних удмуртов вступает в новый этап. Полученные данные полностью коррелируются с общей линией развития технологии кузнечного ремесла в лесной зоне Восточной Европы начала – третьей четверти I тысячелетия н.э.

В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова (г. Москва, Институт археологии РАН) охарактеризовали кузнечное ремесло финно-угров в

период формирования раннесредневековых восточноевропейских государств на основе металлографического анализа коллекции железных предметов VIII–XI вв. (более 300 предметов). По мнению авторов, активизация межэтнических связей в период становления раннегосударственных образований затронула и производственную сферу. В железообработке финно-угров в этот период формируются региональные различия в кузнечном производстве под инокультурным влиянием.

С.В. Балина (г. Сыктывкар, Институт биологии КНЦ УрО РАН) познакомила с компьютерной версией реконструкции основных «персонажей» пермского звериного стиля, выполненной в соавторстве с *В.С. Чупровым* (г. Сыктывкар, отдел планирования АЭК « Коми энерго»).

С.В. Ошибкина (г. Москва, Институт археологии РАН) сосредоточила внимание на неправомерности использования костяной индустрии для выделения культур и общностей в каменном веке. Костяные индустрии эпохи мезолита в лесной зоне имеют существенные особенности, отвечающие традициям отдельных групп населения так же, как существовали традиции в обработке камня (кремня) и изготовлении орудий из камня. При выделении культур или общностей необходимо учитывать все данные – каменный и костяной инвентарь, их соотношение, данные о стоянках, жилищах, территории, динамике культуры.

М.Ш. Галимова (г. Казань, Институт истории АН РТ), *В.В. Никитин* (г. Йошкар-Ола, Марийский НИИЯЛИ) посвятили свой доклад проблеме реконструкции стратегии добычи и использования сырья в каменном веке Среднего Поволжья.

Н.Б. Крыласова (Пермский филиал ИИА УрО РАН) обратилась к семантике биметаллических кресал с антропоморфной фигурой и птицами, распространенных на обширных территориях от Урала до Скандинавии. В отличие от предшественников, считавших их кресалами с «Одином» и материальным свидетельством скандинавских связей Урала, исследователь, проанализировав широкий круг фольклорно-мифологических материалов и учитывая многочисленные параллели изображения и функции этого предмета с мифом о разорителе гнезд, обосновала логичность этого сюжета как отражение «Мир-сусне-хум и Карсы» угорской мифологии.

А.М. Белавин (Пермский филиал ИИА УрО РАН) свой доклад посвятил дискуссионному вопросу семантической и этнической интерпретации блях-подвесок с изображением всадника с ловчей птицей, сопоставляя образ всадника с Мир-сусне-хумом – общеугорским божеством и культурным героем. Истоки «сокольничего» сюжета автор видит в иран-

ском искусстве и в геральдических традициях Востока и Европы. По его мнению, иконографически всадники «блях с сокольничим» восходят скорее к бронзовым литым изображениям Прикамья и Приобья, а сюжетно – к иранским серебряным блюдам, широко представленным в святилищах угров Предуралья и Западной Сибири.

Т.К. Ютина (г. Ижевск, Удмуртский университет) отметила, что этническая история населения Прикамья в I–II тысячелетиях н.э. во многом была скорректирована миграционными процессами (внешними и внутренними). Автором определены типы миграционных процессов, дана их характеристика и намечены перспективы дальнейшего изучения поставленной проблемы.

С.Н. Кунгуров (г. Ижевск, Удмуртский университет) рассказал о реконструкции музыкального инструмента по находкам деталей на городище Иднакар и продемонстрировал реконструированный образец.

В.П. Голиков (г. Москва, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева) изложил результаты исследования различных археологических материалов из погребений IX–X вв. Больше-Тиганского могильника (Татарстан), выполненного совместно с *О.В. Орфинской* (г. Москва) и *С.И. Валиуллиной* (г. Казань).

Сотрудники Управления по охране памятников истории и культуры Удмуртской Республики (г. Ижевск) представили свои разработки в сфере изучения и сохранения историко-культурного наследия Удмуртии. *Н.П. Девятова* развернуто изложила основные принципы государственной охраны археологического наследия, заложенные в Федеральном законе 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», особенности археологических объектов в системе охраны культурного наследия и механизмы их сохранения. Особое внимание было уделено проблемам государственной историко-культурной экспертизы, переводу земель, на которых находится объект археологии, в земли историко-культурного значения, была подчеркнута обязательность изучения культурного слоя городских поселений.

В докладе *Л.Ф. Князевой* представлены итоги макроанализа культурного и природного наследия с точки зрения культурных ландшафтов. Выделен культурно-ландшафтный каркас Удмуртии, произведена оценка культурных ландшафтов на основании критериев ценности, принятых ЮНЕСКО, обоснована необходимость выделения ряда особо охраняемых историко-культурных территорий Удмуртии. Особо отмечены два феномена. Первый – ландшафт, связанный с героическими преданиями удмуртов, археологическими памятниками и топонимикой населенных

пунктов бассейна р. Чепцы. Второй феномен – это уникальная территория Алнашского района, сочетающая археологические памятники и действующие языческие культовые места.

В другом докладе *Л.Ф. Князевой* в соавторстве с *М.Б. Рупасовой* (г. Ижевск, Национальный музей УР) ставятся вопросы актуализации археологического наследия как одного из важнейших компонентов, способных обеспечить его сохранение. Изучение возможностей предъявления и организации использования наследия в рамках социокультурного проекта «Сибирский тракт: сквозь границы» привело к неутешительному выводу – археологическое наследие сегодня является наиболее проблемной и наименее готовой к представлению частью наследия. Сложный культурный ландшафт «Сибирского тракта» включает богатейший потенциал объектов археологического наследия, которые не превратятся в ресурс развития, если не переломить сложившуюся ситуацию и не направить усилия археологической науки на разработку механизмов предъявления наследия в самых разных формах как местным сообществам, так и более широким кругам. Тем более что в Удмуртии уже есть достойный пример для подражания – городище «Иднакар», демонстрирующий успешность технологий современного менеджмента.

С.В. Беглецовой рассмотрены вопросы организации совместной деятельности органов охраны памятников и археологов по формированию Единого государственного реестра объектов культурного наследия, предусмотренного новым ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ». Представлены итоги работы по госучету объектов наследия за 4 года действия Республиканской целевой программы сохранения наследия и намеченные программные мероприятия на ближайшие 5 лет в контексте нового законодательства.

В докладе *К.И. Куликова* и *М.Г. Ивановой* (г. Ижевск, Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН) в постановочном плане впервые изложена задача разработки научной концепции реконструкции средневековых городищ лесной зоны России, имеющих свою специфику и особенности, обусловленные, в первую очередь, степенью сохранности сооружений, возведенных из дерева, и отсутствием в России опыта консервации культурного слоя и реконструкции подобных памятников и объектов. На примере городища Иднакар в реконструкции археологических объектов авторы считают возможным использовать материалы этнографии, физико-химические методы консервации, компьютерные технологии в создании виртуальных образов объектов и т.д.

В итоговом документе участники конференции выразили удовлетворение заслушанными докладами, в которых были представлены раз-

нообразные материалы по заявленным направлениям: результаты новых исследований крупных эталонных памятников, культурно-исторические обобщения, различные подходы к изучению и интерпретации археологических материалов.

Участники отметили достаточно высокий уровень использования компьютерных технологий, естественно-научных методов, успехи в семантической интерпретации произведений древнего искусства, достигнутые региональными научными центрами. Однако отсутствие тесного взаимодействия между научными центрами затрудняет эффективное решение актуальных научных и научно-практических проблем.

Для объединения усилий в решении ряда научных и научно-организационных проблем участниками конференции предложено организовать информационный центр или постоянно действующий семинар по использованию компьютерных технологий в обработке полевых материалов и их интерпретации на базе Удмуртского института истории, языка и литературы, Физико-технического института Удмуртского научного центра УрО РАН.

Участники конференции выразили крайнюю озабоченность интенсивным антропогенным и техногенным разрушением археологического наследия, основной причиной которого является отсутствие инструктивно-нормативных документов к Законам. Организаторам будущих научных мероприятий рекомендовано включать в программы работы обсуждение проблем по охране объектов археологии и хранению артефактов. На базе фондов Национального музея УР предложено создать центр хранения и научной обработки археологических тканей для Урало-Поволжского региона.

В России исключительно мало музеев-заповедников, хотя в каждом субъекте РФ немало памятников, достойных музеефикации. В этом направлении необходима активная деятельность самих исследователей. В качестве положительного примера была названа деятельность руководства УИИЯЛ УрО РАН по созданию и разработке концепции развития Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар» и концепции музеефикации самого памятника.

В заключение участники поблагодарили организаторов за высокий уровень проведения конференции и создание условий для плодотворной работы.

Материалы конференции подготовлены к печати в отдельном сборнике.

Маргарита Иванова
Ижевск

«Финно-угроведение», 2004, №2.

ФИННО-УГОРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ КУЛЬТУРНОЙ И НАУЧНОЙ ЖИЗНИ 2004 года

Еженедельные обзоры новостей Финляндской государственной телерадиокомпании Юлейс-радио на удмуртском и марийском языках – «Узы дружбы».

2004 год – год национального флага Эстонии, в 1920 году был подписан Тартуский мирный договор.

Продолжено составление финно-угорской электронной библиотеки.

10-летие создания Вепсской национальной волости.

январь *г.Петрозаводск*	Объединенные организации профсоюзов Карелии и Центр солидарности профсоюзов Финляндии подписали договор по совместной реализации проекта «Активный профсоюзник – активный гражданин».
29 января– 1 февраля *г. Ханты-Мансийск*	Генеральный консул Венгерской Республики Эндре Сабо посетил Ханты-Мансийский автономный округ по вопросу перспектив социально-экономического сотрудничества.
5–6 февраля *г. Сыктывкар Коми*	Состоялся VIII съезд коми народа. Председателем исполкома общественной организации «Коми войтыр» (Коми народ) вновь избран В. Марков.
6 февраля	Саамы России, Норвегии, Швеции, Финляндии отметили Национальный день саамов.
8 февраля *г. Томтебо Финляндия*	Открыта художественная выставка «Финно-угорский мир сегодня».

22–25 апреля *г. Таллин*	Состоялось заседание Консультативного комитета финно-угорских народов, где рассмотрены проекты документов Всемирного конгресса.
7 мая	152 года со дня смерти Матиаса Александра Кастрена, финского ученого и исследователя.
2–29 мая *г. Сомбатхей Венгрия*	В университете г. Сомбатхея прошла научно-практическая конференция по проблемам языковой ситуации в финно-угорских регионах России.
27–28 мая *г. Хельсинки*	Семинар «Региональная литература в современной России».
Лето *г. Сыктывкар*	Летние курсы финского языка и культуры, организованные УКАН (Финляндия).
1–3 июня *г. Сыктывкар*	III Всероссийская научная конференция финно-угроведов. Участвовали 238 специалистов, из которых 128 – представители финно-угорских регионов России, Венгрии, Финляндии, США, Канады. В рамках конференции прошел симпозиум «Современные этнические процессы в финно-угорских регионах».
10–24 июня *г. Ханты-Мансийск*	III международный фестиваль ремесел финно-угорских народов «Югра-2004» и семинар музееведов. Приняли участие мастера народных ремесел из Венгрии, Марий Эл, Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономного округов. Организатор фестиваля – Ханты-Мансийский окружной центр прикладного творчества и ремесел.
17–18 июня *г. Куопио Финляндия*	Состоялись IV финско-карельский женский форум и гастроли вепсских и карельских хоров, театров.
5–25 июля *г. Йошкар-Ола*	Летние курсы марийского языка и литературы.

22–24 июля *г. Йошкар-Ола*	Второй Всероссийский фестиваль финно-угорской прессы. Участвовали более 60 журналистов. В рамках фестиваля состоялись фотовыставка редактора ямало-ненецкой окружной газеты «Нарьяна Нгэрм» и детской газеты «Мынико» Хабэчи Яунгада, круглый стол «Проблемы и перспективы развития финно-угорских печатных СМИ», награждение победителей II Всероссийского конкурса финно-угорских печатных СМИ, в котором приняли участие 38 изданий, состоялась презентация проекта «Электронная библиотека финно-угорских народов» Информационного центра Финно-угорских народов (г. Сыктывкар) при поддержке Общества М.А.Кастрена. Состоялся учредительный съезд Российской ассоциации финно-угорских журналистов. Президентом Ассоциации избран главный редактор газеты «Марий Эл» А.Абдулов.
9–12 июля *г. Ижевск*	IX международный этнофутуристический фестиваль «Юр-яр». Участвовали более 80 человек из Удмуртии, Татарстана, Башкортостана, Коми, Марий Эл, Мордовии. Чувашии, Карелии, Пермской области, Красноярского края, Эстонии, Финляндии, Венгрии.
1–21 августа *г. Ижевск*	Летние курсы удмуртского языка и литературы.
Август *Марий Эл*	Тринадцатая смена финно-угорского лагеря в Марий Эл. Участвовали 200 человек. Делегации из Башкирии, Мордовии, Татарстана, Кировской области и Нижегородской области. Проведена Межрегиональная детская финно-угорская ярмарка социальных и культурных проектов «Мосты в будущее».
14–15 августа *д. Котомка Балезинского района Удмуртия*	Состоялась научно-практическая конференция «Финно-угорская свадьба как ресурс развития этнотуризма». Участвовали 60 человек, в том числе 25 – из Финляндии и Эстонии.

16–19 августа
г. Таллинн

IV Всемирный конгресс финно-угорских народов «Молодежь – надежда и будущее финно-угорских народов». Присутствовало около 630 делегатов, наблюдателей и гостей из 11 стран мира. Участники представляли 21 финно-угорский народ. С приветственными речами выступили президент Эстонии Арнольд Рюйтель, президент Финляндии Тарья Халонен, президент Венгрии Ференц Мадл. Отчетный доклад о деятельности Консультативного комитета финно-угорских народов сделал председатель В.Марков. В первый день конгресса представители каждого народа обратились к форуму на родном языке о проблемах своего этноса и перспективах развития сотрудничества в финно-угорском мире. Работа форума проходила в пяти тематических секциях: «Этнополитика и право», «Язык и образование», «Культура», «Здоровье, демография, экология», «СМИ и информационные системы».

Участники приняли резолюцию конгресса, одобрили решение о проведении V Всемирного конгресса в г. Ханты-Мансийске и размещение штаб-квартиры в г. Хельсинки. Председателем Консультативного комитета финно-угорских народов вновь избран В.Марков.

20–24
сентября
г. Ханты-Мансийск

VIII международный конгресс финно-угорских писателей. Основной темой конгресса стали эпос и фольклор финно-угров. Эпическим и фольклорным традициям в современной литературе были посвящены основные выступления на пленарных и секционных заседаниях, в работе которых приняли участие более ста участников из восьми стран мира (Финляндия, Эстония, Венгрия, Россия, Америка, Великобритания, Франция, Словения). Основные направления работы ассоциации будут направлены на развитие переводческой деятельности, издание литературы на финно-угорских языках, сохранение фольклора и культурных традиций.

Впервые на конгрессе участвовало много зарубежных писателей, переводчиков и литературоведов. Председателем Ассоциации избран профессор Петер Домокош.

Сентябрь *г. Ханты-Мансийск*	Создан мультимедийный сборник «Антологии прозы и поэзии финно-угорских народов».
24 сентября *г. Хельсинки*	В рамках дней родственных народов 2004 года семинар «Фольклоризируются ли национальные меньшинства? СМИ в оковах идеологии». Организаторы – Юлейс-радио, Общество М.А. Кастрена, Министерство образования Финляндии.
29 сентября– 3 октября *г. Сыктывкар*	XI Международный фестиваль телепрограмм и фильмов «Финно-угорский мир». 20 телекомпаний представили более 50 работ.
Октябрь	Дни родственных финно-угорских народов.
1 октября *г. Турку* *Финляндия*	Состоялся V российско-финский культурный форум.
Октябрь *г. Сыктывкар*	В национальной библиотеке Коми открыт информационно-культурный центр «Мир без границ». На базе иностранного отдела библиотеки начали работать три новых зала американской, немецкой, финно-угорской литературы.
14 октября *Эстония*	Вышел в свет «Календарь финно-угорских народов» со знаменательными датами, который знакомит с культурой финно-угорских народов.
16 октября *г. Хельсинки*	Празднование 60-летия Общества «Финляндия-Россия». Общество способствует развитию взаимопонимания, дружеских контактов и делового сотрудничества между гражданами и организациями Финляндии и России в разных сферах жизни. Мерья Ханнус, генеральный Секретарь Общества, член международного Консультативного комитета финно-угорских народов, награждена российским Орденом дружбы.

16 октября *г. Москва*	В Доме национальностей в День родственных финно-угорских народов проведен «круглый стол» по итогам IV Всемирного конгресса финно-угорских народов.
25 октября *г. Москва*	Впервые после распада СССР проведены Дни венгерской культуры.
Ноябрь *г. Салехард*	В традиционных встречах финно-угорских народов в Центре культуры народов Севера приняли участие около 200 человек.
19–28 ноября *г. Йошкар-Ола*	V Международный фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул». Спектакли показали театры всех финно-угорских регионов России. Впервые участвовал Театр обско-угорских народов, созданный в 2002 году. Свое мастерство показали актеры театра г. Раквере из Эстонии, представлен был моноспектакль из Венгрии. В рамках фестиваля прошли конференция по проблемам драматургии финно-угорских театров, семинар-совещание финно-угорских драматургов с участием театроведов из г. Москвы, г. Санкт-Петербурга.
Осень *г. Хельсинки*	Издана энциклопедия о народной культуре финно-угорских народов России.
9 декабря *г. Петрозаводск*	Международная научно-практическая конференция по проблемам соблюдения прав коренных народов в российском и мировом контекстах. Участвовали представители органов власти, научно-исследовательских институтов и национальных движений из г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, г. Мурманска, Республики Коми, Ненецкого автономного округа, Эстонии, Венгрии, Норвегии.
15 декабря *г. Санкт-Петербург*	Встреча Президента Российской Федерации В.Путина с Президентом Финляндии Т.Халонен.
10 декабря *г. Ижевск*	Состоялся IX Всеудмуртский съезд ассоциации «Удмурт Кенеш». Участвовали 381 делегат, 150 гостей из 12 регио-

нов России, Финляндии, Эстонии, Венгрии.
Президентом ассоциации вновь избран В.Тубылов.

18 декабря
г. Самара

В областном краеведческом музее им. П.В. Алабина прошел день финно-угорских народов, в рамках которого состоялись выставка картин художников А.Алешкина, М.Ерошкина, выступления представителей общественных организаций, районных национальных центров, творческих коллективов Самарской области и Мордовии.

Игорь Садовин
г. Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2004, №2.

ВСПОМИНАЯ КАРЛА ФРЕДРИКА МЕЙНАНДЕРА (1916–2004)

23 августа 2004 г. ушел из жизни старейшина финской археологии Карл Фредрик Мейнандер. Для всех, кто интересуется археологией севера Европы, это имя значит очень многое.

К.Ф. Мейнандер родился в г. Хельсинки 6 октября 1916 г. в семье выдающегося финского искусствоведа первой трети XX века Карла Конрада Мейнандера (1872–1933). Старший Мейнандер с 1900 г. был связан с Национальным музеем – сначала в качестве интенданта, а затем руководителя исторического отдела Археологической Комиссии (ныне Музейное ведомство). В 1934 г. Карл Фредрик стал студентом университета Хельсинки, однако учебу на историко-филологическом факультете пришлось прервать в 1939 г. из-за начавшейся войны. Мейнандер участвовал в ней (1940–1944 гг.), получив легкое ранение. В 1943 г. для сдачи магистерского выпускного экзамена и получения степени кандидата философии ему был предоставлен отпуск. Защита прошла успешно и в необычной обстановке. К.Ф. Мейнандер и А.М. Тальгрен, руководивший его студенческой работой, выбрали для этой цели известный кафетерий «Ekberg».

Активная научная и педагогическая деятельность Мейнандера пришлась на 40–80-е годы XX века. В 1947–1970 гг. он сотрудник, а затем руководитель Музейного ведомства. В течение 27 лет К.Ф. Мейнандер преподавал на кафедре археологии университета Хельсинки, сначала будучи доцентом (1955–1970 гг.), а потом – профессором (1971–1982 гг.). В 1954 г. вышли его первые монографии (1; 2). Книга «Die Bronzezeit in Finnland» явилась диссертационным исследованием Мейнандера, защищенным в том же году. Уйдя в 1983 г. на пенсию, К.Ф. Мейнандер еще долго оставался действующей фигурой финской археологии. При этом он продолжал интересоваться новейшими исследованиями своих российских коллег и даже включился в полемику, связанную с двумя актуальными проблемами: распространения постнеолитических памятников типа Волосово в лесной полосе Восточной Европы и в Финляндии (3) и этнокультурного своеоб-

разия Акозинского и Старшего Ахмыловского могильников, сложения и путей распространения меларских кельтов (4).

К.Ф. Мейнандер был одним из последних учеников А.М. Тальгрена, внесшего неоценимый вклад в развитие археологии в России и в СССР. В 1939 г. прервались все нити общения финских и советских ученых, включая переписку, но в 1940–1941гг., в «окошке» между войнами, Тальгрен стремился через посольство в г. Москве получить все новые доступные издания по археологии СССР. О проблемах восточноевропейской археологии он пишет даже в годы войны (5, с. 139). Последняя публичная лекция А.М. Тальгрена (1944 г.) была посвящена эпохе палеолита в России (6, с. 119). Тальгрен по сути передал Мейнандеру ту эстафетную палочку, которую достойно пронесли многие поколения финских археологов, этнологов и лингвистов, всем своим научным творчеством связанных с изучением древних и современных культур, народов и языков Европейской и Азиатской России. Тальгреновский импульс определил глубокий интерес Карла Фредрика к древностям лесной полосы Восточной Европы и, в особенности, – бронзового и раннего железного веков.

К.Ф. Мейнандер был в числе тех финских ученых, кто преодолевал пагубный разрыв научных связей между Финляндией и СССР в результате войн 1939–1940 и 1941–1944 гг. Его первым корреспондентом в России стал А.Я. Брюсов – крупнейший в 1950-е годы знаток древностей Карелии и Русского Севера в целом. Мейнандер стоял у истоков организации регулярных советско-российско-финляндских археологических симпозиумов, которые явились весьма действенным и полезным форумом для обсуждения многих проблем древней и средневековой истории и археологии Финляндии и Северо-Запада России. В 1969 г. в рамках Финляндско-Советской Комиссии по научно-техническому сотрудничеству была основана рабочая группа в области археологии (Мейнандер возглавлял ее в 1970–1985 гг.), а начиная с 1970-х годов стали проводиться совместные симпозиумы (7, с. 7–8). Первый из них состоялся в 1976 г. в г. Ленинграде, последний – в минувшем году в Пушкинских Горах. К.Ф. Мейнандер вслед за своими предшественниками и учителями И.Р. Аспелиным, А.М. Тальгреном, А.Хакманом, Ю.Айлио, А.Еуропеусом, К.А. Нордманом понимал, что вряд ли можно разрешить в финской археологии любую проблему без изучения материалов Карелии, Восточной Балтики и в целом лесной полосы Европейской России (8, с. 5).

Прошло уже более 20 лет, как профессор Мейнандер отошел от активной научной и преподавательской деятельности. Однако все эти годы

в СССР и в России не ослабевал интерес к тем его трудам, которые непосредственно связаны с изучением ряда актуальных проблем отечественной археологии (1; 2, 3; 4; 9; 10; 11; 12).

Первая из них – проблема предыстории западных финно-угров. Реконструируемая К.Ф. Мейнандером археологическая модель ранних этапов этнической истории западнофинских народов опирается на предпосылку о том, что «северная зона хвойных лесов (Восточной Балтики и Фенноскандии – *С.К.*) была для них исходной территорией и продолжала оставаться ею в течение девяти тысячелетий» (10, с. 28). Мейнандер, как и многие его предшественники и последователи, считал, что данные археологии свидетельствуют о преемственности археологических культур, а соответственно – о доминанте внутреннего демографического развития населения этой области. При этом он отмечал проникновения восточных культурных элементов в эту область на протяжении каменного, бронзового и раннего железного веков, но полагал, что «исконная основа прафиннов от этого не изменилась» (12, с. 30).

Вторая проблема – Биармия и биармы. В финской историографии легендарная страна биармов чаще всего локализовалась в районе Ладожского озера, а сами биармы отождествлялись с карелами. А.М. Тальгрен, одним их первых подошедший к изучению этой проблемы с позиций археологии, стоял перед выбором: Биармия – это Верхнее Прикамье с Пермью или Приладожье, но в итоге склонился ко второму варианту (18). К.Ф. Мейнандер обратил внимание на находки т.н. «пермских» предметов в Финляндии и на севере Скандинавии (11, с. 36–39), полагая, что они могли быть оставлены торговцами или коробейниками, вероятнее всего, из Поволжья, которые в период раннего средневековья поддерживали активные контакты с партнерами в Южной Финляндии, Лапландии и в промежуточных лесных областях. Внимание Мейнандера привлекли также находки глиняных лап (являвшихся, по его мнению, таким же магическим средством, как и бронзовые лапчатые подвески), распространенных от Аландских островов до Ярославского Поволжья (11, с. 37). В итоге страна Биармия была локализована им в Верхнем Поволжье центром в районе Ярославля.

Третья проблема связана с соотношением и взаимодействием археологических культур Фенноскандии и лесной полосы Восточной Европы – от мезолита до позднего средневековья. Еще 50 лет тому назад в своем диссертационном исследовании Мейнандер наметил основные этапы развития культур Финляндии в эпохи раннего металла и раннего железа, связал их с этапами культурогенеза в Восточной

Балтике и выявил характер волго-окских и волго-камских этнокультурных проявлений в памятниках Финляндии и Карелии (2).

Особенно важной является выдвинутая им гипотеза о принадлежности меларских кельтов Восточной Европы и Финляндии населению, оставившему памятники с ранней «текстильной» керамикой (1, с. 38, 39, 205, 207). Эта гипотеза, к сожалению, не вызвала отклика в советской литературе 1950–1970-х годов. Сказывался примат ананьинской принадлежности всех памятников Среднего Поволжья и Поочья, содержавших оружие этого типа (см. работы А.Х. Халикова, П.Н. Третьякова, В.С. Патрушева). Меларские кельты рассматривались тогда как одна «из наиболее своеобразных черт ананьинской культуры Марийского Поволжья» (13, с. 42). После того, как гипотезу К.Ф. Мейнандера удалось «подкрепить» новыми доказательствами (14; 15; 16; 17), она завоевывает все большее число сторонников в России.

Сам Мейнандер еще не раз возвращался к проблеме интерпретации находок кельтов меларского и ананьинского типов и литейных форм для их отливки вне ареала Среднего Поволжья (9, с. 27–69; 3, с. 29). В одной из своих последних статей он (вслед за Е.Боду) констатировал, что в Швеции меларские кельты не были найдены ни в могильниках, ни в кладах, что они не соответствуют внутренней скандинавской металлургической традиции. В то же время появление этого оружия в Волго-Камье рассматривалось им через призму торговли металлом ананьинского мира с культурами северо-западных районов Европы (включая «текстильные»), благодаря чему западный тип кельтов укоренился в ареале средневолжского ананьина (4, с. 33).

К.Ф. Мейнандер оппонировал О.Н. Бадеру и А.Х. Халикову в понимании этнической принадлежности волосовской культуры, сомневаясь в том, что «она могла включить в себя все языковое и культурное наследие финно-волжского периода» (12, с. 28). Указывая на сходство керамики Волосова и памятников Фенноскандии и Восточной Балтики (группы Kierikki, Pyheensilta, Pöljä, Tamula, Jettbole), Мейнандер видел за этим параллельное развитие племенных групп таежных охотников и рыболовов, которые понимали язык друг друга.

Не менее важным является для нас понимание К.Ф. Мейнандером процессов культурогенеза в Финляндии и в Карелии в век «текстильной» керамики, представленной здесь памятниками типа Sarsa. Первоначально он относил их к охотничье-рыболовецкому населению и склонялся, скорее, к признанию этого населения прямыми потомками местных поздненеолитических групп. Но тогда же возникла дилемма: «если

бы можно было доказать, что население Сарса знало земледелие и интенсивно пользовалось металлом, то это было бы очень веским аргументом в пользу миграции» (12, с. 29). Вскоре появились палинологические данные о наличии подсечно-огневого земледелия в период существования памятников типа Sarsa, и Мейнандер согласился с тем, что они оставлены новым населением, владевшим агрикультурой и металлообработкой и пришедшим во внутренние районы Финляндии с территории, прилегающей к Ладоге (3, с. 29).

Карл Фредрик Мейнандер оставил о себе добрую память как ученый и как личность. И если финские археологи иногда с юмором вспоминают о «чудачествах» своего старого профессора, то это свидетельства, прежде всего, человечности его натуры. В личном общении он оказался еще и весьма пытливым собеседником: Мейнандер не обошел стороной ни одного острого вопроса, связанного с загадочным распространением меларских кельтов, при обсуждении моего доклада в университете Хельсинки в 1990 г. При этом его замечания – при всей их остроте – были содержательными и, что немаловажно в тот момент, благожелательными. Они мне очень помогли при подготовке доклада в печать (16; 17).

В последние годы я встречал К.Ф. Мейнандера все реже. В памяти запечатлелись узнаваемая, несколько сутулая походка Мейнандера, идущего по коридору археологического отдела Музейного ведомства, и реакция моих финских коллег и друзей на его появление. Мною оно воспринималось как шествие и торжество патриарха, заслужившего своим безупречным служением археологии уважение и почтение со стороны коллег и учеников. Кажется, все понимали, что с его уходом уйдет и целая эпоха в археологии Финляндии, оборвется та живая нить, что соединяет их с поколением Аспелина и Тальгрена – отцов-основателей финской археологии.

Печально, что прервалась «осень» патриарха. К.Ф. Мейнандер ушел, но мне верится, что он все сделал для того, чтобы связующая нить поколений стала еще крепче. Остались его труды, идеи и гипотезы, которые стимулируют поиски его учеников и последователей. Мейнандер, безусловно, был и останется одной из знаковых фигур в финской археологической науке, которой он верно служил более полувека.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Meinander C.F.* Die Kiukaiskultur // SMYA. T. 53. 1954.

2. *Meinander C.F.* Die Bronzezeit in Finnland // SMYA. T. 54. 1954.

3. *Meinander C.F.* Volosovo and the Baltic // Iskos 4. Helsinki, 1984.

4. *Meinander C.F.* Akozino, Achmylovo och mälaryxorna // FM, 1985.

5. *Kivikoski Ella.* The Bibliography of A.M. Tallgren // ESA. Supplementary Volume. 1954.

6. *Kivikoski Ella.* A.M. Tallgren // ESA. Supplementary Volume. 1954.

7. *Едгрен Т.* Introduction [Введение] // Iskos 4. Helsinki, 1984.

8. *Мейнандер К.* Вступительное слово // Финно-угры и славяне: (Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г.). Л., 1979.

9. *Meinander C.F.* Dåvits // FM, 1969.

10. *Мейнандер К.Ф.* Проблема происхождения финно-угров по данным археологии // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974.

11. *Мейнандер К.Ф.* Биармы // Финно-угры и славяне: (Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г.). Л., 1979.

12. *Мейнандер К.* Финны – часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник: Антропология. Археология. Этнография. М., 1982.

13. *Патрушев В.С.* Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья // СА. 1975. № 3.

14. *Кузьминых С.В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1977.

15. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

16. *Кузьминых С.В.* Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии: (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань, 1993.

17. *Kuz'minych S.V.* Osteuropäische und fennoskandische Tullenbeile des Mälartyps: ein Rätzel der Archäologie // Fennoscandia archaeologica XIII. Helsinki, 1996.

18. *Tallgren A.M.* Biarmia // ESA. 1931. Vol. VI.

Сокращения

СА – Советская археология
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
FM – Finskt Museum. Helsingfors.
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.

Сергей Кузьминых
Москва

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ» ЗА 2002 ГОД

Андуганов Ю. Профессору Л.Ш. Арсланову – 70 лет 2
Валитов Г. О работе диссертационного совета по специальности «Финно-угорские и самодийские языки» 1
Вальгамова С. Образование глаголов со значениями одноактного способа действия 2
Иванов А. Общинное землепользование горных марийцев в первое пореволюционное десятилетие (1917–1927 гг.) 1
Иванова М. Рец.: Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с., ил. 2
Калинина О. Праздничная обрядность марийцев в исследованиях В.М. Васильева 2
Кузьминых С. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90-х гг.) 1
Кульбаева Н. Театральное братство «Майатул» 2
Лехтинен И., Молотова Т. Совместная финско-марийская экспедиция в Шор-Уньже 2
Лисовская Г. Коми новеллистика конца XX века 1
Лисовская Г. Каллистрат Жаков и Фридрих Ницше 2
Матросова Л. Имя прилагательное в роли предикативного члена в современном марийском языке 1
Микушев Р. Функциональная и структурная характеристика категории обращения в коми фольклорных текстах 1
Молотова Т. Г.А. Сепееву – 70 лет 1
Молотова Т. Традиционные марийские народные обряды, связанные с рождением детей 2
Навстречу 10 Международному конгрессу финно-угров 2
Никитин В. Рец.: Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М., 1998. 259 с. 1
Никитина Н. Новые страницы из жизни Т. Е. Евсеева 2
Поташов В. Проблемы возрождения вепсского народа 2
Пьянкова Т. Международный семинар по проблемам этнографии в музейной деятельности 2
Рогачев В. Свадебные песни финнов и мордвы: соответствия и параллели 1

Рюйтел И. Эстонский музыкальный фольклор 2
Садиков Р. Духи-покровители жилища у закамских удмуртов 1
Садовин И. Хроника культурной и научной жизни финно-угорских народов в 2001 году 1
Садовин И. Финно-угорский календарь культурной и научной жизни в 2002 году 2
Сануков К., Алексеева Э. Марийский просветитель П. П. Глезденев (к 135-летию со дня рождения) 1
Сануков К. Рец.: Хено Сарв. Коренные европейцы к востоку от Москвы: население и пути миграций крупнейших финно-угорских народов в России с XVIII по XX века / Диссертация по географии университета Тарту. Тарту, 2002 2
Сануков К. Рец.: Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 140 с. 2
Сепеев Г. Г.И. Соловьева – исследователь культуры марийского народа 1
Сепеев Г. Марийцы в этнологических исследованиях К.И. Козловой. 2
Соловар В. Структурно-семантическая организация двухактантной модели с глаголами, выражающими направление 2
Соловьева Г. Терминология вышивки в словаре В.М. Васильева «Марий мутер» 1
Турубанов А. Рец.: Попов А. А., Нестерова Н. А. Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). Сыктывкар, 2000. 180 с. 1
Цыпанов Е. Коми язык: путь к государственному 1
Цыпанов Е. К 10-летию I Всемирного конгресса финно-угорских народов 2
Чепреги М. Петер Хайду (1923–2002) 2
Чеснокова С. Валентин Колумб: к проблеме противостояния поэта и власти 2
Шабаев Ю. Финно-угорская культурная политика в контексте межрегиональных и межгосударственных связей 1
Шабдарова Л. Растительный мир и образ яблони в песенной лирике мари 1
Шкалина Г. Менталитет культуры народа мари 1
Ююкин М. Топонимические этимологии: Кинешма, Кудепь, Олонец. 2

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ» ЗА 2003 ГОД

Абукаева Л. Именительный представления как конструкция экспрессивного синтаксиса в марийском языке 1
Абукаева Л. Синтаксические фразеологизмы с местоименными постоянными компонентами в марийском языке 2

Андрианов С. Горномарийские песни в собрании В.М.Васильева . 1
Арсланов Л. Топонимические заметки 1
Атаманов М. По следам воршуда Зумья 1
Бояринова Г. Концепция изображения человека в марийской драматургии 1
Вершинин В. Научная конференция, посвященная проблемам современной марийской терминологии 1
Воецких Е. Карлыганская Центральная вотская школа (1883–1918 гг.) (к 120-летию основания) 1
Галкин И. Рец.: Куклин А.Н. Олык-эрвел марий орфоэпий: Тунык-тышылан полыш. Йошкар-Ола, 2003. 144 с. 2
Егоров Н. Рец.: Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002. 424 с. 2
Зайцева Н. Георгий Мартынович Керт. К 80-летию со дня рождения 1
Иванов И. Рец.: Beke Ödön. Mari nyeljárási szótár (Tscheremissiches dialektwörterbuch). T.1–9. Savariae. 1997–2001. 3332 с. 2
Калиев Ю. «Калевала» в контексте марийской мифологии 1
Калиев Ю. Рец.: Шкалина Г.Е. Традиционная культура народа мари. Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, 2002, 160 с. ... 1
Камитова А. Пространство и время в лирике К.Герда (на примере стихотворения «Керемет») 2
Коростелев А. К вопросу о соотношении языка горных и луговых марийцев 2
Краснова Н. Лексические выразительные средства, образованные глагольно-именными словосочетаниями, в горномарийском литературном языке 1
Кульбаева Н. К проблеме взаимоотношений Драматургии, Театра и Зрителя 2
Лехтинен И. К юбилею Анны-Леены Сийкала 2
Мамаева М. Конференция искусствоведов Республики Марий Эл.. 2
Мациевский И. Рец.: Миннияхметова Т.М. Традиционные обряды закамских удмуртов: структура, семантика, фольклор. Тарту, 2003. 257 с. 2
Мокшина Ю. К вопросу об изучении брака и семьи в традиционной юриспруденции мордвы (по материалам опубликованных источников XIII – первой половины XIX вв.) 1
Молотова Т. Научно-практическая конференция «Ткачество, вышивка финно-угорских народов» 1
Навстречу 10 Международному конгрессу финно-угроведов 2
Поздеев И. Современное состояние удмуртской диаспоры в республиках Марий Эл и Татарстан (по материалам этнографической экспедиции 2003 года)..... 2

Пулькин М. Русификация в XIX – начале XX в. в Карелии 1
Рогачев В. Типология мордовских свадебных причитаний 2
Ромбандеева Е. Мансийские народные географические термины ... 1
Садовин И. Финно-угорский календарь культурной и научной жизни 2003 года 2
Синуткина О. XIX Международная финно-угорская студенческая конференция IFUSCO 2
Соловьева Г. К юбилею З.Ф. Лаврентьева 1
Третий Международный исторический конгресс финно-угроведов 2
Тужаров Г. Рец.: Соколова Г.Л. «Определение в современном марийском литературном языке». Йошкар-Ола, 2001, 157 с. 1
Федосеева Н. Лагерная тема в марийской мемуарной прозе (1970–1990-е гг.) 2
Христолюбова Л. Педагог, ученый, поэт (к 60-летию В.Е. Владыкина) 1
Христолюбова Л. О новых профессиях удмуртских женщин в первой половине XX века (трактористки) 2
Чураков В. К критике воршудной теории 2
Шабаев Ю., Мальцев Г. Роль бани в народной медицине пермских и волжских финнов 1

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Казимов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, директор МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ

Сануков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета

Шабаев Юрий Петрович – доктор исторических наук, заведующий отделом этнологии Коми научного центра УрО РАН

Конаков Николай Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Коми научного центра УрО РАН

Кульбаева Наталия Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела искусств МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ

Сиикала Анна-Леена – доктор философских наук, профессор Академии наук Финляндии

Берестова Екатерина Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН

Никитин Валерий Валентинович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ

Садовин Игорь Геннадьевич – начальник информационно-аналитического управления аппарата Госсобрания РМЭ

Исанбаев Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ

Иванова Маргарита Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН

Кузьминых Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН

Сухин Владимир Иванович – кандидат исторических наук, ученый секретарь МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ

Шайдуллин Дамир Набиевич – член Союза архитекторов России, лауреат Государственной премии Республики Марий Эл в области архитектуры

CONTENTS

ARTICLES

Kazimov A.S. The journal «Finno-ugrovedeniye» is ten years old (1994–2004). 3
Sanukov K.N. Mari linguists during the repression in the 1930s. 7
Shabayev Y.P., Konakov N.D. The history of the ethnographic study of Komi people. 24

REPORTS

Khristolubova L.S. A Woman and the War (About the participation of Udmurt women in the Great Patriotic War) 66
Siikala A.-L. Analysis of Finno-Ugric mythologies: methodical questions 80
Kulbayeva N.I. Modern state of Mari theatre art in the context of «Mayatul» festival movement. 86
Berestova E.M. The role of confessional factor in the regulation of family-marriage relations in the second half of 19 and beginning of 20 centuries (according to the material in Udmurtia). 94
Lebedeva E.N. Syntactical characteristic features of Mari proverbs and sayings. 110

PERSONALITIES

Molotova T.L. Seppo Lallukka (to the 60th anniversary). 119
Nikitin V.V. Sergei Vladimirovich Bolshov (to the 50th anniversary). 129

SURVEYS AND REVIEWS

Vostrikov V.G. Rev.: Komi ASSR during the Great Patriotic war 1941–1945. Collection of documents and materials. Second edition, Syktyvkar, 2004. 288 p. 132
Isanbayev S.N., Sukhin V.I. Rev: Bondarenko O.E., Knyazeva G.A., Turubanov A.N. Forest complex of Komi Republic in the XX century. Syktyvkar, 2004. 183 p. 137
Shaidullin D.N. Rev.: Kudravsev V.G. Mari wooden architecture. Joshkar-Ola, 2004. 120 p., ill. 140

CHRONICLE

Ivanova M.G. Udmurt archaeological expedition is fifty years old. 143
Sadovin I.G. F-U Dairy of cultural and scientific life in 2004. 155

Kuzminyh S.V. To memory of Carl Frederic Mainander (1916–2004). ... 162
Contents of the Journal «Finno-Ugric Study» 2002, 2003. 168
Information about authors. 172

«Финно-угроведение», 2004, №2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Адрес редакции: 424036. г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Телефон: 64-19-28

Редактор, корректор *А.А. Крылова*
Технический редактор *Т.А. Рыбалка*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Подписано в печать 04.05.2005. Формат 60x84/$_{16}$. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 9,5. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 1036. Тираж 500.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП РМЭ «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112